КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XV.

ІЮЛЬ.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО BOOK SPACE

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюль, 1886 г.

I. КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ (*Продолженіе*) 384

II. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. II. ВАРНАКЪ. 410

III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. **А. Лазаревскаго** 443

IV. МАЛОРУССКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА. **Н. Ѳ. Сумцова** 456

V. ВѢДЬМА. (Полѣсскій разсказъ) (*Продолженіе*) 490

VI. АРХИВНЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ. **Д. И. Эварницкаго** 520

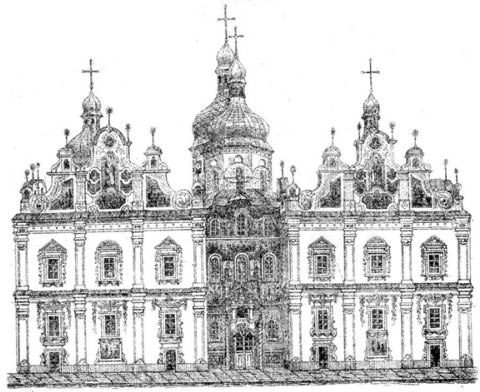
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Указатель къ изданіямъ Императорскаго русскаго географическаго общества съ 1846 по 1875 г. Спб. 1886 г.— *W.*—б) Збираныця зъ рыдного поля. Приповистки, оповѣдання и драматычни твори. Панаса Мырного. Кіевъ, 1876 г.—*Бориса Познанскаго.*—в) Отчетъ холмскаго свято-Богородицкаго братства за 1884—5 (шестой) годъ.—*К. Цыбульскаго* . 537

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Еще кое-что о Кармелюкѣ.—*С. Венгрженовскаго.*—б) Изъ археологическихъ поисковъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра.—*В. А.*—в) Служебная отписка по поводу рожденія урода.—Сообщ. *П. Дорошенко.*—г) Старинный южно-русскій дворянскій родъ Слупицъ и ихъ помѣстье Куна.—*Подолянина.*—д) Двѣ народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ.—*М. В.*—е) Къ исторіи черниговской типографіи.—Сообщ. *А. М. Лазаревскій.*—ж) Переобмундированіе воронежскихъ чиновниковъ конца XVIII ст.—Сообщ. *П. Е—ко* . . 553

Приложенія: а) ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1754 г) (*Продолженіе*). . . . . 305—320

б) Два вида и планъ великой церкви въ [illegible]ерской лаврѣ.

Продолжается подписка на „Кіевскую старину“ 1886 года. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1885 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.



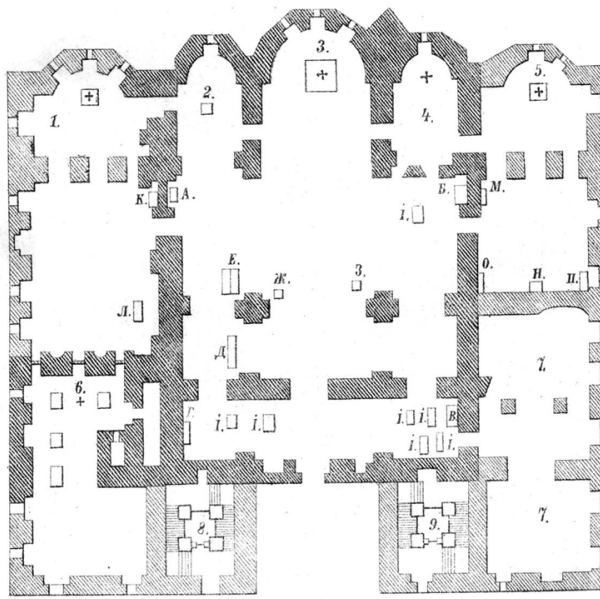
Великая церковь Кіево-Печерской Лавры въ нынѣшнемъ видѣ съ 1729 г.

Изъ книги Пречистыи Акаѳисты всесидмичныи

1677 г.

1. Алтарь архид. Стефана.
2. Жертвенникъ.
3. Алтарь главный Успенскій.
4. Алтарь архист. Михаила.
5. Алтарь Іоанна Богослова.
6. Алтарь Іоанна Предтечи.
7. Ризница.
8. Ходъ на хоры и въ библіотеку печатн. книгъ.
9. Ходъ въ библіотеку рукописей.

А) Мощи митр. Михаила.
Б) Глава св. кн. Владиміра.
В) Гробъ преп. Ѳеодосія.
Г) Мавзолей Констант. Острожскаго.
Д) Склепъ м. Петра Могилы.



Е) Склепъ съ гробами Иннокентія Гизеля, м. Варлаама Ясинскаго и графа П. А. Румянцева.
Ж) Усыпальница.
З) Усыпальница.
І) Гробницы краснаго шифера, подъ поломъ.
К) Перстъ архид. Стефана.
Л) Гробъ м. Павла тобольскаго и гробъ гр. Гудовича въ склепѣ.
М) Икона в. кн. Игоря Ольговича.
Н) Монументъ гр. П. А Румянцева.
О) П) Гробы архим. Романа Копы и Луки Бѣлоусовича.

Темная тушь означаетъ древнюю церковь XI-го вѣка, а штрихованная тушь — пристрой ней XVIII-го

Планъ великой церкви Кіево-Печерской Лавры.

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

(Продолженіе) [1])

Въ составъ кіево-печерской лавры нынѣ входятъ шесть монастырей, а именно: Главный монастырь при великой церкви, Больничный монастырь при св. троицкой церкви, Ближнія пещеры при крестовоздвиженской церкви, Дальнія пещеры съ церковью Рождества пресвятыя Богородицы, Китаевская пустынь съ церковью во имя св. Троицы и Голосѣевская пустынь съ церковью Покрова пресвятыя Богородицы.

Великая печерская церковь, центръ всей лавры, представляетъ собою обширное и величественное каменное зданіе, въ видѣ большаго квадрата, съ 3-ю закругленіями на восточной сторонѣ, съ углубленіемъ на передней западной сторонѣ при входѣ въ церковь, и съ 7-ю куполами. Западная, сѣверная и южная стѣны снаружи украшены лѣпною работою, а поверхъ карнизовъ выведены овальной формы щиты съ священными на нихъ изображеніями. Купола всѣ покрыты листовымъ золотомъ, а кресты на нихъ и глава средняго купола вызолочены сквозь огонь золотомъ червоннымъ. Длина великой церкви съ олтаремъ 21 саж., ширина $20^1/_2$ саж., высота въ стѣнахъ 7 саж.; отъ пола до купола съ крестомъ 22 сажени. Въ церковь ведутъ три желѣзныя двери: главная изъ нихъ или западная покрыта мѣдными, вызолоченными листами и украшена св. изображеніями.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., іюньск. кн., стр. 293—306.

Полъ изъ дубоваго паркета, уложенный въ 1886 году, въ замѣнъ прежняго изъ чугунныхъ плитъ, устроеннаго въ 1727 году. Древнюю церковь XI вѣка, созданную преподобнымъ Ѳеодосіемъ, составляетъ срединная часть храма съ 3-мя олтарными полукружіями и съ среднимъ куполомъ, упирающимся на дуги 4-хъ толстыхъ каменныхъ столбовъ; придѣлы вправо отъ гробницы св. Владиміра и влѣво отъ гробницы св. митрополита Михаила—позднѣйшія пристройки. Восточная стѣна главнаго алтаря имѣетъ полусферическую форму раковины, сходную съ формой алтаря кіево-софійскаго собора [1]) Древняя фресковая живопись, обновленная при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, не сохранилась на стѣнахъ великой церкви; нѣтъ въ ней теперь и древнихъ мозаическихъ изображеній, ихъ изгладила рука времени и самые слѣды ихъ исчезли въ пожарѣ 1718 года. Послѣ этого пожара стѣны великой церкви расписаны масляною живописью въ 1730 году и, за обветшаніемъ, вновь переписаны въ 1776 году. Остатки послѣдней, довольно художественной живописи сохраняются еще въ алтаряхъ и въ Стефановскомъ придѣлѣ; росписаніе средней части храма и на хорахъ произведено по прежнимъ чертамъ въ 1842 году лаврскими иконописцами, подъ руководствомъ іеромонаха Иринарха.

Иконостасъ главнаго алтаря состоитъ изъ сплошной, рѣзной по дереву, во вкусѣ рококо, и вызолоченной стѣны въ 3 ярусовъ или этажей, которая, возвышаясь до самого купола, простирается во всю широту храма отъ сѣверной до южной стѣны средней его части. Нижній ярусъ отдѣляется отъ 2-го или верхняго надъ нимъ роскошнымъ антаблеманомъ и колоннами

[1]) Работами по возобновленію великой лаврской церкви послѣ пожара въ 1718 г. и преобразованію ея въ настоящій видъ руководилъ посланный изъ Москвы мастеръ Федоръ Старченко. На обновленіе печерской церкви отпущено въ 1719 г. изъ казны 5,000 руб. и велѣно собрать съ каждаго изъ 10-ти малороссійскихъ полковъ по тысячѣ рублей; для той же цѣли отданы лаврѣ скотный заводъ умершаго въ г. Нѣжинѣ грека Алоя, а также колокола печерскаго Вознесенскаго монастыря и запорожскіе изъ Бѣлгорода и Харькова и утварь церкви Каменнаго Затона въ Кіевѣ.

роскошной рѣзьбы и раздѣляется на нѣсколько кіотовъ. Прочіе ярусы раздѣляются между собою карнизами и пилястрами. Всѣхъ иконъ въ иконостасѣ 64; изъ нихъ 42, находящіяся въ нижнихъ ярусахъ, покрыты серебряными, вызолоченными ризами, а 22 иконы верхнихъ ярусовъ имѣютъ только серебряные вѣнцы на ликахъ святыхъ. Намѣстныя 4 иконы, по преданію, принадлежатъ кисти художника—священника; серебряныя, вызолоченныя ихъ ризы украшены драгоцѣнными камнями и закрыты зеркальными стеклами въ металлическихъ рамахъ, на которыя наложены серебряныя звѣзды.

Извѣстная своими благотвореніями на пользу монастырей и соборныхъ церквей графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, въ бытность свою въ Кіевѣ, изъявила желаніе замѣнить этотъ громадный и тогда значительно потускнѣвшій деревянный иконостасъ новымъ, бронзовымъ, жертвуя на этотъ предметъ капиталъ 285,715 рублей серебромъ или, по тогдашнему счету, милліонъ ассигнаціями. Объ этомъ подана была ею митрополиту кіевскому Филарету собственноручная записка отъ 4 сент. 1844 года. Но доброе намѣреніе благочестивой жертвовательницы не встрѣтило сочувствія ни со стороны священно-архимадрита, ни со стороны братіи кіево-печерской лавры: имъ не желательно было разстаться съ иконостасомъ, хотя не древнимъ, но простоявшимъ здѣсь цѣлое столѣтіе и потому получившимъ уже нѣкоторое значеніе священной древности. Въ виду сего графиня Орлова, по совѣщаніи съ митрополитомъ Филаретомъ, новой запиской своей отъ 30 апрѣля 1847 года, отмѣнивъ прежнее свое намѣреніе устроить бронзовый иконостасъ, заявила, что пожертвованный ею капиталъ 285,715 рублей долженъ оставаться неотъемлемою собственностью кіево-печерской лавры на вѣчныя времена, съ тѣмъ, чтобы проценты съ онаго были употребляемы на возобновленіе позолотой теперешняго иконостаса главной церкви, на обновленіе иконостасовъ въ прочихъ лаврскихъ церквахъ, на позлащеніе главъ на лаврскихъ церквахъ и на прочія церковныя надобности. Нельзя не пожалѣть, что первоначальное намѣреніе графини Анны Алексѣевны не осуществилось, такъ

какъ съ приведеніемъ его въ исполненіе была бы изъята изъ соборнаго храма огромная масса высохшаго и пропитаннаго масломъ горючаго матеріала, который можетъ угрожать опасностью новаго пожара при случайной неосторожности съ огнемъ, а при уменьшеніи высоты иконостаса открылись бы дуги олтаря съ ихъ живописью и средняя часть храма получила бы надлежащее освѣщеніе.

Царскія врата иконостаса серебряныя, прорѣзныя, съ позолотой; устроены въ 1749 г. графомъ Сергѣемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, въ замѣнъ бывшихъ также изъ серебра, въ 1713 г. сдѣланныхъ его отцемъ, кіевскимъ воеводой, а въ послѣдствіи фельдшаломъ и графомъ, Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ и вѣроятно погибшихъ въ пожарѣ 1718 года. Надъ царскими вратами, на металлическомъ кругѣ, окруженномъ серебряными лучами, находится главная святыня этого храма— *чудотворная икона Успенія Божіей Матери*, которая по преданію, записанному въ сказаніяхъ преподобнаго Симона, епископа Суздальскаго, чудесно получена греческими художниками во Влахернскомъ храмѣ, предъ отбытіемъ ихъ изъ Константинополя, и принесена ими въ Кіевъ, какъ благословеніе Божіей Матери печерской обители. Икона эта небольшая, въ 9 вершковъ длины и $6^1/_2$ вершковъ ширины, на кипарисной доскѣ, изображаетъ Божію Матерь почившею на смертномъ одрѣ; вокругъ апостолы, 6 у головы и 6 у ногъ ея; апостолъ Петръ съ кадиломъ въ рукѣ, а св. Павелъ припалъ къ ея мощамъ. Выше одра Богоматери, сзади его, изображенъ Спаситель, держащій въ рукахъ душу Богоматери въ видѣ младенца; вверху, у главы Спасителя, два ангела съ убрусами въ рукахъ, готовые принять пречистое тѣло Богоматери. Икона эта покрыта золотою ризою и богато украшена алмазами, брилліантами и другими драгоцѣнными камнями, которые вдѣланы въ вѣнецъ и другія части ризы; къ ней же придѣланы замѣчательные по своей цѣнности: золотой, осыпанный брилліантами крестъ, даръ ея императорскаго высочества великой княгини Александры Петровны и крестъ брилліантовый, Высочайше по-

жалованный кіевскому митрополиту Филарету для ношенія на бѣломъ клобукѣ и имъ завѣщанный для украшенія иконы Богоматери. На металлическомъ вызолоченномъ кругѣ, къ которому прикрѣплена чудотворная икона, изображены вверху ея рельефно Богъ Отецъ и Св. Духъ, а по сторонамъ ея два ангела, поддерживающіе икону. Съ 1812 г. предъ ней теплится неугасаемая лампада, состоящая изъ 10 стакановъ разноцвѣтнаго стекла. Предъ началомъ поздней литургіи и по окончаніи ея, чудотворная икона, вмѣстѣ съ металлическимъ кругомъ, спускается внизъ посредствомъ шелковыхъ снурковъ и блоковъ, придѣланныхъ съ задней стороны иконостаса; также спускается она въ каждую среду въ началѣ литургіи и предъ нею тогда читается акаѳистъ Успенію Божіей Матери, съ пѣніемъ кондака совокупнымъ хоромъ двухъ клиросовъ.

По правую сторону царскихъ вратъ стоитъ рѣзной, вызолоченный аналогій съ прикрѣпленнымъ къ нему металлическимъ кругомъ, на которомъ, въ золотой рамѣ, помѣщена *мозаическая икона Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ*, данная іеросхимонахомъ Парѳеніемъ, а имъ полученная отъ графини А. А. Орловой-Чесменской. По лѣвую сторону царскихъ вратъ—такой же золоченый аналогій, съ прикрѣпленнымъ къ нему металлическимъ кругомъ, въ который вставлена высокой живописи *икона болящаго св. Іосифа, Обручника* пресв. Дѣвы, осыпанная алмазами, брилліантами, рубинами и другими драгоцѣнными камнями; икона эта пожертвована въ 1781 г. государемъ наслѣдникомъ, а въ послѣдствіи императоромъ Павломъ Петровичемъ въ проѣздъ его чрезъ Кіевъ за границу. Въ томъ же кругѣ, въ золотой ризѣ съ вѣнцемъ изъ 25 брилліантовъ, находится *икона благословляющаго Спасителя*, которою императрица Екатерина II-я благословила князя Г. А. Потемкина предъ отправленіемъ его на войну съ турками въ 1788 году. Икона эта принесена лаврѣ въ даръ племянницей князя Потемкина, графиней А. В. Браницкой.

Предъ царскими вратами, въ нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи, укрѣплено серебряное паникадило, даръ императрицы Ели-

саветы Петровны; другое большее, по срединѣ храма, даръ атамана донскихъ козаковъ Даніила Ефремовича Ефремова.

Въ средней части великой церкви хранится слѣдующая святыня:

Въ концѣ правой стороны большаго иконостаса, у южной стѣны, *глава* св. благовѣрнаго и равноапостольнаго князя *Владиміра*, въ среброкованной гробницѣ; она взята изъ гробницы св. Владиміра, находящейся въ кіевской Десятинной церкви, и положена здѣсь митрополитомъ кіевскимъ Петромъ Могилою въ 1635 г.

Въ западномъ концѣ той же южной стѣны *гробъ преподобнаго Ѳеодосія печерскаго.* Св. мощи его перенесены сюда изъ Дальнихъ пещеръ въ 1090 г., чрезъ 17 лѣтъ по его преставленіи; онѣ скрыты подъ спудомъ надгробія, обложеннаго серебряными и золочеными листами.

У гроба преподобнаго Ѳеодосія, вправо отъ него, *икона св. Христова Николая* съ частицей мощей сего угодника, вдѣланною въ серебряную ризу; вѣнецъ на ризѣ св. Николая украшенъ рубинами и смарагдами

Въ сѣверозападномъ углу церкви, въ лѣво отъ главнаго входа въ нее, въ серебряной гробницѣ подъ рѣзнымъ золоченымъ балдахиномъ хранятся *частицы мощей святыхъ печерскихъ.* Позади этой гробницы, въ глубокой со сводомъ нишѣ, помѣщается алебастровое *надгробіе князя Константина Ивановича Острожскаго,* защитника и покровителя православной церкви, скончавшагося въ 1-й половинѣ XVI вѣка. Впереди упомянутой гробницы, придѣлана къ стѣнѣ, въ золотой рамѣ и серебряной вызолоченой ризѣ, *икона преподобнаго Антонія* печерскаго, предъ которой всегда становился на молитву св. Димитрій ростовскій во время пребыванія своего въ кіево-печерской лаврѣ.

У сѣверной стѣны близь иконостаса *мощи св. Михаила, перваго мижрополита кіевскаго.* Первоначально они находились въ кіевской Десятинной церкви, а по разореніи ея татарами

хранились въ Ближнихъ пещерахъ; въ 1730 г перенесены изъ пещеръ на настоящее мѣсто.

Сзади гробницы святителя Михаила, въ придѣлѣ св. первомученика и архидіакона Стефана, хранится въ серебряной гробницѣ подъ золоченымъ балдахиномъ *перстъ св. архидіакона Стефана*, принесенный въ лавру въ 1717 году изъ молдавскаго Нямецкаго монастыря, бывшимъ романскимъ архіепископомъ Нахоміемъ, скончавшимся въ лаврѣ въ 1724 году.

Подъ алтаремъ Стефановскаго придѣла усыпальница съ гробами князей, гетмановъ и знатныхъ южно-русскихъ пановъ, благодѣтельствовавшихъ лаврской обители. Сохранившіяся въ самомъ придѣлѣ, на мѣдныхъ табличкахъ, надписи свидѣтельствуютъ, что здѣсь погребены, въ числѣ прочихъ: кіевскій генералъ-губернаторъ Михаилъ Ивановичъ *Леонтьевъ* († 17[illegible]2 г.) и его супруга *Марія Васильевна*, урожденная Эварлакова († 1746 г.); кіевскій оберъ-комендантъ Яковъ Васильевичъ *Элчаниновъ* († 1781 г.) и генералъ-маіоръ князь *Долгорукій*, умершій въ 1769 г. отъ раны, полученной подъ Хотиномъ. Въ концѣ южной стѣны этого придѣла желѣзная рѣшетка, съ надписью на вызолоченной доскѣ, означаетъ мѣсто, на которомъ погребенъ фельдмаршалъ, *графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ*, скончавшійся въ 1821 году. Вблизи этой рѣшетки входъ въ склепъ, въ которомъ нетлѣнно почиваетъ тѣло тобольскаго митрополита *Павла* Конюскевича, скончавшагося на покоѣ въ лаврѣ въ 1770 году.

Иконостасъ Стефановскаго придѣла рѣзной, золоченый, во всю длину и широту алтарной арки, стилемъ своимъ отличается отъ иконостаса великой церкви. Царскія врата серебряныя съ прорѣзью. Къ западной сторонѣ этого придѣла прилегаетъ алтарь древней малой церкви во имя св. *Іоанна* Предтечи, устроенной въ XI вѣкѣ въ память боярина Іоанна и сына его Захаріи; входъ въ церковь со двора лавры. Въ этой церкви обыкновенно отпѣваютъ покойниковъ изъ братіи великой церкви предъ отправленіемъ ихъ, для погребенія, въ Китаевскую пустынь. У южной стѣны Предтечевской церкви погребенъ въ 1836 году

преосвященный *Кириллъ Куницкій*, епископъ чигиринскій, скончавшійся въ лаврѣ, послѣ двугодичной болѣзни отъ паралича.

За гробницей св. князя Владиміра, въ правомъ или южномъ придѣлѣ великой церкви, устроенномъ въ 1-й половинѣ XVIII вѣка *во имя св. Іоанна Богослова*, у иконостаса при лѣвой стѣнѣ, древняя *икона Божіей Матери*, предъ которою молился въ 1147 году св. князь Игорь Ольговичъ во время убіенія своего въ б. Ѳедоровскомъ монастырѣ. На противуположной, южной сторонѣ серебряная *гробница съ частицами мощей* св. пророковъ, апостоловъ, святителей и мучениковъ, и принесенныя въ разныя времена въ лавру, часть трапезы Христовой, часть ризы Господней, часть крови св. Іоанна Крестителя и часть мура изъ гроба св. великомученика Димитрія Солунскаго.

Иконостасъ Богословскаго придѣла рѣзной, золоченый во всю длину и широту алтарной арки.

У западной стѣны этого придѣла надгробный, сѣраго мрамора, памятникъ фельдмаршалу россійскихъ войскъ, графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому († 1797 г.), съ бюстомъ его изъ бѣлаго мрамора. Фельдмаршалъ впрочемъ погребенъ не здѣсь, а у лѣваго клироса, съ сѣверной его стороны. Въ этомъ же придѣлѣ погребены священноархимандриты кіево-печерской лавры: *Романъ Копа* († 1736 г.) и *Лука Бѣлоусовичъ* († 1761 г.).

Главный, успенскій алтарь освѣщается тремя окнами восточной запрестольной стѣны; четвертое окно на сводѣ, подлѣ алтарной арки, съ куполомъ въ видѣ фонаря, сдѣлано въ позднѣйшее время. Престолъ, какъ и всѣ престолы древнихъ лаврскихъ церквей, сложенъ изъ кирпича и обложенъ серебряными вызолоченными досками, съ рельефными серебряными изображеніями, на сумму 10,000 рублей, пожалованную въ 1744 г. императрицей Елизаветой Петровной. Изъ напрестольныхъ вещей особое вниманіе обращаетъ на себя большая серебряная, вызолоченная дарохранительница, имѣющая видъ сѣни съ 12 агатовыми колоннами на пьедесталѣ изъ краснаго мрамора, пожалованная въ 1830 году императоромъ Николаемъ Павлови-

чемъ и его супругой императрицей Александрой Ѳеодоровной, а также большой серебряный вызолоченный крестъ съ такимъ же подножіемъ, заключающій въ себѣ серебра 1 пудъ и 7 фунт.

Горнее мѣсто, съ сопрестоліемъ кирпичной кладки, покрыто малиновымъ сукномъ и обведено въ верхней части металлическою вызолоченною рѣшеткой. По нижнему поясу запрестольной стѣны, на металлическихъ вызолоченныхъ доскахъ, написаны во весь ростъ изображенія святителей; вверху ихъ металлическія съ позолотой украшенія въ видѣ бордюра. Обращенная въ олтарь, задняя сторона иконостаса украшена св. изображеніями, представляющими различные прообразы новозавѣтныхъ событій.

Жертвенникъ главнаго алтаря по древнему обычаю занимаетъ собою отдѣльный придѣлъ съ лѣвой стороны главнаго алтаря: онъ помѣщенъ посреди придѣла въ видѣ престола и обложенъ въ 1771 г. серебряными вызолоченными досками, въ коихъ серебра 2 пуда, 18 фунтовъ и 49 зол На жертвенникѣ стоитъ большой *крестъ чистаго золота* на серебряномъ вызолоченномъ подножіи, съ славянскими надписями, въ которыхъ значится, что въ крестѣ находятся: часть животворящаго древа, часть столба и земли, обагренныхъ кровію Христовою, и вервь, которою Іисусъ Христосъ былъ привязанъ во время бичеванія.

Престолъ въ придѣльномъ *алтарѣ св. архидіакона Стефана* обложенъ мѣдными вызолоченными досками. Въ жертвенникѣ этого алтаря замѣчательна икона Спасителя въ младенческомъ возрастѣ, которую писалъ безрукій художникъ, держа кисть во рту; икона эта подарена царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ наставнику своему Симеону Полоцкому, а отъ него поступила въ печерскую обитель.

Въ *алтарѣ св. архистратига Михаила*, находящемся съ правой стороны главнаго алтаря, престолъ и жертвенникъ обложены бронзовыми вызолоченными досками, съ серебряною накаткою и таковыми же накладными бляхами, на счетъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской. Въ жертвенникъ его, находящійся при сѣверной стѣнѣ, вдѣланы рѣзной кипарисный

крестъ, въ серебряной вызолоченной оправѣ, съ частію животворящаго древа и частицами мощей разныхъ святыхъ, а также икона св. великомученицы Варвары съ частью ея мощей. У запрестольной стѣны круглое сопрестоліе съ рядомъ святителей въ рѣзныхъ золоченныхъ рамахъ, раздѣленныхъ таковыми же пилястрами.

Вправо отъ алтаря св. Михайловскаго, слѣдуютъ рядомъ придѣльные алтари св *Іоанна Предтечи, трехъ святителей* и св. *Іоанна Богослова*

Въ средней части храма, на столбахъ у клиросовъ помѣщены: *у праваго клироса каѳедра священно-архимандрита* кіево-печерской лавры; *у лѣваго клироса* рѣзная изъ дерева, вызолоченная *проповѣдническая каѳедра*. Подлѣ проповѣднической каѳедры была придѣлана къ столбу мѣдная вызолоченная доска съ надписью о томъ, что здѣсь въ 1780 г. слушалъ литургію австрійскій императоръ Іосифъ II.

Позади лѣваго клироса, между сѣверными окраинами столбовъ, погребенъ кіевскій митрополитъ *Петръ Могила* († 1647), а впереди этого гроба, у самаго лѣваго клироса, въ одной гробницѣ погребены: ученый священно-архимандритъ лавры *Иннокентій Гизель* († 1685 г.), кіевскій митрополитъ *Варлаамъ Ясинскій* († 1707 г.) и фельдмаршалъ, графъ П. А. *Румянцевъ-Задунайскій* († 1797 г.).

Подлѣ гроба преподобнаго Ѳеодосія, въ юго-западномъ углу великой церкви, входъ въ лаврскую ризницу, въ которой хранятся драгоцѣнности, заключающіяся въ разнообразныхъ предметахъ св. утвари, замѣчательныхъ то по своей древности и высокой стоимости, то по именамъ жертвователей. Это евангелія, кресты, чаши, дарохранительницы, панагіи, кресты наперсные, митры, саккосы и ризы, плащаницы, воздухи и покровы, особаго рода рѣдкости и наконецъ портреты.

Евангелій въ лаврской ризницѣ 54. Между ними особое вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія:

1. *Евангеліе* рукописное въ малый листъ, первой половины XVI в. Оно обложено въ зеленый бархатъ съ серебряными глад-

кими застежками и съ серебряными, вызолоченными же накладками; «писано, какъ значится въ надписи, въ 1538 г. повелѣніемъ и накладомъ Богдана Мартиновича Хребтовича, а писалъ оное Федоръ, Кузьминъ сынъ з Несвижа»; надпись же свидѣтельствуетъ, что евангеліе это «дано печерскому монастырю 14 сентября 1556 года Іоанникіемъ Горностаемъ, маршалкомъ государскимъ, старостою рѣчицкимъ, державцею Любоманскимъ» (№ 1).

2. *Евангеліе* рукописное, данное въ 1541 г, въ печерскую церковь Иваномъ Евстафіевичемъ Горностаемъ, подскарбіемъ, обложенное зеленымъ бархатомъ съ серебряными, пезгронозлащенными изображеніями (№ 2).

3. *Евангеліе* въ малый листъ; печатано въ Москвѣ 1636 г., обложка серебренная прорѣзной работы по зеленому бархату; на срединѣ по угламъ серебренныя золоченыя изображенія; оставлено параэклесіархомъ лавры іеромонахомъ *Елисеемъ Жуковскимъ*, скончавшимся 3 октября 1640 года (№ 3).

3. *Евангеліе* въ малый листъ, печат. въ Москвѣ 1644 г.; на серебряномъ вызолоченномъ съ прорѣзью окладѣ, внизу, гербъ жертвователя *Іоанна Предримірскаго* (№ 4).

5 *Евангеліе* въ листъ, московской печати, 1681 г.; обложено чеканными серебряными досками, съ накладными штуками, на которыхъ серебряныя чеканныя подъ черни изображенія; пожертвовано неизвѣстнымъ въ 1687 г. «по благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ и великомъ князѣ Алексіѣ Алексіевичѣ въ вѣчное его поминовеніе», какъ значится на краю оклада (№ 8).

6. *Евангеліе* въ большой листъ, московской печати 1689 г., обложенное серебряными вызолоченными досками съ вызолоченными различными св. изображеніями: пожертвованіе царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, присланное ими въ кіево-печерскую лавру 1691 г., въ вѣчное поминовеніе родителей ихъ и ихъ самихъ (№ 9).

7. *Евангеліе* того же изданія и года, въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ, съ разными св. изображеніями, даръ царицы Маѳы Матвѣевны (№ 10).

7. *Евангеліе* въ листъ, московской печати 1689 г., въ серебряномъ, вызолоченномъ окладѣ, пожертвованное 1695 г. генеральнымъ обознымъ запорожскаго войска Василіемъ Дунинъ-Борковскимъ; вѣсу въ немъ серебра 43 фунта (№ 13).

5. *Евангеліе* въ листъ, 1748 г., обложенное филигранною сѣткой съ финифтовыми изображеніями; пожертвовано въ 1751 г. ростовскимъ и ярославскимъ митрополитомъ *Арсеніемъ Мацѣевичемъ* (№ 42).

10. *Евангеліе* въ большой Александр. листъ, печат. въ Кіевѣ 1808 г. Верхняя доска его золотая (6 фун. 55 зол.), нижняя серебряная, съ финифтовыми изображеніями; богато украшено алмазами, брилліантами, рубинами, сапфирами, аметистами; стоимость его 17,173 руб. ас. Сдѣлано, коштомъ боголюбивыхъ вкладчиковъ» при митрополитѣ кіевскомъ Серапіонѣ (№ 54).

Крестовъ напрестольныхъ съ подножіями 20; изъ нихъ примѣчательнѣйшіе:

1. *Золотой крестъ* 4-хъ конечный, вѣсомъ 9 фунтовъ и 29 золотниковъ, съ чеканными изображеніями. Внутри его: часть животворящаго древа креста Господня, земля отъ св. гроба и часть камня отъ столба бичеванія. Подножіе серебряное, въ 1 арш. $3^1/_2$ вершка высоты, вѣсомъ 18 фунт. 24 зол. Крестъ этотъ приношеніе гетмана малороссійскаго Ивана Мазепы (№ 1).

2. *Крестъ серебряный,* вызолоченый, съ таковымъ-же подножіемъ, высоты 1 арш. 9 верш., серебра 36 фунт. 30 золот., въ 1722 году сдѣланъ въ поминаніе архимандрита лавры *Іоанникія Сенктовича* (№ 2)

3. *Крестъ кипарисный,* оправленный въ серебро и вызолоченный, съ таковымъ-же подножіемъ, $9^1/_2$ в. длины съ подножіемъ, сооруженъ въ 1657 г. печерскимъ старцемъ, монахомъ *Иларіономъ Катанскимъ* (№ 6).

Изъ 18-ти ручныхъ крестовъ замѣчательны:

1. Золотой крестъ съ частицами разныхъ святыхъ и съ финифтевыми изображеніями, украшенный изумрудами, вѣсомъ 1 ф. 39 золот., вкладъ Анны Ивановны Головиной, жены Сергія Автономовича 1749 г. (№ 1).

2. Золотой крестъ чеканной работы, съ частицами мощей святыхъ и частью животворящаго древа, вѣсомъ 2 фун. 38 золот., вкладъ атамана донскаго войска Данила Ефремовича Ефремова, 1750 г. (№ 2).

3. Золотой крестъ, 7-ми конечный, съ голубою эмалью, украшенный бриліантами, рубинами и изумрудами, съ частицами св. мощей, сдѣланный на счетъ лавры въ 1803 г. (№ 3).

4. Крестъ серебряный, 7-ми конечный, пестропозлащенный, съ накладными чеканными изображеніями, украшенный нѣсколькими камнями. На немъ двѣ надписи, свидѣтельствующія, что крестъ этотъ сдѣланъ первоначально «печерскаго монастыря архимандритою *Игнатіемъ*», передѣланъ при архимандритѣ Никифорѣ въ 1598 г., съ добавкою золота и серебра, и обновленъ въ 1763 г., причемъ положенъ внутрь его кипарисный крестъ съ частью животворящаго древа (№ 4).

5 Крестъ серебряный, позолоченый, 8-ми конечный, съ частью животворящаго древа и мощами святыхъ, 1671 года (№ 6).

Изъ 54 св. чашъ или потировъ замѣчательны:

1. *Золотая* чаша со всѣми принадлежностями, чеканной работы, съ чеканными изображеніями Спасителя и апостоловъ Петра и Павла; принесена въ даръ императрицей Анной Іоанновной 1737 года (№ 1).

2. Золотая чаша, вѣсомъ 6 фунт и $6^1/_2$ зол., богато украшенная алмазами, рубинами, сапфирами и изумрудами; сдѣлана въ 1717 г. «коштомъ князя Матѳея Петровича *Гагарина*, губернатора сибирскаго, тщаніемъ же митрополита сибирскаго Филофея Лещинскаго, схимонаха Ѳеодора»; къ ней дискосъ и звѣзда чистаго золота, вѣсомъ 3 ф. 95 зол. (№ 2).

3. Золотая, прорѣзной работы, съ эмалью, чаша, украшенная рубинами, алмазами и изумрудами, вкладъ гетмана Ивана *Самойловича* 1686 г.; къ ней золотые дискосъ и звѣзда, вѣсомъ 6 ф. и 16 золот. (№ 3).

4. Золотая чаша съ такими-же дискосомъ, звѣздою и лжицей, вѣсомъ 5 фунт. 81 золот., вкладъ послѣдняго священно-архи-

манрита лавры *Зосимы Валкевича* 1765 г. (№ 4) и другая также чаша съ чеканными изображеніями (№ 5).

3. Чаша серебряная, украшенная хризолитами, аметистами и топазами, вкладъ гетмана *Іоанна Мазепы* до придѣла св. Іоанна Предтечи (№ 6).

6. Чаша большая серебряная, вызолоченная, съ финифтевыми св. изображеніями, пожертвованная въ 1703 г. митрополитомъ рязанскимъ *Стефаномъ Яворскимъ* (№ 10).

7. Чаша серебряная, вызолоченная, іеромонаха *Транквиллиона* (№ 18).

8. Чаша серебряная, вызолоченная, съ чеканной накладкой, вкладъ монаха Власія 1689 г. (№ 21).

Между 8-ю дарохранительницами, по художественной отдѣлкѣ и высокой цѣнности, выдѣляются слѣдующія:

1. Серебряная дарохранительница, вызолоченная, въ видѣ балдахина на колоннахъ, украшенная брилліантами, вѣсомъ 32 фунта, даръ графа Сергія Борисовича Шереметева (№ 1).

2. Серебряная, пестрозолоченная, двухъярусная дарохранительница, вѣсомъ 37 ф., сдѣланная 1725 г. Товзею Шверомъ въ Вратиславѣ и принесенная лаврѣ въ даръ нѣкіимъ почитателемъ міровой святыни, какъ значится въ современной польской надписи (№ 2).

3. Дарохранительница серебряная, вызолоченная, въ видѣ портика на агатовыхъ колоннахъ и мраморномъ подножіи, вѣсомъ 2 п. 27 ф., даръ императора Николая I-го и супруги его императрицы Александры Федоровны, 1829 г. (№ 4).

Въ числѣ 6-ти кадилъ отличается своею древностію и оригинальною формою серебряное кадило съ пирамидальной крышей прорѣзной работы, жертва пана *Горностая* (№ 1).

Панагій 35. Между ними замѣчательны по именамъ жертвователей и по своей цѣнности слѣдующія:

1. Золотая панагія, съ образомъ Спасителя благословляющаго и съ портретомъ императора *Петра I*, на оборотной сторонѣ, украшенная алмазами, сапфирами и брилліантами (№ 1).

2. Серебряная, въ видѣ звѣзды, панагія, съ Распятіемъ на финифти, и съ портретомъ императрицы *Екатерины I* на оборотной сторонѣ, украшенная алмазами и сапфирами (№ 2).

3. Золотая панагія на зеленой эмали съ Распятіемъ, украшенная изумрудами, рубинами и алмазами, даръ преосв. *Варлаама Коссовскаго* (№ 3) и имъ же подаренная серебряная, *старинная* панагія, съ образомъ Божіей Матери, украшенная драгоцѣнными камнями (№ 4).

3. Двѣ золотыя панагіи съ драгоцѣнными камнями, неизвѣстнаго времени и неизвѣстнаго жертвователя (№ 7 и 8).

5. Панагія серебряная, вызолоченная, украшенная драгоцѣнными камнями, приношеніе с.петербургскаго архіепископа *Сильвестра Кулябки* (№ 10).

6. Панагія серебряная съ финифтовымъ изображеніемъ коронованія Божіей Матери, украшенная изумрудами, рубинами и стразами, вкладъ московскаго архіепископа *Платона Малиновскаго*, 1748 г. (№ 11).

7. Панагія 4-хъ угольная съ образомъ Спасителя благословляющаго, украшенная брилліантами, принесена въ даръ императоромъ *Александромъ I* въ 1816 г. (№ 14)

8. Панагія 8-ми угольная съ образомъ Успенія Богоматери, богато украшенная брилліантами, даръ государственнаго канцлера, графа *Румянцева*, въ воспоминаніе его отца, фельдмаршала Задунайскаго и его матери (№ 15).

9. Три панагіи, украшенныя драгоцѣнными камнями, архимандрита *Зосимы Валкевича* (№ 16, 27 и 29).

10. Панагія золотая, въ видѣ звѣзды, въ память генерала отъ инфантеріи *Пашсія Серіъевича Кайсарова*, умершаго 6 мая 1844 г., данная митрополиту кіевскому Филарету (№ 28).

11. Панагія серебряная, крестообразная, вкладъ архимандрита *Софронія Тарнавіота* (№ 30).

12. Панагія золотая съ образомъ Божіей Матери на сапфирѣ, богато украшенная сапфирами и брилліантами, поступила отъ митрополита кіевскаго *Филарета* (№ 31).

Въ числѣ 29-ти нанерсныхъ крестовъ замѣчательны:

1. Крестъ золотой, растворчатый, съ гравированными изображеніями святыхъ и гербомъ митрополита *Петра Могилы* (№ 11).

2. Крестъ золотой малый, съ изображеніями Спасителя и святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, а также гербомъ митрополита *Петра Могилы* (№ 23).

3. Золотой крестъ, украшенный рубинами и другими камнями, даръ преосвященнаго *Кирилла Шумлянскаго*, епископа переяславскаго (№ 2).

4. Крестъ, съ изображеніемъ Спасителя благословляющаго, на финифти, украшенный изумрудами и топазами, вкладъ преосвященнаго *Θеофилакта* (№ 22).

5. Крестъ съ распятіемъ на финифти, украшенный брилліантами и аметистами, пожалованный въ 1763 г., 16 марта, императрицей Екатериной II (№ 5).

6. Крестъ золотой съ Нерукотвореннымъ Образомъ въ срединѣ, богато украшенный брилліантами и аметистами, подаренъ графиней Анной Алексѣевной Орловой-Чесменской въ 1846 году б. намѣстнику лавры, архимандриту Лаврентію, а отъ него поступившій въ лавру (№ 9).

7. Крестъ, оправленный въ серебро, богато украшенный сапфирами и брилліантами, 8 сентября 1816 г. пожалованный іеросхимонаху лавры, слѣпому старцу *Вассіану* императоромъ *Аляксандромъ I* (№ 27).

8. Крестъ серебряный, украшенный богато сапфирами и брилліантами, пожалованный императоромъ *Александромъ I* бывшему намѣстнику лавры, въ послѣдствіи воронежскому архіепископу *Антонію Смирницкому* (№ 29).

Изъ 64 воздуховъ или покрововъ можно назвать:

1 Большой воздухъ краснаго рытаго бархата съ изображеніемъ по срединѣ Спасителя во гробѣ, а на каймѣ зеленаго бархата—св. Маріи *Магдалины*, мученицы Юліи, архидіакона *Стефана* и *Іоанна* Крестителя; вкладъ игумены Магдалины, матери гетмана Ивана *Мазепы* (№ 8).

2. Воздухъ и два покровца серебряной парчи съ золотыми цвѣточками, даръ *императрицы Екатерины Алексѣевны* (№ 50).

3. Воздухъ и два покровца серебряной богатой парчи, даръ *принцессы Анны* (№ 52).

4. Воздухъ и два покровца золотой богатой парчи по кофейному полю, даръ императрицы Елисаветы Петровны (№ 60).

Изъ 10 *митръ*, которыя всѣ украшены драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, въ особенности замѣчательны:

1. Митра кованая золотая, богато украшенная алмазами, сапфирами, рубинами, изумрудами и жемчугомъ, митрополита *Петра Могилы*, съ его гербомъ, вырѣзаннымъ на сапфирѣ, и литерами: П. М. М. К; въ ней вѣсу 5 фунтовъ, 51 зол. (№ 1).

2. Митра вся унизанная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, вѣсомъ 5 фунт., 39 золотниковъ (№ 2).

3. Митра съ золотымъ кованымъ поясомъ, также богато украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями—архимандрита Зосимы Ралкевича; вѣсу въ ней 5 фунтовъ, 38 золотниковъ (№ 3).

Изъ 30 саккосовъ обращаютъ на себя вниманіе:

1. Саккосъ матеріи серебрянной съ золотыми разводами, даръ императрицы *Елисаветы Алексѣевны* (№ 1).

2. Саккосъ золотаго глазета съ голубыми бархатными крестами, даръ императора *Николая Павловича* (№ 19).

3. Четыре саккоса, пожертвованные графиней А. А. *Орловой Чесменской* (№ 24, 25, 26 и 27).

Изъ 51 палицъ замѣчательны:

1. Палица, шитая серебромъ и шелками—бароновъ *Строгоновыхъ* (№ 1).

2. Три старинныя палицы (№№ 2, 3 и 4).

3. Палица золотой парчи, княгини Наталіи *Долорукой* (№ 12).

Наибольшее количество утвари великой лаврской церкви составляютъ священническія облаченія или ризы. Ихъ значится по описи 149; между ними, по выдѣлкѣ тканей и ихъ узоровъ, по богатству и разнообразію украшеній на нихъ, замѣчательны въ особенности:

1. Риза серебрянаго глазета съ золотыми цвѣтами, которой оплечье все унизано жемчугомъ по красному бархату, вѣсомъ 35 фунт., вкладъ царя и великаго князя *Алексѣя Михайловича* (№ 2).

2. Риза вишневаго гранитура съ серебренными цвѣтами, украшенная на оплечьи жемчугомъ, алмазами и брилліантами, даръ императрицы *Елисаветы Петровны* (№ 1).

3. Риза богатой золотой парчи, которой оплечье чернаго бархата унизано жемчугомъ и украшено крестомъ изъ алмазовъ и рубиновъ, звѣздами и розетами изъ алмазовъ, рубиновъ и алмазныхъ искръ, вкладъ бароновъ *Строгоновыхъ* (№ 3).

4. Ризы изъ парчи, князя Александра Куракина (№ 9); архимандрита Зосимы Валкевича (№ 5 и 6); кіевскаго генералъ-губернатора Михаила Леонтіева (№ 11); митрополита Павла Тобольскаго (№ 15); государственнаго канцлера Михаила *Воронцова* (№ 18); гетмана Даніила Апостола (№ 20); гетмана Ивана Скоропадскаго (№ 25); донскаго атамана Даніила Ефремова (№ 51); графини Наталіи *Разумовской* (№ 55); митрополита кіевскаго Іоасафа Кроковскаго (№ 56); княгини Наталіи Долгорукой (№ 62); императрицы *Анны Іоанновны* (№ 81 и 82); принцессы Анны Петровны (№ 83); княгини Горчаковой (№ 99); 6 ризъ императора *Николая I-го* (№ 112); риза митрополита Стефана Яворскаго (№ 114); двѣ ризы императрицы Екатерины I-й (№ 118 и 119) 1726 г.

Въ ризницѣ великой церкви кіево-печерской лавры, кромѣ поименованныхъ вещей, числящихся въ большемъ или меньшемъ количествѣ, слѣдуетъ отмѣтить еще нѣкоторые единичные предметы, заслуживающіе также вниманія. Таковы:

Покровы на мощи всѣхъ преподобныхъ печерскихъ, жалованные императрицами Анной Іоанновной и Екатериной II.

Золотой глазетовый покровъ съ императорскими гербами и горностаевой обшивкой, пожалованный на гробницу св. Владиміра императоромъ Николаемъ I-мъ.

Блюдо для благословенія хлѣбовъ серебряное, вызолоченное, вѣсомъ въ 22 ф. 29 золотниковъ, приношеніе полковника Алексѣя *Лесовицкаго*

Водосвятная чаша на 4-хъ морскихъ китахъ съ чеканными св. изображеніями, серебряная; вѣситъ 4 пуда, 10 фунт.; вкладъ священно-архимандрита *Зосимы Валкевича.*

Плащаница шитая золотомъ и серебромъ, съ св. изображеніями, украшенными жемчугомъ, рубинами и изумрудами, въ 1655 году принесенная въ даръ лаврѣ черниговскимъ епископомъ Зосимою *Прокоповичемъ* и передѣланная въ 1769 году.

Молитвенникъ въ черепаховомъ переплетѣ и въ серебряной оправѣ съ серебряными застежками, бывшій въ употребленіи императрицы Елисаветы Петровны во время ея пребыванія въ Кіевѣ.

Изъ числа предметовъ, къ ризницѣ не относящихся, но въ ней сохраняемыхъ, достойныя вниманія слѣд.:

Фельдмаршальскій жезлъ графа Петра Румянцева *Задунайскаго*, 12вер. длины и 1 вершокъ толстоты, золотой, круглый, осыпанный брилліантами и алмазами, вѣсомъ 2 ф. 3 золот., вкладъ государств. канцлера графа Н. П. Румянцева (№ 1).

Лавровая вѣтвь изъ золота съ эмалевыми листьями, украшенная брилліантами, его-же Задунайскаго (№ 2).

Столовые *часы*, серебряные, вызолоченные съ репетиромъ и съ 2 циферблатами, жалованные императрицей Екатериной II-й графу Алексѣю Орлову-Чесменскому.

Трость съ золотымъ набалдашникомъ, въ срединѣ осыпанные алмазами часы, даръ московскаго митрополита Платона.

По лаврской описи 1554 г. видно, что въ кіево-печерскомъ монастырѣ хранились изъ числа воинскихъ доспѣховъ: панцы-

рей 19, зброя бляховая, бехтеровъ 3, шеломовъ 10 и капалинъ 1; кромѣ того было 38 золотыхъ червоныхъ, привѣсистыхъ къ образамъ. Но ни одинъ изъ этихъ предметовъ не дошелъ до насъ. Остались, въ небольшомъ числѣ, лишь кубки, стаканы и кружки серебрянные старинной работы, да столовая серебрянная ложка 1590 г., едвали не самая старѣйшая вещь изъ прежняго лаврскаго имущества.

Особенную драгоцѣнность кіево-печерской лавры и принадлежность скарбницы ея великой церкви могли бы составлять портреты ея дѣятелей и благотворителей; по нимъ можно было-бы всякому посѣтителю всегда видѣть въ лицахъ исторію этого священнаго общественнаго учрежденія. Къ сожалѣнію, ихъ осталось весьма немного. Перечислимъ то, что сохранилось отъ всепогубляющаго времени. Вотъ эти портреты, частію въ позднѣйшихъ копіяхъ, но всего больше въ хорошо сохранившихся оригиналахъ.

Преподобнаго печерскаго игумена Стефана († 1094 г.); печерскаго игумена *Θеоктиста*, въ послѣдствіи епископа черниговскаго († 1123 г.); печерскаго архимандрита *Серапіона*, скончавшагося въ санѣ ростовскаго епископа 1275 г.; печерскаго архимандрита и епископа владимірскаго *Мелетія* Хребтовича († 1590 г.); печерскаго архимандрита *Никифора* Тура († 1596 г.); печерскаго архимандрита *Елисея* Плетенецкаго († 1624 г.); печерскаго священно-архимандрита и кіевскаго митрополита *Петра* Могилы († 1646 г.); печерскаго архимандрита *Іосифа Тризны* († 1654 г.); печерскаго архимандрита *Иннокентія Гизеля* († 1683 г.); москов. патріарха *Іоакима* Савелова († 1690 г.); печерскаго архимандрита Мелетія Вуяхевича († 1697 г.); печерскаго архимандрита, а потомъ кіевскаго митрополита *Варлаама* Ясинскаго († 1708 г.); печерскаго архимандрита *Иларіона* († 1709 г.); печерскаго архимандрита *Аѳанасія* Мисловскаго († 1714 г.); печерскаго архимандрита, а потомъ кіевскаго митрополита *Іоасафа* Кроковскаго († 1718 г.); преосвященнаго *Кирилла* Шумлянскаго, епископа переяславскаго, коадъютора кіевской митрополіи († 1726 г.); печерскаго архимандрита *Іоанникія* Сенютовича

(† 1729 г.); печерскаго архимандрита *Романа* Копы († 1736 г.); печерскаго архимандрита *Иларіона* Негребецкаго († 1740 г.); печерскаго архимандрита *Іосифа* Оранскаго († 1751 г.); печерскаго архимандрита *Луки* Бѣлоусовича († 1761 г.); печерскаго архимандрита *Зосимы* Валкевича († 1793 г.); митрополита тобольскаго *Павла* Конюскевича († 1770 г.); епископа бѣлгородскаго *Іоасафа* Горленка († 1758 г.); фельдмаршала, графа Бориса Петровича Шереметева; графа Сергія Борисовича Шереметева; атамана войска донскаго Даніила Ефремова 1752 г. и князя Дмитрія Ивановича Долгорукова († 1769 г.).

На *хоры великой церкви* всходятъ со двора съ западной стороны, влѣво отъ главныхъ входныхъ дверей. На хорахъ 4-ре придѣльныхъ алтаря: съ правой стороны—во имя преподобнаго *Антонія печерскаго* и во имя св. апостола *Андрея Первозваннаго*; съ лѣвой стороны—во имя преподобнаго *Ѳеодосія печерскаго* и во имя *Преображенія Господня*. Иконостасы въ нихъ рѣзные золоченые. Здѣсь-же на хорахъ, въ сѣверо-западномъ углу помѣщается *ученая библіотека лавры*, заключающая въ себѣ до 2,250 книгъ на русскомъ и другихъ языкахъ, которыя поступили большею частію отъ настоятелей и ученой братіи лавры. На правой сторонѣ хоръ, въ юго-западномъ углу, помѣщается *библіотека церковно-богослужебныхъ книгъ* на славянскомъ языкѣ, между коими хранятся и первоначальныя изданія печерской типографіи, съ отмѣнами, прибавленіями и исключеніями въ нихъ при разныхъ изданіяхъ, выходившихъ еще до соображенія ихъ съ московскими изданіями. Здѣсь-же хранятся высочайшія грамоты и рескрипты, данныя на имя лавры и ея священно-архимандритовъ, разные старинные крѣпостные и другіе документы. Число рукописей незначительно и между ними нѣтъ рукописей старѣе второй половины XVIII вѣка. Бывшая до 1718 года лаврская библіотека, которая, какъ видно изъ описанія антіохійскаго діакона Павла, помѣщалась внѣ церкви—въ ряду деревянныхъ братскихъ келій, сгорѣла въ этомъ году, когда пожаромъ истреблено все имущество лавры.

Въ «Исторіи Руссовъ» говорится, что эта библіотека была первою въ Россіи по многочисленности и рѣдкости, что она началась еще при Ярославѣ и сбережена въ пещерахъ отъ непріятельскихъ разореній и будто Петръ Великій даже заплакалъ при извѣстіи о ея утратѣ. Но никто другой, кромѣ неизвѣстнаго автора этой, во многомъ погрѣшительной исторіи, не говоритъ объ этомъ, а въ описи имущества кіево-печерскаго монастыря, составленной въ 1554 году, послѣ исчисленія богослужебныхъ книгъ, сказано только: «а опрочъ тыхъ вышей описанныхъ книгъ и иныхъ къ тому книгъ посполитыхъ (не церковныхъ) полтретядцать». Впрочемъ съ 1554 г. по 1718 годъ, въ особенности когда въ XVII вѣкѣ образовался въ этой лаврѣ кружекъ ученой братіи, могло составиться въ лаврѣ собраніе весьма рѣдкихъ книгъ и рукописей.

По надписямъ на мѣдныхъ вызолоченныхъ дощечкахъ, прибитыхъ къ внѣшнимъ стѣнамъ великой лаврской церкви, видно, что у южной ея стѣны погребены снаружи: сынъ стольника *Алексій Дмитріевичъ Комынинъ*, 1736 г.; преосвященный *Максимъ, католикосъ имеретинскій и абхазскій*, 1795 г.; *Зосима Валкевичъ*, послѣдній священно-архимандритъ кіево-печерской лавры, 1793 года; на восточной сторонѣ, близъ алтаря: *Марія Алексѣевна Гильбова*, урожденная Плохова, 1765 г.; подъ каменной плитой—соборный старецъ *Иліодоръ Копыстенскій*, бывшій экклесіархомъ лавры съ 1718 года по свою смерть въ 1758 г. На предверіи великой церкви, на двухъ чугунныхъ доскахъ, были надписи, въ которыхъ значилось, что здѣсь погребены: княгиня *Наталія Борисовна Долорукая*, дочь фельдмаршала, въ монашествѣ Нектарія, 1772 года, и сынъ ея князь Дмитрій Ивановъ Долгорукій, 1769 года. Съ сѣверной стороны подъ чугунною доской похоронена монахиня *Анастасія*, дочь стольника Прокофія *Соковнина*, 1767 г; отъ предверія по лѣвую сторону церкви подъ каменной плитой капитанъ *Дмитрій Гярзавичи*, 1776 г. и *Петръ Веселицкій* изъ рода владѣльцевъ Далматіи, 1787 г.

Фронтоны или щиты великой лаврской церкви, ниши или углубленія на ея стѣнахъ, а также всѣ три стѣны въ большомъ

углубленіи со стороны главнаго входа, образуемомъ двумя выступами боковыхъ частей храма, покрыты различными священными изображеніями, главнѣйшими сюжетами которыхъ служатъ событія, ближайшимъ образомъ связанныя съ возникновеніемъ обители и церкви, каковы: Успеніе и несеніе ко гробу Божіей Матери, соотвѣтственно сему несеніе ко гробу прп. Антонія и отдѣльно прп. Ѳеодосія, а также заложеніе великой церкви пр. Ѳеодосіемъ. На послѣдней картинѣ представлено, между прочимъ, какъ великій князь кіевскій Святославъ Ярославичъ копаетъ ровъ для фундамента.

Въ нижнемъ поясѣ алтарнаго закругленія, подъ стеклянной рамкой, виднѣется отрисованный на древней штукатуркѣ крестъ съ буквами **Іс. Хр., ника.** Въ старину такой формы кресты изображались на внутреннихъ стѣнахъ церкви, на тѣхъ мѣстахъ, которыя помазывались мѵромъ при ея освященіи. Вѣроятно, такіе-же кресты изображались тогда и на наружныхъ стѣнахъ, такъ какъ въ старину церковныя стѣны помазывались св. мѵромъ не только внутри церкви, но и снаружи, во время крестнаго хода съ св. антиминсомъ.

Въ разстояніи 17 саженей отъ южной стѣны великой церкви находится *братская трапеза*, старинное, каменное со сводами зданіе, заканчивающееся на восточной сторонѣ церковью св апостоловъ Петра и Павла съ позлащеннымъ куполомъ. Длина всего зданія 18, ширина 6 саженей. Къ нему справа примыкаютъ кухня и пекарня, въ которыхъ готовятъ пищу и пекутъ хлѣбъ и просфоры. Въ сѣняхъ трапезы написано на стѣнѣ перспективное изображеніе града Іерусалима; внутреннія стѣны и сводъ расписаны ликами преподобныхъ печерскихъ отцевъ въ золотыхъ звѣздахъ, а на передней стѣнѣ, отдѣляющей трапезу отъ церкви, иконостасъ въ золоченыхъ рамахъ, съ изображеніями св. Антонія и Ѳеодосія на простѣнкахъ дверей этой стѣны. Посреди трапезы четверогольный столбъ, подпирающій собою своды, съ изображеніями святыхъ.

Къ столбу съ передней стороны приставлена рѣзная каѳедра, съ которой во время обѣденнаго стола одинъ изъ братіи читаетъ житія дневныхъ святыхъ. Столы расположены подъ стѣнами на 3-хъ сторонахъ въ видѣ буквы П; въ сѣверо-восточномъ углу трапезы прикрѣпленъ къ стѣнѣ колокольчикъ, которымъ дается знакъ къ общей молитвѣ послѣ извѣстнаго кушанья и въ концѣ обѣда. Столовая посуда, по старинному обычаю, оловянная. Обѣдъ братіи состоитъ обыкновенно изъ двухъ блюдъ; къ столу подается квасъ, а въ праздничные дни медъ и пиво. Ужинъ не приготовляется, и братія, на сонъ грядуще, довольствуется сухоядѣніемъ. Нарочитая трапеза приготовляется изъ нѣсколькихъ блюдъ въ праздники Успенія Пресвятыя Богородицы (15 августа), въ день памяти преподобнаго Ѳеодосія (3 мая), памяти преподобнаго Антонія (10 іюля) и въ день освященія великой церкви (14 августа), который вмѣстѣ есть день перенесенія мощей преподобнаго Ѳеодосія изъ пещеръ въ построенную имъ великую церковь. Въ эти дни, кромѣ квасу, пива и меду, подается и вино и, вмѣстѣ съ братіею, въ трапезѣ обѣдаетъ самъ священно-архимандритъ лавры, митрополитъ кіевскій и галицкій. Онъ входитъ въ трапезу въ мантіи и въ ней-же садится за обѣдъ. Торжества ради приглашаются къ обѣду, кромѣ духовныхъ, и нѣкоторыя свѣтскія почетныя лица; но извѣчный порядокъ братской трапезы остается неизмѣннымъ. Трапеза начинается и оканчивается молитвеннымъ пѣніемъ, а съ каѳедры раздается обычное духовное чтеніе. Не можемъ не отмѣтить здѣсь особаго обычая, встрѣчающагося только въ царскомъ коронаціонномъ столѣ: всѣ присутствующіе за столомъ не начинаютъ пить вина и никакого другаго напитка до 2-го кушанья; предъ подачей его эклесіархъ или иной изъ братіи ударяетъ въ колокольчикъ, всѣ присутствующіе встаютъ съ мѣстъ, творится краткая молитва и затѣмъ пьетъ каждый, что желаетъ. При окончаніи обѣда совершается, при общемъ пѣніи всей монашествующей братіи, такъ называемый «чинъ возношенія панагіи», состоящій въ томъ, что одинъ изъ священнослужащихъ крестообразно трижды поднимаетъ вверхъ просфору предъ иконой на память того, что подобное дѣлали св. апостолы послѣ воз-

несенія Іисуса Христа и успенія Божіей Матери, оставляя за столомъ хлѣбъ въ честь ихъ и дѣля оный между собою. По окончаніи возношенія братія начинаетъ пѣть ирмосъ: *Побѣждаются естества уставы*, а во время пѣнія передается изъ рукъ въ руки всѣмъ присутствующимъ блюдце съ раздробленною частью просфоры и круговая чаша меду, почерпнутаго изъ большой серебряной вызолоченной чаши, украшенной финифтевыми иконками. Расходится братія изъ трапезы при колокольномъ звонѣ.

Настоящее трапезное зданіе заложено въ 1684 г., 3 іюля, при архимандритѣ Иннокентіѣ Гизелѣ, какъ видно изъ Дневника присутствовавшаго при этомъ инженера Гордона; въ 1694 году оно обновлено именитымъ гражданиномъ Михаиломъ Максимовичемъ; вновь обновлено послѣ пожара 1718 года. На этомъ-же, вѣроятно, мѣстѣ существовала и 1-я трапеза, построенная въ 1109 г. княземъ Глѣбомъ Всеславичемъ, гдѣ она была и въ 1638 году съ церковью св. апостолъ Петра и Павла, какъ видно на планѣ, приложенномъ къ «Тератургимѣ» Кальнофойскаго.

У входа въ присѣнокъ трапезы, подлѣ сѣверной ея стѣны, за желѣзною рѣшеткой, лежитъ плита бѣлаго камня, покрывающая могилу *Василія Кочубея* и *Ивана Искры*, казненныхъ въ Борщаговкѣ Мазепою за ихъ доносъ на него Петру I, вѣрность котораго подтвердилась уже послѣ ихъ смерти.

На плитѣ вырѣзана слѣдующая надпись въ стихахъ:

«Кто есп мимо грядый, о насъ невѣдущій,
Елици зде естесмо положени суще?
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати:
Ижъ за правду и вѣрность ку Монарсѣ нашу
Страданія и смерти испилисмо чашу.
За уданемъ Мазепы, о Всевѣдче правый!
Посѣчени зоставше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матере Владычицы,
Подающей всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный».

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

II.

ВАРНАКЪ.

Есть въ нашемъ русскомъ православномъ огромномъ царствѣ небольшая благодатная землица, такъ не большая, что можетъ вмѣстить въ себѣ по крайней мѣрѣ четыре нѣмецкихъ царства и Францію въ придачу; а обитаютъ въ этой небольшой землицѣ разноязычные народы и, между прочимъ, народъ русскій и самый православный. И этотъ-то народъ русскій не пашетъ и не сѣетъ совершенно ничего, окромѣ дынь и арбузовъ; а хлѣбъ ѣстъ бѣлый пшеничный, называемый по ихнему *калачи*, и воспѣваетъ свою славную рѣку, называя ее кормилицею своей, золотымъ дномъ съ берегами серебряными.

Грустно видѣть грязь и нищету на землѣ скудной, бездоходной, гдѣ человѣкъ борется съ неблагодарною почвою и падаетъ, наконецъ, изнеможенный подъ тяжестью труда и нищеты. Грустно, невыразимо грустно!

Каково-же видѣть туже самую безобразную нищету въ странѣ, текущей млекомъ и медомъ, какъ напримѣръ въ этой землицѣ благодатной? Отвратительно! А еще отвратительнѣе встрѣтить между этою лѣнивой нищетою обиліе, а при обиліи отвратительную грязь и невѣжество!

А въ этой странѣ благословенной это встрѣчается нерѣдко и даже очень часто.

Какія-же могутъ быть причины нищеты въ краю, текущемъ млекомъ и медомъ?

На сей важный политико-экономическій вопросъ я на досугѣ напишу четырехъ-томный нравоописательной историческій романъ, въ которомъ потщуся изобразить съ микроскопическими подробностями нравы, обычаи и исторію сего архи-православнаго народа.

А пока созрѣетъ этотъ знаменитый романъ въ моей многоумной головѣ, я раскажу вамъ вотъ что.

Есть въ этой благодатной странѣ неглубоко подъ землею огромная глыба соли, а на этой глыбѣ соли построена небольшая крѣпостца, называемая въ простонародьи Соляною Защитою.

Обстоятельства заставили меня побывать однажды въ этой Соляной Защитѣ.

Въ первое воскресеніе моего тамъ пребыванія, я увидѣлъ въ церквѣ старика, совершенно сѣдаго, но еще довольно свѣжаго и необыкновенно выразительной и благородной физіономіи.

Онъ въ церквѣ исправлялъ должность причетника, ставилъ свѣчи передъ образами, снималъ со свѣчей, гасилъ догорѣвшія и въ концѣ обѣдни ходилъ съ кошелькомъ вмѣсто церковнаго старосты.

Его величавая наружность меня поразила: огромный ростъ, сѣдая длинная волнистая борода, такіе же бѣлые густые, вьющіеся волосы и темныя густыя брови; лицо правильное, чистое съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, какъ у юноши; словомъ, онъ могъ бы быть моделью для Мойсея Боговидца или для Гомеровскаго Нестора

Плѣнившись симпатически старческою прелестью этого почтеннаго мужа, я, выходя изъ церкви, спросилъ у хромого инвалида, кто таковъ этотъ почтенный старецъ, что снимаетъ со свѣчей предъ образами.

Инвалидъ отвѣчалъ мнѣ довольно лаконически: это, батюшка, бывшій варнакъ, а теперь здѣшній посельщикъ, добрѣйшей души человѣкъ.

Послѣ этого отвѣта, я остановился около церкви и провожалъ глазами заинтересовавшаго меня старика; и чѣмъ болѣе смотрѣлъ я на него, тѣмъ менѣе находилъ я въ немъ сходства съ Варнакомъ.

Однакожъ инвалидъ не могъ сказать зря такого слова!

Я вспомнилъ, что прежде здѣсь добывалась соль арестантами и что многіе изъ нихъ, кончивши свой тяжкій терминъ, были поселены тутъ-же, смотря по нравственности.

Но неужели такая благородная наружность могла принадлежать преступнику?

И я рѣшился узнать подообнѣе о прошломъ этого замѣчательнаго наружностью старика.

Впродолженіи недѣли я узналъ, что онъ дѣйствительно здѣшній поселенецъ и человѣкъ истинной честности, человѣкъ хотя не богатый, но и не бѣдный, живетъ въ своемъ собственномъ домикѣ, хотя и небольшомъ, но живетъ такъ, какъ дай Богъ и въ хоромахъ бы жили: чисто, сытно и честно.

Имѣлъ онъ у себя человѣкъ десять работниковъ, хотя изъ киргизъ, но дай Богъ, чтобы и русскіе такъ работали, какъ эти полудикари! Узналъ я еще, что на будущій годъ его непремѣнно выберутъ церковнымъ старостою за его добродѣтели и т. д.

Я рѣшился познакомиться съ нимъ лично и при благопріятномъ случаѣ узнать точнѣе его прошлую жизнь и если найду въ ней что либо нравственно-назидательное или по крайней мѣрѣ занимательное, то, запиша все это, предамъ тисненію, назиданія или увеселенія ради.

Случалось-ли вамъ встрѣчать старика такой почтенной благородной наружности, что невольно снимешь шапку и поклонишься ему?

Со мною это случилось.

Однажды встрѣтилъ я его, идущаго отъ вечерни, и невольно ему поклонился; онъ мнѣ вѣжливо отвѣтилъ поклономъ и спросилъ:

— Вы, кажется, нездѣшній! я васъ не встрѣчалъ здѣсь прежде.

— Вы не ошиблись: я дѣйствительно недавно пріѣхалъ въ вашу Защиту.

— А позвольте спросить, изъ далека-ли?

Я сказалъ ему мѣсто моей родины.

Старикъ мнѣ судорожно подалъ руку, которую я чуть-чуть не поцѣловалъ.

— Вы землякъ мой, сказалъ онъ грустно. Давно ли вы оставили нашу прекрасную родину?

— Не болѣе года, отвѣчалъ я.

— Какой вы счастливецъ! Вы такъ недавно видѣли нашъ Богомъ благословенный край! А я вотъ уже лѣтъ тринадцать съ лишкомъ не видалъ его, что тамъ теперь дѣлается!

И у старика навернулись слезы [1])

— Если досугъ вамъ, сказалъ онъ, то не побрезгайте мною, посѣтите меня; пусть я хоть посмотрю на васъ, на земляка моего! Будьте добры и ласковы, не откажите мнѣ!

Я, разумѣется, былъ радъ такому предложенію. Черезъ нѣсколько минутъ мы подошли къ небольшому бѣленькому домику, соломой крытому; наружность его мнѣ напомнила Малороссію. У воротъ встрѣтила насъ пожилая женщина въ малороссійскомъ платьѣ и привѣтствовала насъ добрымъ вечеромъ.

— Добрый вечеръ, Мотре! Прошу покорно въ нашу хату, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Здѣсь, видите, не подалеку живутъ земляки наши курскіе и харьковскіе, такъ я и взялъ себѣ въ работницы землячку—оно все какъ-то лучше.

Говоря это, онъ ввелъ меня въ свою хату. Внутренность хаты, какъ и наружность ея, напоминала Малороссію: стѣны вымазаны бѣлой, а полъ желтою глиной и усыпанъ ароматными травами; вокругъ стѣнъ чистыя, широкія дубовыя лавы, а передъ образомъ всѣхъ Скорбящихъ Матери теплилась лампада и стоялъ налой, покрытый чистымъ, бѣлымъ съ широкою бахрамою полотенцемъ; на налоѣ лежала книга, съ виду похожая на псалтирь in qto.

— Прошу, садитесь, дорогой мой гость.

Я сѣлъ и сталъ внимательнѣе разсматривать комнату, или, лучше сказать, любоваться ею.

Вездѣ и во всемъ видѣнъ былъ порядокъ добраго хозяина и заботливость хозяйки—все было чисто и привлекательно. Комната была раздѣлена на двѣ половины узкою, длинною печкою, вмѣсто перегородки, а печка украшена лѣпными арабесками домашняго художества (такія печи можно видѣть на Волыни и Подоліи); въ углу передъ образами стоялъ столъ, покрытый бухарскимъ ковромъ и сверху бѣлою скатертью; на столѣ лежитъ ржаной хлѣбъ, въ половину покрытый тонкимъ, бѣлымъ полотенцемъ, вышитымъ разными цвѣтными шелками; около хлѣба стояла фаянсовая солонка съ бѣлою, какъ рафинадъ, солью и тутъ-же, на другомъ концѣ стола, лежала большая книга, въ родѣ Четь-Менеи въ красномъ сафь-

[1]) Сверху карандашомъ рукою автора написано: „онъ грустно покачалъ головою“.

яномъ переплетѣ съ золотыми, вытянутыми и почернѣвшими отъ времени, украшеніями. Это была Библія (какъ я послѣ узналъ), изящное кіевское изданіе 1743 г. съ высокопарнымъ посвященіемъ гетману Разумовскому—изданіе весьма рѣдкое. Между окнами, на стѣнѣ висѣлъ въ позолоченной рамкѣ эстампъ, выгравированный Милеромъ съ картины Доминикано Цампіери, изображающій Іоанна Богослова; около двери, въ углу стоялъ посохъ (изъ) стеннаго дерева джигилу и тутъ же около посоха на гвоздѣ висѣли кандалы.

Старикъ въ продолженіи этого времени хозяйничалъ внѣ хаты и возвратился въ хату въ то самое время, когда я смотрѣлъ на кандалы.

— Что землякъ, любуешься на мой трофей? Тяжкій трофей! Я завоевалъ его многолѣтнимъ преступленіемъ и принесъ его сюда на ногахъ своихъ изъ самаго Житомира. Здѣсь носилъ я его двадцать лѣтъ, и теперь еще казнюсь имъ, и буду казниться и исповѣдывать ему грѣхи свои до гробовой доски.

Все это было сказано такимъ, потрясающимъ душу, голосомъ, что я не могъ сказать слова утѣшительнаго больному старику и сидѣлъ молча, пока онъ самъ не заговорилъ.

— Прости мнѣ старому грѣшнику, землякъ! Я возмутилъ твою душу своимъ нечистымъ воспоминаніемъ! Что дѣлать? Противъ воли рвется на языкъ. Я держу у себя этотъ проклятый знакъ человѣческаго униженія, для казни собственной души; но оставимъ въ покоѣ прошлое и поговоримъ лучше о чемъ нибудь другомъ. Разскажи мнѣ, друже мой, что-нибудь о нашей прекрасной Волыни и Подоліи.

Но я совершенно не могъ ни очемъ говорить и вскорѣ простился съ нимъ.

Онъ меня не удерживалъ—просилъ только навѣщать его, какъ время позволитъ.

Мнѣ время позволяло и я посѣщалъ его почти ежедневно. И часто мы съ нимъ заговаривались до полуночи, и всякій разъ я открывалъ въ немъ новыя добродѣтели, новыя достоинства: онъ былъ образованъ, какъ любой аристократъ того времени, съ тою разницею, что любилъ читать и въ особенности итальянскихъ поэтовъ Бокачіо, Аріосто, Тасса, а Божественную комедію онъ наизусть читалъ.

— Давно уже я ничего не читаю, сказалъ онъ мнѣ однажды, окромѣ этой Божественной комедіи. Да и къ чему теперь читать? Было время, я читалъ, восхищался дивными сказаніями прекраснаго искусства. Теперь довольно: я состарѣлся, огрубѣлъ; я ничему уже не могу сочувствовать, какъ бывало когда-то. Да и къ чему, правду сказать, послужило мнѣ чтеніе! Мои чистыя, молодыя сочувствія, что я изъ нихъ сдѣлалъ? или, лучше сказать, что люди изъ нихъ сдѣлали? Грѣхъ и безконечное горе! Если-бъ я не читалъ ничего, не увлекался ничѣмъ, не то-бы изъ меня было: былъ-бы я себѣ простымъ пахаремъ, добрымъ человѣкомъ... а теперь что я?

Мы съ нимъ каждый вечеръ дѣлались откровеннѣе и откровеннѣе.

Однажды я навелъ его на мысль, чтобы онъ мнѣ повѣрилъ свое горе, чтобы разсказалъ мнѣ про свои прежнія, молодыя лѣта. Онъ долго какъ-бы не хотѣлъ меня понять: ему непріятно, горько было вспоминать свое прошедшее, и однажды онъ сказалъ мнѣ:

— Друже мой, ты хочешь моей исповѣди? ты желаешь знать мою прошлую безталанную жизнь? Тяжело будетъ тебѣ слушать, другъ мой добрый, потому что прошлая жизнь моя исполнена грѣха и беззаконія. А настоящая, какъ ты самъ видишь, немощь и одиночество вдали отъ моей милой Волыни. Я знаю, ты будешь слушать съ участіемъ мою сердечную исповѣдь и тебѣ будетъ горько ее вчужѣ слушать. Слушай, искренній друже, мою грустную, нелицепріятную позѣсть! Пускай послѣдній разъ передъ смертію пройдетъ передо мною, день за день, вся моя жизнь. И тогда узнаешь, въ чемъ виноватъ я и въ чемъ люди. Я уже давно осудилъ себя во всемъ.

И онъ вздохнулъ и перекрестился началъ свой разсказъ съ самыхъ ранихъ лѣтъ своего дѣтства.

На гранитныхъ берегахъ прекрасной рѣки Случи, гдѣ она верстахъ въ девяти выше Новгорода-Волынскаго, извившись подобно змѣи, образовала правильное кольцо верстъ въ двѣ въ поперечникѣ, въ центрѣ этого кольца стоятъ, окруженныя дубровою, остатки огромныхъ каменныхъ палатъ—прежде бывшее жилище одной знатной польской фамиліи, а теперь жилище совъ и нетопырей.

Это дѣло моихъ проклятыхъ рукъ. Я поселилъ тамъ змѣю и ночную птицу. О Господи, прости мнѣ сей, грѣхъ невольный, грѣхъ великій!

По косогору спускаясь къ самой рѣкѣ, лежитъ, укрытое фруктовыми садами, большое село съ почернѣвшею отъ времени деревянною треглавою церковью.

Эти церкви у насъ поляки называютъ козацкими, вѣроятно потому, что большая часть этихъ церквей построена козаками во времена уніи на скорую руку и представляютъ собою типъ простой, грубой, хлопской, какъ говорятъ поляки же, архитектуры.

Это село—моя родина! Въ этомъ прекрасномъ селѣ я родился на грѣхъ и на страданія!

Отца своего я не помню; а мать, какъ во снѣ вижу, когда въ гробъ ее положили и понесли на марахъ на кладбище, и едва помню, когда священикъ надъ ея тѣломъ прочиталъ молитву, напечатанную на бѣломъ листѣ красными и черными буквами и прочитавши накрылъ ей лице этою молитвою; потомъ заколотили гробъ и опустили въ яму; священникъ заступомъ крестообразно запечаталъ яму и заставилъ меня бросить горсть земли на гробъ моей матери. Я бросилъ и пошелъ за людьми въ село.

Помню еще, что въ нашей хатѣ было много людей и всѣ обѣдали, только не шумно, а тихо и скромно: вдова, какъ видно, не оставила послѣ себя обильныхъ поминокъ.

Во время обѣда, я игралъ съ дѣтьми на дворѣ, а когда всѣ разошлись послѣ обѣда, то меня и дѣти покинули и я остался одинъ съ моею зауздannою палочкой-лошадкой. Вошелъ я въ хату; въ хатѣ сосѣдка наша, тоже горымычная вдова, убирала посуду; (она) дала мнѣ кусокъ пирога—я съѣлъ его и заснулъ на материной постели; старушка, прибравши все въ хатѣ, заперла ее на засовъ и ушла къ себѣ домой. Я проспалъ въ пустой хатѣ всю ночь одинъ и, проснувшись поутру, чего-то испугался и заплакалъ.

Плакалъ я недолго: вскорѣ пришла сосѣдка-старушка, принесла мнѣ полную миску угорокъ сливъ и угѣшила меня.

Старушка посыпала курамъ пшена и, накормивши сѣраго кота и рябую собаку, взяла меня и повела къ себѣ домой.

У вдовы была дочь старше меня нѣсколькими годами; она меня приласкала, накормила яблоками, грушами и тому подобными сластями.

Когда я уходилъ къ себѣ домой, то она меня всегда провожала и когда начиналъ плакать дома, не найдя въ хатѣ матери, то

она утѣшала меня, говоря, что мать моя поѣхала на ярмарокъ и привезетъ мнѣ гостинца—«медянаго москаля,» чѣмъ я, разумѣется, и утѣшался.

И такъ мало по малу сталъ я забывать свою великую погерю, при помощи вдовиной прекрасной дочери. Я привязался къ ней, какъ къ сестрѣ родной, и она дѣйствительно замѣняла мнѣ сестру родную.

Послѣ я думалъ матерью ее назвать, но Богу не угодно было благословить мое предположеніе.

Часто посѣщалъ я свою бѣдную опустѣлую хату. Скажите, что можетъ быть грустнѣе пустки?

Я до сихъ поръ помню то страшно грустное впечатлѣніе которое тогда меня одолѣвало!

Въ великомъ посту, на страстной недѣли, священникъ, обходя съ молитвою, посѣтилъ и мою бѣдную благодѣтельницу и, увидя меня, взялъ къ себѣ, обѣщаясь вывести меня въ люди.

У священника былъ сынъ Ясь моихъ лѣтъ, и—не знаю почему, онъ мнѣ съ перваго взгляда не понравился.

Меня посадили за букварь вмѣстѣ съ Ясемъ; мнѣ это было весьма не по нраву, однако я учился съ успѣхомъ, а Ясь былъ тупъ. Ася хвалили, а меня называли лѣнивцемъ и тупицею; мнѣ эта несправедливость казалась обидною и я сталъ бѣгать отъ попа къ своимъ благодѣтелямъ, откуда меня проводили обратно къ попу, а попъ меня жестоко наказывалъ за побѣги.

Однажды убѣжалъ я отъ попа къ своимъ друзьямъ и, бояся войти къ нимъ въ хату, просидѣлъ цѣлый день въ бурьянѣ подъ тыномъ, выжидая, не выйдетъ-ли сестра изъ хаты (я звалъ сестрою дочь вдовы). Наконецъ она вышла, я показался ей и попросилъ хлѣба. Она мнѣ вынесла большой ломоть хлѣба и кусокъ свинаго сала; я сквозь слезы поцѣловалъ ее и скрылся въ густомъ сливникѣ.

Утоливши голодъ, я началъ помышлять о ночлегѣ. Идти къ попу—будутъ бить, идти къ вдовѣ—она отведетъ къ попу и все таки будутъ бить; идти въ свою пустку ночевать—страшно. Размышляя такимъ образомъ, я очутился за цариной (выгонъ).

А за цариной стояло въ копнахъ сжатое жито; не разсуждая, я отправился къ копнамъ и въ первой копнѣ пріютился и заснулъ сномъ непорочности. Ночью просыпаюсь и слышу вдали вой вол-

ковъ. До сихъ поръ не могу я забыть того непріятнаго чувства: это не страхъ за жизнь, а что-то смѣшанное со страхомъ и отвращеніемъ.

Вой волковъ началъ стихать по немногу, и я, скорчившись отъ холоду и накрывшись сюпомъ, снова заснулъ.

Но утру рано разбудилъ меня арапникомъ лановой.

— Ты что здѣсь дѣлаешь? спросилъ онъ меня грозно.

— Сплю, отвѣчалъ я ему.

— Я тебѣ дамъ сплю; нашелъ мѣсто спать! развѣ у тебя хаты нѣтъ?

— Есть, дадюшка, только пустка, сказалъ я ему сквозь слезы.

— Ну, а отецъ и мать у тебя есть?

— Нѣту, дядюшка—я сирота

— Ну, а коли сирота, такъ иди-же за мною.

Онъ поворотилъ свою лошадь къ дорогѣ, ударилъ ее слегка арапникомъ и поѣхалъ, а я пошелъ босякомъ по колючей стерни, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода и страха.

— Не поведетъ-ли онъ меня, такъ я думалъ себѣ, Боже сохрани, къ попу? и при этой мысли я хотѣлъ отъ него бѣжать въ село и спрятаться гдѣ нибудь въ бурьянъ; но онъ поминутно оглядывался на меня и направлялъ свою лошадь въ противоположную сторону отъ села и привелъ меня на панскій дворъ, (гдѣ) и отдалъ на руки управителю, разсказавши, гдѣ и какъ меня нашелъ.

Управитель былъ добрый старичекъ, панъ Кошулька; (онъ) велѣлъ мнѣ сшить курточку и шаровары изъ домашней пистри и я сдѣлался у него домашнимъ козачкомъ. Жилъ я у пана Кошульки осень и зиму: не многимъ лучше мнѣ было у него, чѣмъ у попа —разница только та, что не учили грамотѣ, а билъ и щипалъ меня, кто хотѣлъ. Весною однажды увидала меня на дворѣ старая графиня (управитель жилъ съ нею на одномъ дворѣ, только въ особомъ флигелѣ), подозвала меня къ себѣ и, спросивъ, какъ зовутъ, ушла въ свои покои. На другой день послѣ этого случая, сняли съ меня мѣрку и начали шить новое платье и уже не пистревое, а суконное, сукна тонкаго, дорогаго, сапоги и шапку, а прежде я такъ ходилъ.

Когда все было готово, дали мнѣ чистую рубашку, чего прежде также не бывало. И когда меня умыли, причесали (и) одѣли въ новое суконное платье, тогда самъ панъ Кошулька надѣлъ но-

вый синій фракъ съ мѣдными пуговицами и повелъ меня къ графинѣ, которой дежурный гайдукъ доложилъ о насъ. Графиня велѣла звать насъ въ пріемную, гдѣ мы долго ее ждали и панъ Кошулька все время стоялъ. Я удивлялся, что въ комнатахъ такъ много стульевъ, а онъ не садится.

Наконецъ графиня вышла и, привѣтствовавъ пана Кошульку легкимъ наклоненіемъ головы, велѣла позвать панну Магдалену.

Черезъ минуту изъ боковыхъ дверей явилась панна Магдалена. Очаровательное, незабвенное видѣніе! Я какъ теперь ее вижу: молодая, стройная, прекрасная! Ея задумчивые, голубые выразительные глаза были устремлены прямо на меня; проницательный взглядъ ихъ смутилъ меня.

Панна Магдалена была дочь одного промотавшагося пана и, благодаря хорошему воспитанію, она была принята графинею къ себѣ въ домъ въ видѣ компаньенки для себя и гувернантки для малолѣтняго своего сына.

— Вотъ, другъ мой, Магдалена, сказала графиня: рекомендую тебѣ компаньена и лакея моему бѣдному Болеславу; возьмите его къ себѣ—пусть они вмѣстѣ играютъ въ свободное время.

Графиня вышла, а панна Магдалена взяла меня за руку и повела къ себѣ въ покои. Въ покояхъ панны Магдалинны встрѣтилъ меня мальчикъ моихъ лѣтъ, худой и зеленый; это былъ графъ Болеславъ, единственный сынъ графини. Онъ довольно нагло спросилъ меня:

— Какъ тебя зовутъ?

Я тихо отвѣчалъ ему: Кириломъ.

— Фи, какое хлопское имя! Ну, да это ничего; я буду звать тебя Яномъ. А что, Янъ, ты въ лошади умѣешь играть?

— Нѣтъ, не умѣю, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ я тебя выучу.

И сей часъ-же принялся меня учить играть въ лошадки. Хотя я эту науку понималъ не хуже его, но мнѣ почему-то не хотѣлось быть съ нимъ откровеннымъ. На другой день по утру, когда графъ Болеславъ еще спалъ, панна Магдалена накормила меня булкою съ горячимъ молокомъ и съ участіемъ сестры спросила меня: кто былъ у меня отецъ, кто мать и гдѣ они теперь?

Я разсказалъ ей все съ такими подробностями, что она поцѣловала меня и заплакала. Съ той поры она каждый Божій день поила меня по утрамъ горячимъ молокомъ и кормила сладкими булочками.

— Ну, Ясю (меня всѣ въ домѣ звали Ясемъ),—однажды по утру сказала она: хочешь-ли ты учиться грамотѣ?

— Я уже учился у попа грамотѣ, отвѣчалъ я: и если вы будете меня учить, то я опять буду учиться, а если не вы, то я не хочу, чтобы меня учили.

Она улыбнулась и сказала:сама буду тебя учить, и подала мнѣ французскую азбуку.

— Посмотри, ты знаешь эти буквы?

— Нѣтъ, мнѣ показывали у попа другую азбуку.

— Ну, такъ я тебя буду учить по этой азбучкѣ; по этой легче.

И тутъ принялась показывать новыя для меня буквы.

Къ удивленію ея и радости, я въ скоромъ времени выучилъ всѣ буквы французскаго алфавита.

Когда я началъ довольно бѣгло читать по французски, она стала учить меня по итальянски—это былъ тогда модный и любимый ея языкъ.

Я и тутъ показалъ довольно быстрые успѣхи, такъ что въ непродолжительномъ времени сравнялся въ познаніяхъ съ графомъ Болеславомъ къ невыразимой радости панны Магдалены.

Миръ душѣ твоей, прекрасное, доброе созданіе! Никогда я не забуду твоихъ ласковыхъ, привѣтливыхъ рѣчей, твоего сердечнаго участія въ судьбѣ моей печальной! Она полюбила меня такъ, какъ только можетъ любить мать свое единственное дитя.

Всѣми возможными ласками поощряла она мои успѣхи. Бѣдная! она не предвидѣла слѣдствій моему неумѣстному образованію.

Время шло своимъ чередомъ; я подросталъ, учился съ прилежаніемъ и успѣхомъ.

Съ графомъ Болеславомъ мы не могли подружиться совершенно: въ немъ было что-то отталкивающее, какая-то преждевременная, наглая, не дѣтская спѣсь. Онъ иногда показывалъ мнѣ пріязнь за то, что бывало, когда онъ нашалитъ не въ мѣру, то я всю вину бралъ на себя, что мнѣ, разумѣется, не проходило даромъ.

Вслѣдствіе его шалостей прослылъ я почти разбойникомъ; великодушіе мое было извѣстно только одной паннѣ Магдаленѣ и всегда вознаграждалось необыкновенными ея ласками.

Графиня была женщина свѣтская, избалованная прежними успѣхами на поприщѣ свѣтской жизни, любила у себя банкеты, гдѣ, разумѣется, первенствовала между провинціалками, читала итальянскія и французскія новеллы и больше ничего не дѣлала. Сынъ вырасталъ хотя и подъ одною крышею съ нею, но она его видѣла разъ или два въ день, и то мимоходомъ.

Однажды замѣтила она, что Болеславъ уже мальчикъ порядочный ростомъ и что нужно для него выписать учителей, потому что она намѣрена приготовить его для университета.

Пригласили учителей, начались уроки. Я въ видѣ слуги присутствовалъ при этихъ урокахъ и изучалъ все, что было читано и толковано графу.

Я почти всегда приготовлялъ графа къ экзамену, потому что онъ ничего не могъ или не хотѣлъ помнить изъ уроковъ учителей.

Панна Магдалена по прежнему меня ласкала и любила и разговаривала со мною не иначе, какъ на итальянскомъ языкѣ. А по вечерамъ, проэкзаменуя меня съ того предмета, который я слушалъ въ учебной графа, она давала мнѣ уроки на фортепьяно. Она была настоящая артистка на этомъ инструментѣ: часто, бывало, послѣ моего урока она просиживала до полуночи за фортепьяно, варіируя чудныя созданія Бетговена (это былъ ея любимый композиторъ, только что явившійся въ музыкальномъ мірѣ). Я, бывало, сижу въ уголку, не пошевельнуся, сижу и слушаю, слушаю и заплачу, самъ не знаю отъ чего. Музыку я полюбилъ страстно и этою любовью я обязанъ паннѣ Магдаленѣ. Черезъ годъ съ небольшимъ мы съ нею играли въ двѣ руки нѣкоторыя сонаты Моцарта и Бетговена. Однажды графиня застала насъ за фортепьяно, и была очень недовольна, замѣтя—весьма справедливо—паннѣ Магдаленѣ, что я рожденъ не для музыки, а для рала и плуга. Панна Магдалена почувствовала всю важность этого замѣчанія, обняла меня и горько зарыдала. За нею заплакалъ и я, не вполнѣ разумѣя благоразумное замѣчаніе графини, а понялъ только то, что паннѣ Магдалинѣ это очень непріятно.

Графъ быстро выросталъ, а учился весьма медленно и тупо. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ вовся безъ способностей; нѣтъ, въ немъ были онѣ кое-какія, но онѣ были заглушены небреженіемъ безпечной матери. Графиня постоянно восхищалась успѣхами своего милаго Болеслава, а успѣхи Болеслава ограничивались гармоническимъ лепетаніемъ на итальянскомъ языкѣ: она была въ восторгѣ и больше ничего не требовала отъ своего милаго Болеслава, хотя и готовила его для университета. Учителя получали исправно содержаніе и жалованье и дѣлали свое дѣло, какъ наемники, или какъ большая часть учителей: читали ежедневно свои уроки, или на досугѣ разсказывали про псовую охоту и т. п. удовольствія. Одна панна Магдалена съ чувствомъ матери заботилась о его моральномъ образованіи; но неумѣстные восторги графини мѣшали ей, и Болеславъ уже очень хорошо понималъ (тоже, можетъ быть, учителя поселили въ немъ это понятіе), что онъ графъ и графъ богатый, что ему не нужно никакихъ познаній и добродѣтелей, и часто грубыми своими выходками приводилъ бѣдную панну Магдалену въ слезы. Мнѣ было больно смотрѣть на эту благородную, прекрасную женщину, я въ душѣ ненавидѣлъ Болеслава и еслибъ не она, то я свернулъ бы ему голову; но она, бѣдная, жестоко оскорбленная, бывало, приголубитъ меня и повторяетъ мнѣ святыя слова: «любите и ненавидящихъ васъ».

Я забылъ вамъ сказать, другъ мой добрый, что графиня была ни вдова, ни мужнина жена, какъ говорится: мужъ ее бросилъ и жилъ постоянно въ Италіи, быстро проматывая свое подольское имѣніе. А графиня съ сыномъ жила, какъ вамъ уже извѣстно, на Волыни и занималась, какъ она сама говорила, эдукаціею единственнаго сына.

Теперь, скажите мнѣ, какой добрый нравственный примѣръ могъ видѣть мальчикъ въ семейной жизни своихъ родителей? Прежде онъ часто, бывало, спрашивалъ у своей нѣжной матери: скоро-ли пріѣдетъ папаша? на что мать ему отвѣчала, что его папаша негодяй и что если онъ пріѣдетъ когда нибудь, то она его въ домъ не пуститъ. Хорошо было сыну слушать отъ матери подобныя слова!

Впрочемъ въ быту богатыхъ людей подобная семейная контра не рѣдкость, слѣдовательно и на молодаго графа это не дѣлало

большаго впечатлѣнія. Домашнее воспитаніе его кончилось; надобно было выбрать приличное его породѣ учебное заведеніе, въ которое можно было бы послать его для окончательнаго образованія. По этому случаю данъ былъ большой банкетъ, а послѣ банкета приглашены были гости на домашній сеймъ, на которомъ было разсуждаемо, куда именно послать графа для окончательнаго образованія. Перебрали всѣ лицеи, всѣ университеты, начиная съ Геттингенскаго, и наконецъ общимъ голосомъ порѣшили послать графа въ Вильно и приготовить изъ него политико-экономa.

Послѣ этого важнаго событія, спустя мѣсяцъ, графиня еще дала большой банкетъ, на которомъ молодой графъ отличился въ мазуркѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ банкета уѣхалъ онъ въ огромномъ дорожномъ берлинѣ въ Вильно.

Я почувствовалъ себя свободнѣе: онъ былъ преградою между мною и панной Магдаленой; мнѣ нельзя было при немъ сказать ей простаго слова, чтобы не подвергнуть ее бѣдную насмѣшкамъ злаго мальчика. Наконецъ онъ уѣхалъ и мы остались одни, и дѣйствительно одни: во всемъ домѣ не было никого, съ кѣмъ бы можно было такъ дружески и такъ откровенно поговорить, какъ мы съ нею разговаривали. Старая графиня едва замѣчала присутствіе въ своемъ домѣ панны Магдалены. Это грубое ея невниманіе тревожило (панну и) она нѣсколько разъ собиралась оставить графиню; но гдѣ она, бѣдная, могла преклонить свою одинокую голову? Она готова была выйти замужъ за самого грубаго поссесора, чтобы только избавиться отъ графини. Но грубые поссесоры на бѣдныхъ дѣвушкахъ не женятся, а бѣдная (Магдалена) совершенно ничего не имѣла, кромѣ чистаго благороднаго сердца.

Открывая свои задушевныя мысли, она мнѣ говорила, что останется въ этомъ домѣ только до тѣхъ поръ, пока я не выросту и не буду въ силахъ располагать собою; тогда она отправится въ Варшаву или въ Вильно и пріймет чинъ смиренной кармелитки. Миръ твоей доброй, твоей праведной душѣ! Грустно мнѣ было выслушивать ея задушевную исповѣдь, ея непорочныя предположенія. Бывало, просидимъ за полночь, наговоримся, наплачимся и разстанемся до другаго вечера почти счастливыми. Часто свои грустные проэкты она оканчивала симфоніей Себастіана Баха на домашнемъ органѣ. Это была святая Цецилія! и я, затая дыханіе, слушалъ ее,

молился на нее; это были самыя чистыя, самыя счастливыя минуты моей печальной жизни.

Вскорѣ меня засадили въ экономическую контору писать, и тутъ-то я почувствовалъ свою горькую зависимость; тутъ я впервые услышалъ слово: крѣпостной! Горькое, проклятое слово! И день тотъ проклятъ, въ который я его услышалъ въ первый разъ! Но дѣлать нѣчего—нужно было покориться судьбѣ. Тяжкое для меня настало время. Одна только незабвенная панна Магдалена могла укрощать и успокаивать меня. Я ей одной обазанъ, что не наложилъ на себя грѣшныя руки. А можетъ быть было-бы и лучше? Нѣтъ! какъ ни печальна, какъ ни тяжела наша жизнь, но мы не вправѣ ее прекратить. Пускай тотъ ее отъ насъ отниметъ, кто даровалъ намъ ее.

Я продолжалъ писать въ конторѣ, а по вечерамъ посѣщалъ панну Магдалену. О чемъ мы съ ней не говорили? о чемъ мы съ ней не мечтали? И всѣ то наши мечты и предположенія разошлися, какъ дымъ по свѣтлому небу! Она мнѣ сообщала книги порядочнаго содержанія, какія только могла открыть въ домашней библіотекѣ графини, потому что вся почти библіотека была составлена изъ французскихъ романовъ и итальянскихъ новеллъ двусмысленнаго содержанія.

Въ конторѣ писаря смѣялись надо мною, называя меня панычемъ, бѣлоручкою (и) нѣмцемъ, потому что я читалъ не русскія и не польскія книги. Однажды во время жнивъ, или, по здѣшнему, страды, послали меня съ лановымъ на ланъ переписать жницъ и копны нажатой пшеницы. Проходя мимо жницъ, я увидѣлъ женщину, какъ будто мнѣ знакомую и около нея между снопами, прикрытая зеленымъ холодкомъ (спѣлая спаржа), спала дѣвочка лѣтъ трехъ, украшенная полевыми цвѣтами, а возлѣ, въ тѣни, тыква (кушинъ) съ водою и торба съ хлѣбомъ. Я долго любовался прекраснымъ личикомъ спящаго дитяти. Налюбовавшись этою скромною прекрасною картиною, я спросилъ у почти знакомой мнѣ женщины, какъ ее имя, чтобы записать въ реэстръ жницъ; она сказала свое имя, которое вмѣстѣ съ голосомъ мнѣ показались чрезвычайно знакомыми.

Я спросилъ ее, не дочь-ли она, Домаха, такой-то вдовы?—Она отвѣчала, что она самая.

— А это твое дитя?

— Мое, отвѣчала она.

Я распросилъ ее о домашнемъ житьѣ-бытьѣ, напомнилъ ей тотъ вечеръ, когда она мнѣ, голодному бѣглецу, вынесла кусокъ хлѣба. Она вспомнила, узнала меня и обрадовалась, какъ родному брату. Она просила меня навѣстить ее въ старой материной хатѣ.

На слѣдующее воскресеніе, послѣ обѣдни, посѣтилъ я ее въ знакомой мнѣ хатѣ и изъ грустнаго ея разсказа узналъ вотъ что: старушка вдова, моя благодѣтельница, давно уже умерла, а послѣ смерти матери она вышла замужъ; мужъ ея вскорѣ бѣжалъ на Бессарабію и бросилъ ее одну съ маленькимъ ребенкомъ. Разсказала она мнѣ все это такъ просто, такъ трогательно, какъ только разсказывается самая печальная истина. Просила она меня обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ; я остался и она, бѣдная, почти плакала, что не было у нее и пятака на чвертку горилки. Бѣдная! Во всей хатѣ ея была видна скудость и нищета, но при всемъ томъ все было чисто и опрятно: старая хата была тщательно вымазана, хотя и желтою глиною—бѣлую глину нужно купить, или на хлѣбъ вымѣнять, а за желтой стоить только сходить на берегъ Случи. Вся бѣдная домашняя утварь была въ чистотѣ и порядкѣ; рубахи, какъ на ней самой, такъ и на дочери, были чистыя, бѣлыя; все у ней было въ такомъ порядкѣ, что и самая нищета показалась мнѣ не такъ отвратительною, какъ я себѣ ее воображалъ.

Простившись съ нею, я пошелъ домой, обѣщаясь навѣщать ее каждое воскресеніе.

По дорогѣ зашелъ я въ свою старую пустку. Печальный видъ; окна выбиты, двери выломаны, дорожки поросли бурьяномъ, а въ провалившейся печи сова свила себѣ гнѣздо. Посмотрѣлъ я на это запустѣніе и мнѣ стало грустно—я страшно почувствовалъ свое одиночество.

Мнѣ пришло въ голову поселиться въ своей пусткѣ. Но что я буду дѣлать въ ней одинъ? Жениться? На комъ же я женюсь? На крестьянкѣ? Какъ же я съ нею буду жить?

И, подумавши, рѣшился я возобновить свою пустку и поселить въ ней мою ново-старую знакомку съ дочерью, воспитать ее по своему и жениться на ней. Подумалъ, подумалъ и пошелъ я въ свою контору. Дорогой разыгралось мое молодое воображеніе: я предста-

влялъ себѣ все счастіе, всю прелесть своей будущей семейной жизни.

Ввечеру сообщилъ я свой планъ паннѣ Магдаленѣ; она была въ восторгѣ: плакала, цѣловала мои руки, называла меня своимъ сыномъ, своимъ роднымъ братомъ; говорила, что я дѣлаю доброе христіанское дѣло, укрывая отъ нищеты и горя вдову и сироту; въ заключеніе обѣщалась помогать мнѣ всѣмъ: и совѣтами, и деньгами, и научить мою будущую жену и грамотѣ, и музыкѣ, и хозяйству. На другой день я принялся за дѣло: выпросилъ себѣ свободы на нѣсколько дней, нанялъ мастеровъ и началось возобновленіе моего дѣтскаго жилища.

Къ хатѣ, вмѣсто коморы, прибавилъ я свѣтлицу; садъ огородилъ новымъ частоколомъ, около хаты оставилъ мѣсто для цвѣтника, не забылъ также сарая для коровы и прочихъ домашнихъ животныхъ, словомъ устроилъ все, что необходимо для крестьянскаго быта.

И когда все это было готово, пошелъ я просить свою сосѣдку на новоселье. Заплакала она бѣдная, когда сказалъ я ей, что все это устроено для нея и ея маленькой Мариси.

Въ воскресеніе послѣ обѣда пошли мы навѣстить ихъ съ панною Магдаленою; и какъ же она бѣдная была рада, что сю и панна не погнушалась.

Такъ какъ хата моя была недалеко отъ панскаго двора, то мы съ панною Магдаленою каждый день посѣщали нашу воспитанницу; по прошествіи пяти лѣтъ панна Магдалена учила ее читать по польски, а я по русски.

Быстро мчалися мои молодые годы, быстро выростала Марися и выросла, и стала красавицей, настоящей волынской красавицей. Боже мой! Я бывало смотрю на нее и не насмотрюся. А бывало, когда въ саду вечеромъ она запоетъ подъ гитару нашу заунывно-мелодическую пѣсню, въ это время я плакалъ и молился Богу. И какая же она была умная и разумная. Панна Магдалена, бывало, не налюбуется ею, не надивуется ея понятливостію. Я былъ счастливъ; она меня любила и слѣдовательно была тоже счастлива. Насущныя дѣла мои тоже двигались впередъ: я изъ простаго писаря сдѣлался конторщикомъ, а по смерти пана Кошульки управляющимъ имѣніями графини.

Было предположено, чтобы послѣ праздника Рождества Христова обвѣнчаться намъ съ Марисею. Панна Магдалена была прошена посаженой матерью съ моей стороны, а посаженымъ отцомъ почтенный сосѣдъ нашъ тытарь (церковный староста). Все было готово, но не сбылось. . . . . .

Кончивши курсъ въ университетѣ, Богъ его знаетъ, по какому факультету, графъ не заѣхалъ даже повидаться со старухою матерью, а отправился за границу для усовершенствованія себя въ нѣкоторыхъ наукахъ,—такъ онъ писалъ по крайней мѣрѣ матери. Разумѣется, старая графиня была въ восторгѣ отъ такого похвальнаго рвенія къ наукамъ.

Нѣжная мать посылала ему исправно деньги и въ каждомъ письмѣ просила его, чтобы онъ скорѣе усовершенствовался въ наукахъ и ѣхалъ бы домой, потому что она уже старуха, близкая ко гробу, то хоть бы посмотрѣть на него передъ смертію. Но добрый сынъ не внималъ мольбамъ старой матери. Она постоянно плакала, она его наконецъ полюбила и не знала, какъ заманить его къ себѣ; а я, видя ее постоянно унылою и дѣйствительно близкою ко гробу, на погибель свою посовѣтовалъ ей не посылать ему денегъ, то онъ поневолѣ пріѣдетъ. Старуха такъ и сдѣлала. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нѣжный сынокъ возвратился къ старой умирающей матери.

Возвратился онъ изъ-заграницы съ французомъ камердинеромъ и двумя бульдогами; а милой мамѣ своей привезъ бронзовый браслетъ и анекдотъ о томъ, какъ онъ убилъ на дуэли во Флоренціи—не знавши впрочемъ—роднаго отца своего, за что старуха мать надѣлила его самыми судорожными поцѣлуями.

Это было въ сентябрѣ мѣсяцѣ; мнѣ нужно было ѣхать въ подольское имѣніе графини, чтобы отправить пшеницу въ Одессу и самому за нею вслѣдъ отправиться, чтобы продать ее. Я поѣхалъ изъ Балты въ Одессу на почтовыхъ. Проѣхавши двѣ станціи отъ Балты, меня застала ночь въ степи—ночь лунная, свѣтлая, тихая, очаровательная ночь! Въ степи ничто не зашелохнется, ни малѣйшаго звуку, ни малѣйшаго движенія, только когда проѣдешь мимо могилы, то на могилѣ будто тырса пошевелится и тебѣ сдается чего-то страшно.

О могилы, могилы! высокія могилы! Сколько возвышенныхъ, прекрасныхъ идей перелилось въ моей душѣ, глядя на васъ, темные, нѣмые памятники минувшей народной славы и безславія! И въ эти минуты грустнаго раздумья услышишь, бывало, ночью далеко, далеко въ степи чабанъ заиграетъ на сопилкѣ (свирель) свою однотонную грустную мелодію!

О горе мое, что мнѣ нельзя переселиться въ тотъ чудный край и послушать на старости родную, унылую пѣсню!

Бывало, я часто остановлю ямщика на дорогѣ и слушаю чабана, слушаю и не наслушаюся. Ямщикъ бѣдный продрогнетъ отъ ночной росы и бездѣйствія, а я сижу себѣ на телѣгѣ и до тѣхъ поръ слушаю, пока не заплачу. Пошелъ гонецъ, пошелъ живѣе! Карбованецъ на пиво! И гонецъ встряхнетъ возжами, махнетъ арапникомъ и кони полетѣли, колокольчикъ завизжалъ—заплакалъ, и вотъ опять въ степи землянка—это почтовая станція.

Мнѣ будто легче, но ночевать не хочется, я требую лошадей и ѣду. На другомъ переѣздѣ тоже, что и на первомъ, таже широкая степь и тѣже темныя могилы, тотъ же чабанъ, таже заунывная пѣсня и таже прекрасная полная луна!

Пріѣхалъ я въ Одессу. Дождался я чумаковъ своихъ, продалъ пшеницу и съ мѣшкомъ дукатовъ возвратился домой.

Горе мое! горе горькое дома ожидало. Теперь, друже мой, теперь на старости, послѣ тяжкихъ испытаній. я не могу вспоминать объ этомъ равнодушно.

Отдавая графинѣ отчетъ въ своей поѣздкѣ въ Одессу и полученные мною за пшеницу деньги, я увидѣлъ мелькнувшую въ другой комнатѣ Марисю въ голубомъ нѣмецкомъ платьѣ (она обыкновенно носила наше національное); это меня кольнуло въ сердце.

Отъ графини я побѣжалъ домой—меня встрѣтила мать Мариси въ слезахъ.

— Что случилось? спрашиваю я.

— Боже мой, Боже милостивый!

— Что случилося?

— Доле моя! моя проклятая доле!

Я долго стоялъ, не понимая ее. А она все плакала, проклинала свою долю и цѣловала мои ноги.

Когда она пришла въ себя, я спросилъ ее, что случилося.

Она сквозь слезы едва проговорила: графиня Марисю твою взяла въ покоевки (горничные).

— Чтожъ? тутъ еще большаго горя нѣтъ: я выпрошу ее у графини назадъ до дому.

— Большое... большое горе! простонала она: молодой... молодой графъ. Будь онъ проклятъ со всѣмъ его родомъ и племенемъ!

— Что-же такое? что графъ?

— Не спрашивай, не говори со мною! Иди къ нему: пускай онъ самъ тебѣ все разскажетъ.—И она снова стала плакать и рвать на себѣ волосы, со стономъ произнося имя Мариси.

Я наконецъ понялъ, что бѣдная моя Марися сдѣлалась жертвою гнуснаго, развращеннаго сластолюбца. Боже мой великій! За чѣмъ ты меня не поразилъ тогда своимъ святымъ громомъ? Сколько бы грѣха тогда пронеслося мимо мей грѣшной души! Его судьбы неисповѣдимы—Онъ иначе судилъ меня!

Я, не помня себя, побѣжалъ во дворъ, вошелъ въ кабинетъ графа и увидѣлъ у ногъ его плачущую мою Марисю. Я бросился на него и только два гаремные гайдука спасли его отъ смерти. Меня связали, вынесли въ погребъ и приставили сторожей. Не помню, долго-ли я находился связаннымъ, но когда пришелъ въ себя, то почувствовалъ, что лежу на соломѣ въ сыромъ и темномъ погребѣ; около меня было ведро воды и кусокъ хлѣба. Я чувствовалъ во всемъ тѣлѣ слабость, прошедшее казалось мнѣ какимъ-то страшнымъ сномъ.

Черезъ нѣсколько дней силы мои возстановились: добрая панна Магдалена присылала мнѣ тайкомъ чаю и бѣлаго хлѣба, но сама не рѣшалась навѣщать меня.

Я пробовалъ нѣсколько разъ сломать дверь и уйти; но сторожа снаружи грозили веревкою: веревки я не боялся, но дверь то была желѣзная и силою нельзя было взять.

Сидѣлъ я въ погребѣ до тѣхъ поръ, пока графъ, укравши у матери деньги, опять уѣхалъ за границу.

Меня изъ погреба выпустяли ночью и я, какъ дикій звѣрь, бросился за ворота. Это было зимою и я безъ шапки побѣжалъ, куда глаза глядятъ. Вскорѣ я увидѣлъ въ полѣ огонекъ и пошелъ на него. То была корчма: я почувствовалъ холодъ и побѣжалъ къ ней.

Войдя въ корчму, вижу—за столомъ сидятъ два широкоплечихъ мужика, а передъ ними на столѣ стоитъ мѣдная кварта съ водкой. Я поздоровался; они мнѣ молча кивнули головами. Я сѣлъ за столъ и спросилъ кварту водки. Жидъ узналъ меня и, подавая мнѣ водку, съ какимъ-то страхомъ показалъ мнѣ глазами на моихъ сосѣдей.

Я выпилъ стаканъ водки, потомъ другой, предложилъ моимъ сосѣдямъ и они не отказались. Завелъ я съ ними разговоръ и они на вопросъ мой: что они за люди?—сказали, что были въ Одессѣ на заработкахъ, а теперь возвращаются домой.

Я почувствовалъ сладость хмеля и спросилъ себѣ еще кварту водки, они же спросили двѣ кварты. Вскорѣ стали они надо мной подшучивать, что я не выпилъ еще и двухъ кварт водки, а уже пьянъ. Сначала я отшучивался, а потомъ пустился въ откровенности и разсказалъ имъ свою исторію съ самаго дѣтства, и въ заключеніе заплакалъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, смѣясь:

— Э, э! земляче! бый лыхомъ объ землю, якъ швець мокрою халявою объ лаву. Слезами, земляче, ничего не возьмешь. Мы тоже, какъ видишь, люди бѣдные, обиженные, загнанные, ограбленные! А теперь, слава милосердному Богу, пануемъ! Только глянь да посмотри. Ударь горемъ о землю! Пойдемъ съ нами, вольными козаками, право слово не будешь каяться! Мы живемъ вольно, весело. Палаты наши—зеленая дубрава, майданы наши—степь широкая, привольная. Мы днемъ спимъ въ своихъ зеленыхъ палатахъ, а ночью гуляемъ и топчемъ ногами аксамитъ и золото. Что-жъ, товарищъ, такъ, по рукамъ, что-ли?

— Постой; дайте, подумаю, сказалъ я.

— По моему, земляче, и стоять и думать нѣчего; пускай жиды да паны думаютъ, какъ имъ подальше дукаты прятать, накраденные у бѣдныхъ мужиковъ. Не думай, а выпей-ка лучше вотъ этой думы.

И онъ налилъ мнѣ стаканъ водки; я выпилъ и протянулъ имъ руку.

— Вотъ это такъ! Вотъ это по нашему, а то думать! А что выдумаешь? Ей Богу, ничего. Чарки горилки не выдумаешь, право.

— Гей, свиняче ухо! закричалъ другой: давай вина, давай меду, давай пива! Горилки не хочу! Да слушай, свине, чтобъ было по-

рося жареное: я индика и пѣтуха терпѣть не могу, Слышишь! Живо!

Бѣдный жидокъ задрожалъ и пошелъ съ фонаремъ и поставцемъ въ погребъ.

Мы просидѣли за полночь. Они мнѣ заплатили откровенностію за откровенность: изъ разсказовъ ихъ я узналъ, что одинъ изъ нихъ былъ бѣжавшій въ Бессарабію отецъ моей Мариси, а другой тоже былъ бѣглый крѣпостной крестьянинъ; и промышлаютъ они съ товариществомъ честнымъ лыцарскимъ промысломъ, т. е. разбоемъ.

Передъ разсвѣтомъ они пошли въ стодолу спать. Я, хотя былъ сильно пьянъ, заснуть не могъ: мнѣ не давалъ сомкнуть глаза ненавистный графъ. Я тихонько всталъ, вышелъ изъ стодолы и пошелъ въ село. Подошелъ къ своей хатѣ, обошелъ ее кругомъ—горько мнѣ было смотрѣть на хату. Машинально вырубилъ огня и сунулъ трутъ въ соломенную крышу. Черезъ минуту она вспыхнула, я остановился на улицѣ, посмотрѣлъ, какъ горитъ мое добро, и пошелъ обратно въ корчму, къ своимъ новымъ товарищамъ.

Начало свѣтать, когда я подошелъ къ корчмѣ и разбудилъ товарищей. Они были совершенно трезвы, я былъ тоже почти трезвъ. Они выпили еще кварту водки (но я пить не могъ), взяли приготовленный жидомъ мѣшокъ съ жаренными курями и гусями, и пошли молча черезъ поле въ дуброву. И я пошелъ за ними. Долго я оглядывался на свое родное село—его уже не видно было, только слышенъ былъ какой то гулъ и видно было зарево отъ моей бѣдной хаты.

Мы пришли на хуторъ, нашли тамъ одну старуху, топившую печь. Товарищи мои спросили у нее:

— Что не было Марка?

Старуха отвѣчала: не было.

— Ну, вари обѣдать, а ты пріятель ложись да отдохни.

Я легъ и заснулъ. Мнѣ снился разбойничій притонъ: съ испугу я проснулся и увидѣлъ, что я дѣйствительно нахожусь въ разбойничьемъ притонѣ.

Прошелъ одинъ только мѣсяцъ, и я сдѣлался настоящимъ разбойникомъ. Правда, я никого не убивалъ, за то немилосердно грабилъ богатыхъ жидовъ и шляхту и всякаго, кто проѣзжалъ въ богатомъ экипажѣ; и, начитавшись романовъ о великодушныхъ рыцаряхъ-разбойникахъ, мнѣ вздумалось подражать имъ, т. е. брать у богатыхъ и отдавать бѣднымъ. Я такъ и дѣлалъ.

Прошелъ еще мѣсяцъ, и меня единогласно провозгласили атаманомъ. Шайка моя быстро увеличивалась, такъ что по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ у меня уже было болѣе сотни удалыхъ головъ; съ такою силою я бралъ уже смѣлость нападать открыто на господскіе дома, и не безъ успѣха, потому что крестьяне измѣняли своимъ тиранамъ. Рыцарскими подвигами своими я снискалъ любовь крестьянъ на Подоліи и на Волыни. Слава о моемъ безкорыстіи быстро распространялась между ними, а шайка моя еще быстрѣе выростала, такъ что черезъ полгода у меня считалося около трехъ сотъ товарищей. Я своей арміи никогда не держалъ въ одномъ мѣстѣ, потому что прокормить ее было трудно и потому, что бы полицію сбить съ толку на счетъ моего мѣстопребыванія; полиціи я, правда, не очень трусилъ, потому что крестьяне меня любили и въ случаѣ опасности укрывали.

Я иногда скоплялъ свою армію въ одно мѣсто не для того, чтобы сдѣлать нападеніе на непріятеля, а для того, чтобы попировать недѣлю—другую вмѣстѣ. Для этого у меня въ разныхъ лѣсахъ были погреба или забытыя древнія пещеры, которыя были извѣстны только моимъ эсауламъ и весьма немногимъ испытаннымъ товарищамъ. Въ погребахъ хранилось вино, съѣстное и прочіе припасы: оружіе, свинецъ, порохъ и деньги. Такой погребъ былъ у меня одинъ близъ Звенигородки, въ такъ называемомъ братерскомъ лѣсу. Этотъ погребъ былъ вырытъ, какъ говоритъ народное преданіе, гайдамаками въ 1768 году. Другой такой-же погребъ между Заславлемъ и Острогомъ, тоже, кажется, гайдамацкой работы; а третій самый большой—около Кіева, за оградою Китаевской пустыни, въ лѣсу же. Это были огромныя пещеры, вырытыя, какъ кажется, во время Андрея Боголюбскаго. На горѣ, въ которой вырыты пещеры, замѣтны и до сихъ поръ слѣды земляныхъ укрѣпленій, можетъ быть, ограды его загороднаго терема.

Въ этихъ-то пещерахъ пировалъ я по нѣскольку дней со всѣмъ своимъ товариществомъ, въ виду Китаевской обители, а святые отцы и не подозрѣвали этого.

Освѣщалъ я ихъ бѣлыми восковыми свѣчами, тутъ же въ китаевской обители приготовляемыми для кіево-печерской лавры; устилалъ я эти мрачныя пещеры дорогими коврами, шалями и аксамитомъ. Шумно, весело было! Иногда переселишься мыслію въ тотъ

край, вспомнишь бывалое и какъ будто помолодѣешь! Господи, прости мое согрѣшеніе!

И разсказчикъ набожно перекрестился.

Попировавши нѣсколько дней, я распускалъ свою команду въ разныя стороны, назначая каждому отряду эсаула или прежняго утверждая, съ наказомъ, чтобы всѣ эсаулы назывались моимъ именемъ и прозвищемъ. Самъ же я переряжался мужикомъ или паномъ и отправлялся въ Кіевъ или другой какой городъ. Словомъ я велъ себя, какъ знаменитый Ринальдо Ринальдини.

Случалось часто мнѣ бывать на берегахъ Случи, близь моего роднаго села; но я въ село войти боялся; я не боялся измѣны со стороны крестьянъ: они были всѣ мною надѣлены—кто деньгами, а кто натурою, какъ-то волами, лошадьми и прочимъ; я не боялся ихъ, но мнѣ страшно было встрѣтить Марисю или панну Магдалену. Бывало, цѣлыя ночи просиживалъ я на берегу моей милой Случи, смотря на угасавшіе огоньки въ смиренныхъ хатахъ мирныхъ, покорныхъ своей судьбѣ моихъ собратій. Бывало, плакалъ я и каялся, но я слишкомъ далеко зашелъ, чтобъ можно было назадъ воротиться безъ помощи искренняго друга. Я нѣсколько разъ покушался навѣстить панну Магдалену и всякій разъ раздумывалъ: мнѣ стыдно, мнѣ страшно было ее видѣть! Такъ боится дьяволъ встрѣтить чистаго ангела! Въ то время я былъ самый жалкій, самый несчастный человѣкъ. Походивши около села, полюбовавшись на свѣтлыя воды Случи, я удалялся въ лѣсъ, какъ волкъ, боясь встрѣтить человѣка. Въ лѣсу находилъ я одну изъ своихъ шаекъ, увѣшивалъ широкія вѣтви столѣтняго дуба дорогимъ ковромъ и бархатомъ и принимался пить съ своими преступными товарищами. Я думалъ окунуть свою грязную совѣсть въ дорогомъ винѣ, но не тутъ-то было: она выплывала изъ вина и бѣшеной кошкой впивалась мнѣ въ сердце! Въ эти страшныя минуты являлись мнѣ, какъ будто на яву, панна Магдалена и моя прекрасная бракоокраденная невѣста. Онѣ являлись мнѣ, какъ два ангела, и говорили со мною такъ тихо, сладко, такъ пріятно, что я приходилъ въ себя и становился совершенно счастливымъ человѣкомъ.

Однажды я рѣшился написать письмо, и въ письмѣ своемъ просилъ я у нихъ свиданія наединѣ; мѣстомъ свиданія я назначилъ пустую хатку въ саду у нашего тытаря, предполагаемаго моего посаже-

наго отца. Я рѣшился оставить свое проклятое ремесло и готовъ былъ сдѣлаться хоть каторжникомъ, только-бы очистить свою грязную совѣсть.

Я тщательно скрывалъ свое намѣреніе отъ товарищей, да и къ чему-бъ повела откровенность? Къ грубымъ насмѣшкамъ и больше ничего! Съ трепетомъ дожидалъ я дня, назначеннаго мною для свиданія съ панною Магдаленою; въ это время шлялся я съ своимъ малымъ отрядомъ около Луцка. Однажды въ лѣсу замѣтили мы, что большой дорожный берлинъ катился въ пыли по столбовой дорогѣ. Я скомандовалъ своимъ удальцамъ изъ «яру на долину», т. е. выйти на дорогу и остановить берлинъ. Сказано, сдѣлано. Берлинъ остановили. Онъ мнѣ издали показался знакомымъ и пока я подбѣгалъ къ нему, чтобы увѣриться, не ошибаюсь-ли я, чемоданы отъ берлина были уже отрѣзаны и самъ хозяинъ былъ до нага раздѣтъ и дрожалъ за свою жизнь.

И кого-же я узналъ въ этомъ нагомъ человѣкѣ? Своего злѣйшаго врага, развратнаго сластолюбца графа Болеслава. Признаюсь, мнѣ было смѣшно и больно смотрѣть на него; онъ меня тоже узналъ и затрепеталъ всѣмъ тѣломъ. Я отвернулся отъ него, приказалъ привязать чемоданы, развязать и одѣть графа и его камердинера француза, далъ еще червонецъ ямщику на водку и отпустилъ ихъ съ Богомъ, не тронувши ни волоска. Графъ со страха не могъ проговорить слова, а французъ, усѣвшись на козлахъ, вѣжливо приподнялъ шляпу и сказалъ: mercі monsieur!

Послѣ этого происшествія, мнѣ казалося, что я смѣло могу идти на свиданіе съ панною Магдаленою. Я мечталъ уже о ея тихихъ сладкихъ рѣчахъ, объ ея прекрасномъ милосердномъ взглядѣ. Я вообразилъ себя покаявшимся, безмолвнымъ, покорнымъ труженикомъ гдѣ нибудь въ глухомъ монастырѣ или въ далекой ссылкѣ съ очищенною совѣстью. Я былъ счастливъ; но Богъ судилъ продлить мои преступленія.

На дорогѣ я сильно заболѣлъ: меня привезли товарищи на хуторъ въ лѣсу, близь Дубна, къ старухѣ знахаркѣ и тамъ оставили; старуха меня кормила и лечила, какъ знала.

Старшинство свое я передалъ товарищу Прохору Кичату, человѣку физически сильному и не разбойничьяго сердца.

Съ октября мѣсяца я пролежалъ до апрѣля, почти не двигаясь; въ концѣ апрѣля я могъ вставать на ноги и перейти въ другой

уголъ хаты. На ѳоминой недѣлѣ я уже сидѣлъ подъ хатою и могъ любоваться тихими меланхолическими прелестями оживающей природы.

Это былъ хуторъ самый уединенный, такъ что, кажется, кромѣ моей лекарки и ея стараго мужа, никто и не подозрѣвалъ существованія ихъ хутора. Я началъ выходить почти каждый день, съ позволенія моей лекарки, посидѣть нѣсколько часовъ подъ хатою. Сижу, бывало, себѣ и любуюсь на прозрачный небольшой ставокъ, увѣнчанный зеленымъ очеретомъ и греблю, усаженную въ два ряда старыми вербами, пустившими свои вѣтви въ прозрачную воду; а ниже гребли старая, какъ и ея хозяинъ, мельница объ одномъ колесѣ съ сладко шепчущими лотоками; на поверхности пруда плаваютъ гуси и утки, каждая въ двухъ экземплярахъ: одна вверхъ головою, а другая внизъ; издали кажется, что и въ водѣ утка и на водѣ утка. На берегу, около гребли, маленькій челнокъ, опрокинутый вверхъ дномъ, а подъ навѣсомъ старой мельницы развѣшана рыбачья сѣть; а кругомъ хутора дубовый лѣсъ—непроходимый, только въ одномъ мѣстѣ въ родѣ просѣки, сдѣланной какъ будто нарочно для полноты пейзажа; и въ эту просѣку далеко на горизонтѣ синѣютъ, какъ огромные бастіоны, отрасли Карпатскихъ горъ. Я оживалъ, глядя на эту прекрасную волшебницу природу.

По временамъ навѣщалъ меня Прохоръ Кичатый, привозилъ всегда подарокъ моей лекаркѣ, а мнѣ разныхъ лакомствъ; говорилъ мнѣ, что товарищи безъ меня соскучились, что заработковъ никакихъ нѣтъ, что онъ чуть было не попался въ руки полиціи въ Кременцѣ и что меня товарищи ждутъ, какъ самого Бога съ неба.

Но у меня было другое на умѣ: я думалъ было, какъ-бы только собраться съ силами и пуститься прямо въ Почаевъ помолиться святой Заступницѣ Почаевской, потомъ пробраться на берега Случи, повидаться съ панною Магдаленою, а потомъ уже, куда Богъ пошлетъ, только не къ товарищамъ.

Въ концѣ мая я могъ уже съ помощью посоха пуститься въ дорогу. Одѣлся я въ старое крестьянское платье, взялъ котомку на плечи, посохъ въ руки и—по старой привычкѣ—пистолетъ за пазуху, поблагодарилъ, чѣмъ могъ, моихъ добрыхъ хозяевъ, помолился и вышелъ изъ хаты. Старикъ вывелъ меня на Кременецкую дорогу и я, простившись съ нимъ еще разъ, пошелъ по дорогѣ къ Кременцу, думая съ начала зайти въ Почаевъ, а потомъ уже идти на свиданіе съ панною Магдаленою.

Возвращаясь изъ Почаева, я зашелъ въ Кременецъ посмотрѣть на королеву Бону и на воздвигавшійся въ то время палацъ или кляшторъ для кременецкаго лицея. Миръ праху твоему, благородный Чацкій! Ты любилъ миръ и просвѣщеніе. Ты любилъ человѣка, какъ намъ Христосъ любить его заповѣдалъ! Изъ Кременца пошелъ я черезъ село Вербы въ Дубно, а изъ Дубна на Острогъ, Корецъ и на Новгородъ Волынскій, на берега моей родной, моей прекрасной Случи.

Тутъ я отдохнулъ и на другой день къ вечеру былъ уже въ виду своего села. Я думалъ было переночевать въ дубровѣ и по утру уже дать знать паннѣ Магдаленѣ, что я здѣсь. Но какъ я дамъ знать? у меня не было ни бумаги, ни чернилъ, ни пера. Подумавши, я рѣшился идти въ знакомую корчму, написать тамъ записку и послать жида къ паннѣ Магдаленѣ; при томъ-же меня и голодъ сильно одолѣвалъ; я пошелъ въ корчму.

Жидъ не показалъ вида, что узналъ меня. Я спросилъ чтвертку водки, кусокъ хлѣба и тарань. Утоливши немного голодъ, я спросилъ у жида лоскутокъ бумаги, перо и чернило, написалъ записку и послалъ жида на панскій дворъ.

Въ ожиданіи отвѣта, я прилегъ было на лавкѣ отдохнуть и уже началъ дремать. Вдругъ двери отворились и въ корчму вбѣжалъ графъ съ толпою вооруженныхъ мужиковъ.

— Держите.. вяжите его, кричалъ онъ.

Я вскочилъ съ лавки, вынулъ пистолетъ и, ни въ кого не цѣлясь, спустилъ курокъ. Графъ повалился на полъ. Прости мнѣ, милосердный Господи, сей грѣхъ невольный! Я не хотѣлъ его смерти, онъ былъ у меня въ рукахъ, и я отпустилъ его. Самъ сатана направилъ мою руку и я сдѣлался невольнымъ убійцею. Прослывши разбойникомъ во всемъ краю—это была первая и послѣдняя жертва моихъ рукъ. Но это не оправданіе—я все таки былъ разбойникомъ и посягателемъ на чужое добро.

Мужики, зная меня лично и зная мою разбойничью славу, славу, которая была сопряжена со слухами, будто я колдунъ, не хотѣли вязать меня, но я бросилъ пистолетъ въ голову жиду-предателю и въ сопровожденіи мужиковъ пошелъ на панскій дворъ. На дворѣ уже меня связали по приказанію графини и заперли въ знакомый уже мнѣ погребъ, но уже не дали мнѣ ни

хлѣба, ни воды, и панна Магдалена не присылала мнѣ ничего, ни бѣлаго хлѣба, какъ это дѣлала прежде. И она, такъ я думалъ тогда, и она моя добрая, моя единая, и она оставила меня!

Я пролежалъ въ погребѣ связанный трое сутокъ; такъ это я знаю потому, что три раза показывался дневной свѣтъ въ верху въ душникѣ. Мнѣ не подавали ни хлѣба, ни воды, да мнѣ не нужно было ни того, ни другаго: меня кормило мое сердечное горе, и поили слезы, а мучила и терзала совѣсть. Я почувствовалъ всѣ свои преступленія разомъ: я былъ хищникъ, грабитель и наконецъ убійца! О, горе мое въ ту безконечную трехсуточную ночь было неизмѣримо! Мнѣ представлялись всѣ мои преступленія такъ живо, такъ страшно выразительно, что я закрывалъ глаза руками. Иногда, и то не надолго, картина перемѣнялась и мнѣ представлялося мое дѣтство, пустка, ночь въ полѣ, вой волковъ, лановый, панъ Кошулька и моя благородная панна Магдалена, а за нею, какъ свѣтлый, божественный ангелъ, прекрасная моя, непорочная Марися... Боже мой, Боже мой! вскую мя еси оставилъ? Картина перемѣнялась, и я видѣлъ погубившаго меня врага моего, кругомъ меня все въ огнѣ горѣло и я впадалъ въ бѣшенство: кричалъ, плакалъ и грызъ каменный полъ погреба.

Мученія мои были страшны, молитвы и всякіе другіе добрые помыслы покинули меня на жертву лютымъ демонамъ. Припадки бѣшенства повторялись со мною ежечасно.

Однажды я пришелъ въ себя и, почувствовавъ жажду, подползъ къ дверямъ (я ходить не могъ, потому что у меня были связаны руки и ноги), сталъ кричать, прося воды; никто не отзывался. Жажда меня терзала. Я рванулся и веревки на рукахъ подалися, еще разъ—веревка чувствительнѣе ослабла. Кое-какъ я освободилъ руки и потомъ ноги, прошелся ощупью по своей темницѣ и мнѣ стало будто легче; подхожу къ душнику, смотрю, свѣту не видно: должно быть ночь. Теперь всѣ спятъ; неужелижъ и сторожа мои заснули? Подхожу къ дверямъ, стучу, зову—никто не откликается. Черезъ минуту прислушиваюсь, на дворѣ легкій шумъ и голоса людей; вѣроятно меня услышали. Кричу опять, никто не отзывается, а шумъ на дворѣ все болѣе и болѣе увеличивается. Оглядываюсь, изъ душника красный свѣтъ пробился въ погребъ и слышу голоса: пожаръ, пожаръ! Тутъ я потерялъ всякую

надежду выпросить воды: кто теперь меня услышить? И жажда сильнѣе и сильнѣе меня стала мучить; я пробовалъ лизать сырыя стѣны моей темницы, но мнѣ легче не было; я зналъ, что въ погребѣ есть вино, но оно было заперто другою желѣзною дверью. Я выл, какъ звѣрь, отъ страданія: мнѣ представлялась со всѣми ужасами голодная смерть. Слушаю, дверь отпираютъ и зовутъ меня по имени; я бросился къ двери, дверь растворилась, и я увидѣлъ на порогѣ своихъ товарищей. Первое мое слово было—воды! Принесли мнѣ воды, я напился, оглядываюсь вокругъ себя, и страшно выговорить, что я увидѣлъ. На дворѣ, при свѣтѣ народа, соучастники мои рѣжутъ, бьютъ и живыхъ въ огонь бросаютъ несчастныхъ гостей графини. О, лучше не родиться, чѣмъ быть свидѣтелемъ и причиною такого ужаса!

Пока меня держали въ погребѣ, крестьяне дали знать моимъ товарищамъ о случившемся, и они прилетѣли на выручку. Ужасная была выручка!

Къ графинѣ собралось много гостей съ дѣтьми и женами, по случаю похоронъ сына, но ему Богъ не судилъ въ землѣ лежать: трупъ его грѣшный сгорѣлъ на пышномъ катафалкѣ.

Все уже было готово къ похоронамъ, уже ксендзы начали пѣть, какъ тутъ мои разбойники налетѣли, какъ коршуны, зажгли великолѣпные палаты и началось убійство. Грудныхъ младенцевъ не пощадили—варвары!

А крестьяне собрались на дворъ, какъ бы на потѣшное зрѣлище: ни одинъ и пальцемъ не пошевелитъ, только хохотали, когда разбойники бросали со второго этажа толстаго пана или паню. Грубые, жестокосердные люди!

Крестьяне, впрочемъ, спасли панну Магдалену за ея ангельскую доброту и за то, что она по воскресеніямъ ходила въ нашу церковь; спасли и мою бѣдную Марисю, потому что она была не панна.

Я отыскивалъ ихъ въ селѣ: мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на ихъ бѣдныхъ, но крестьяне не показали мнѣ ихъ убѣжища, боясь, чтобъ я не убилъ невольно преступную Марисю. Бѣдные, они не вѣрили, что я чистосердечно простилъ ее. И мнѣ не удалося ихъ тогда увидѣть.

При свѣтѣ пожара товарищи увлекли меня съ собою по направленію къ корчмѣ, гдѣ я въ первый разъ встрѣтилъ разбойниковъ и гдѣ совершилъ убійство. Товарищи напилися вина, зажгли корчму и жида-предателя живаго въ огонь бросили. Мы ушли ночевать въ дуброву.

Къ удивленію моему я не видѣлъ у разбойниковъ никакой добычи, слѣдовательно все это было сдѣлано только для моей свободы. О, бѣдная ты моя свобода! убійствомъ и пожаромъ ты куплена была!

Я не принималъ никакого участія въ дѣлахъ преступнаго братства; я почти все хворалъ и вскорѣ опять ко мнѣ прежняя болѣзнь возвратилась. Случилося это недалеко отъ моей родины, то я и просилъ товарищей перенести меня въ село и положить въ тытаревой хаткѣ, что въ саду; а тамъ, что Богъ дастъ! Долго они не соглашались, боясь преслѣдованія полиціи, но я убѣдилъ ихъ въ моей безопасности: я зналъ навѣрное, что меня тытарь не выдастъ; а еслибъ и выдалъ, то я не боялся правосудія и казни, потому что я и безъ того казнился ежеминутно. Мнѣ страшно надоѣла звѣрямъ подобная разбойничья жизнь.

Ночью принесли меня товарищи въ назначенную мною хатку въ тытаревомъ саду, положили меня въ хаткѣ и дали знать хозяину, что у него есть гость недужій. Поутру пришелъ ко мнѣ самъ хозяинъ, принесъ мнѣ воды, хлѣба и кипяченаго молока съ шалфеемъ, съ участіемъ распросилъ, что у меня болитъ, и напоилъ меня горячимъ молокомъ. Потомъ принесъ мнѣ постель и ввечеру привелъ знахаря. Прекрасное, благородное лице знахаря съ бѣлою окладистою бородой внушило мнѣ довѣріе, но лекарства его все таки мнѣ не помогали. Хозяинъ и знахарь просиживали со мною цѣлые дни, но женщинъ я не видалъ у себя въ хатѣ; вѣроятно благоразумный хозяинъ не говорилъ своей женѣ про меня, не полагаясь на женскую скромность. Мнѣ становилось хуже и хуже, такъ что я просилъ къ себѣ священника позвать.

Привели ко мнѣ ночью священника, и я узналъ того самого отца Никифора, который когда-то обѣщалъ сдѣлать изъ меня человѣка. Онъ былъ уже сѣдой, но бодрый старецъ; удивился, простодушный старикъ, когда я ему напомнилъ того бѣднаго Кирилка сироту, взятаго имъ давно когда-то у бѣдной вдовы Дорошихи.

Послѣ исповѣди и принятія святыхъ таинъ, я почувствовалъ себя лучше. Святое, великое дѣло религія для человѣка, тѣмъ болѣе для такого, какъ я, грѣшника!

День ото дня мнѣ становилось лучше. Добрый хозяинъ мой какъ ни старался скрыть мое пребываніе въ его домѣ, одначе тайна была открыта.

Поздно вечеромъ я сидѣлъ у окна и слушалъ пѣсню соловья въ саду, вдыхая въ себя запахъ цвѣтущихъ черешень и вишень. За деревьями мнѣ показалося что-то будто бы мелькнуло черное; смотрю пристальнѣе—человѣческая фигура тихо подходитъ къ хатѣ: ближе—вижу, женщина въ черномъ платьѣ, только не крестьянскаго покроя; подходитъ къ самому окну, и кого-же я узналъ? Мою единую, мою незабвенную панну Магдалену. Она вошла тихонько въ хату. Мы судорожно обнялись, поцѣловались и долго держали другъ друга за руки, не говоря ни слова. Потомъ, какъ сестра, какъ самая нѣжная любовница, она обвила меня своими руками и горько, горько зарыдала. Не долго продолжалось наше свиданіе, потому что я былъ еще слабъ; она это поняла и вскорѣ простилась со мною, обѣщаясь навѣстить меня на другой день. Она ради моей Мариси осталась съ ней жить въ селѣ, потому что Марися, какъ подданка, не могла слѣдовать за нею въ монастырь. Случайно узнала она о моемъ пребываніи у тытаря: она искала для себя квартиру въ селѣ, ей рекомендовала дьяконша тытареву хатку въ саду, какъ самое уютное и дешевое убѣжище. Она днемъ пришла посмотрѣть хатку, хозяева были въ полѣ на работѣ, а то-бы они не пустили ее въ садъ. Я въ то время спалъ, когда она приходила въ хатку; она меня видѣла спящаго, узнала и не разбудила, а посѣтила вечеромъ. Свиданія наши продолжались ежедневно, когда хозяева мои уходили въ поле на работу. И, Боже мой, о чемъ мы съ нею не переговорили! Какіе возвышенные, благородные помыслы и чувства она исповѣдала передо мною! Она разсказала мнѣ, какъ по полученіи моего письма, въ которомъ я просилъ свиданія, она приходила каждый вечеръ, впродолженіи лѣта и осени, въ эту самую хатку и дожидала меня иногда до разсвѣта. И какія чистыя христіанскія средства въ то время она придумывала къ моему обращенію. Мы исповѣдались другъ передъ другомъ, говорили обо всемъ, что было близкаго, сердечнаго, но о Марисѣ не было сказано ни

слова: она какъ-бы боялась напомнить мнѣ о ней, а я тоже боялся услышать ея имя изъ непорочныхъ устъ панны Магдалены.

А Марися моя бѣдная приходила каждый разъ съ панною Магдаленою и оставалась въ саду, не смѣя зайти ко мнѣ въ хату.

Однажды я собрался съ духомъ и спросилъ:

— Что моя бѣдная Марися? жива-ли она?

— Жива, но не скажу здорова, отвѣчала пáнна Магдалена.

— Чтожъ съ нею? спросилъ я съ трепетомъ.

— Она страдаетъ, сердечнымъ недугомъ страдаетъ.

— Можно-ли мнѣ ее увидѣть? Приведите ее ко мнѣ, пускай я хоть взгляну на нее!

Панна Магдалена вышла изъ хаты и черезъ минуту возвратилась, ведя за собою Марисю. Я не узналъ ее: она страшно перемѣнилась—блѣдная, худая и съ какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ. Долго она стояла, какъ окаменѣлая, наконецъ едва внятно проговорила:

— Прости... прости меня! и рыдая упала къ ногамъ моимъ.

Я былъ слишкомъ потрясенъ и не могъ проговорить ей ни слова. Безмолвное свиданіе наше скоро кончилось: панна Магдалена вывела ее полуживую изъ хаты, и я не смѣлъ остановить ихъ.

Панна Магдалена имѣла надо мною безграничную моральную власть, и я повиновался ей, какъ ребенокъ матери.

Марися вмѣстѣ въ панною Магдаленою посѣщали меня каждый день и однажды Марися разсказала мнѣ свою грустную исторію со дня, какъ я уѣхалъ въ Одессу продавать пшеницу.

Не повторяю я тебѣ, друже мой, этой тяжкой повѣсти, потому что она отвратительно гнусна и къ несчастію слишкомъ обыкновенна на нашей бѣдной родинѣ!

Она несчастная была матерью и въ нищетѣ ростила своего бѣднаго сына: графиня покойная не хотѣла ничѣмъ помочь нищей матери своего внука, стращась ложнаго стыда. Бѣдныя вы, мелкодушныя графини!

День ото дня мнѣ было лучше; между нами было рѣшено, какъ скоро можно будетъ мнѣ ходить, то отправиться не въ отдаленный глухой монастырь, какъ я прежде думалъ, а идти въ Житомiръ и явиться къ губернатору, разсказать ему всѣ преступленія свои и положиться на милосердіе Божіе и на правосудіе человѣческое. Такъ и сдѣлалъ.

Ночью, простившись съ моимъ скромнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ, я, невидимый никѣмъ, вышелъ изъ села.

Въ лѣсу, на берегу Случи, ожидали меня панна Магдалена и Марися: мы такъ еще днемъ условились. Съ разсвѣтомъ они вывели меня на Житомірскую дорогу, и мы разстались, разстались на вѣки.

А при послѣднемъ цѣлованіи незабвенная моя панна Магдалена благословила меня этою святою книгою.

И старикъ указалъ на лежавшую на столѣ библію, о которой я говорилъ уже.

— Святая, божественная книга! продолжалъ онъ восторженно: мое единое прибѣжище, покровъ и упованіе!

Старикъ задумался, заплакалъ и сквозь слезы говорилъ, какъ бы самъ про себя:

— Одна единственная вещь, уцѣлѣвшая отъ пожара!

Друже мой! сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: ежели Богъ приведетъ тебя въ нашъ край, то посѣти бѣдное село на берегу Случи и если найдешь ихъ живыми, то поцалуй ихъ отъ меня, а если померли, то отслужи за ихъ мученическія души панихиду!

Я пришелъ въ Житоміръ, явился къ губернатору, чисто-сердечно разсказалъ ему свою страшную исторію и былъ арестованъ. Меня судили, какъ убійцу, и осудили милостиво и человѣколюбиво.

Вотъ тебѣ и вся моя грѣшная повѣсть, мой друже и мой милый земляче!

А остальное пускай тебѣ доскажутъ кандалы мои и мои преждевременныя сѣдины.

1845 года.
Кіевъ.

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ [1]).

12. АФЕНДИКИ.

1. *Семенъ Афендикъ*, „паркалабъ сороцкій“, вышелъ изъ Молдавіи въ 1711 г.
2. *Степанъ*, сотникъ бориспольскій; по распоряженію А. И. Румянцева, въ 1724 г. назначенъ переяславскимъ наказнымъ полковникомъ . . 1.
3. *Николай*, по распоряженію Румянцева, 1724 г. назначенъ вороньковскимъ сотникомъ . . . . . 1.
4. *Антонъ*, ротмистръ ландмилицкаго брянскаго полка, 1732 г. . . . 1.
5. *Иванъ*, поручикъ ландмилицкаго гусарскаго полка, 1742 г. . . . . 1.
6. *Максимъ*, сотникъ бориспольскій, 1752—1770 г. . . . . 2.
7. *Давыдъ*, сотникъ барышевскій 1745—1768 г.; потомъ бунчуковый товарищъ. 2.
8. *Корнѣй*, сотникъ бориспольскій, 1770—1781 г.; потомъ бунчуковый товарищъ; потомъ майоръ . . . . . 6.
9. *Федоръ*, сотникъ барышевскій, 1768 г. . . . . 7.
10. *Стпанъ*, переяславскій полковой есаулъ, 1783 г.; коллежскій ассесоръ 1798 г. Жилъ въ Басанѣ . . . . . 7.
11. *Настасья*, М. Александръ Косташъ, бобровицкій сотникъ, 1779 г. . . 7.
12. *Григорій* . . . . . 9.

Происхожденіе Афендиковъ видно изъ грамоты господаря земли молдавской Михаила Раковица, относящейся къ 1704 г. и начинающейся слѣд. словами: «понеже явился предъ насъ и предъ нашими молдавскими боярами, большими и малыми, Алекѕандръ Армашуръ, сынъ Петра, отъ села Кохерешты, уѣзда сороцкаго, племянникъ Дмитрія паркалаба, съ племянникомъ своимъ сестринымъ, по имени Афендикъ, великій капитанъ уѣзда сороцкаго... и жаловался.... что имѣетъ нѣсколько вотчинъ отъ прадѣда своего Стефана Лоза-

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., январ. кн., стр. 1—16.

нула, паркалаба, по надачи его милости, что имѣлъ прадѣдъ ихъ отъ умершаго Іеремѣя Могилы воеводы» и проч.

Въ 1711 г., Семенъ Афендикъ былъ паркалабомъ сороцкимъ; къ нему писалъ въ іюнѣ этого года Савва Рагузинскій, изъ Немирова: «понеже я по указу всемилостивѣйшаго царя и государя посланъ къ фельдмаршалу Шереметеву подъ команду, для совѣта воинскихъ тайныхъ дѣлъ, и знаю отчасти обхожденіе тамошнихъ народовъ,—представлялъ я достовѣрно о состояніи вашего великодушія и доносилъ, колика есть мочь ваша и христіянское благоговѣніе между тамошними народами, ибо разсудили за благо, по указу его царскаго величества и по приказу г. фельдмаршала и по моему совѣту, назначить вашей христіанской особѣ чинъ полковничества»... За тѣмъ Рагузинскій проситъ Афендика «собрать добрыхъ жолнеровъ конныхъ оружейныхъ 1,000 человѣкъ, которымъ впредь будетъ дано изъ казны его величества на всякаго жолнѣра на сію компанію по 5 рублей».

По окончаніи прутскаго похода, Афендикъ вышелъ изъ Подоліи и получилъ, въ августѣ 1712 г., въ переяславскомъ полку, с. Кулажинцы. Въ универсалѣ о семъ Скоропадскаго читаемъ: «была внесена у насъ поважная инстанція сіятелного графа Бориса Петровича Шереметева за п. Семеномъ Афендикомъ, бывшимъ паркалабомъ сороцкимъ, который, подъ часъ вступленія его царского величества въ границы турскіе ку Пруту, все свое потерявши имѣніе, явную свою ку его величества маестату вѣрную показалъ услугу и теперь для тоей же услуги въ край нашъ удалился, абысмо ему для пожитія и подпоможенія въ ономъ опредѣлили якое въ Малой Россіи сельце; теды мы, гетманъ, по той инстанціи, опредѣляемъ п. паркалабу село Кулажинцѣ, въ полку переяславскомъ будучое, позволяючи въ тамошнемъ дворцѣ жити и одъ посполитыхъ людей послушенство и повинности отбирать». По другому универсалу 1716 г., Скоропадскій подтвердилъ Семену Афендику «листъ» переяславскаго полковника на право «отбирать послушенство» отъ посполитыхъ м. Старой Басани.

Старшій сынъ Семена, Степанъ, при томъ же Скоропадскомъ, по требованію гр. Головкина, получилъ бориспольское сотничество [1]);

[1]) Матеріалы военно-ученаго архива главнаго штаба, т. I, стр. 827.

а въ 1724 г. А. И. Румянцевымъ поставленъ былъ переяславскимъ наказнымъ сотникомъ. Въ началѣ января этого года Румянцевъ пріѣзжалъ въ Переяславъ для слѣдствія о челобитныхъ, поданныхъ Полуботкомъ Петру В. въ сентябрѣ 1723 г. и найдя тогдашняго наказнаго полковника, Лукаша Васильевича, не надежнымъ, далъ Степану Афендику слѣдующій указъ: «Сотникъ барышпольскій Афендикъ. По имянному его императорского величества указу, вѣдатъ тебѣ сей переяславскій полкъ до указу за полковника и будучи въ ономъ урядѣ, со всею старшиною и со всѣмъ посполитствомъ своего полку имѣть доброе снисходительство и управлять всѣ дѣла, какъ въ началѣ, по его императорскаго величества указомъ, такъ и суды полковые, какъ вѣрному и доброму подданному его императорского величества человѣку надлежитъ; не такъ, какъ прежде было, что для своихъ прихотей или смотря на лицо, что бѣдный на богатого никакого суда не найдетъ, но по самой христіанской совѣсти и сущей правдѣ, дабы въ чемъ ты не могъ быть судимъ предъ Богомъ и предъ его императорскимъ величествомъ. А если будешъ поступать противъ его императорского величества указовъ что послабно, или въ судехъ бѣднымъ людемъ чинить волокиту, то не токмо сей и прежній чинъ можешъ потерять, но и животъ свой; что сіе имѣть тебѣ все въ памяти своей, что сіе все вамъ объявлено именнымъ его императорскаго величества указомъ. Да въ здѣшній же полкъ опредѣленъ въ есаулы, до указу, здѣшній городовой атаманъ Романъ Юрьевъ, да въ хоронжіе, до указу жъ, изъ значковыхъ козаковъ Прокофій Перфельевъ, да въ писари полковые, до указу жъ, Карпъ Бурляй, да въ здѣшніе переяславскіе сотники Григорій Драганъ, да въ сотники, по челобитью воронковской сотни, Николай Афендикъ».

---

11. ЛЕВЕНЦЫ.

1. *Прокопъ Левенецъ*, полковникъ полтавскій 1674—75, 1677—78; бунчуковый товарищъ 1685, обозный полтавскій 1687; † 1691.
2. *Иванъ*, бунчуковый товарищъ 1685; сотникъ полтавскій 1687; полковникъ полтавскій 1703—1709: бунчуковый товарищъ 1711—1723 г., правитель (одинъ изъ трехъ) генеральной канцеляріи 1724—1727 . . . . . 1.
3. *Иванъ*, сотникъ старосанджаровскій 1727; обозный полтавскій 1740. . . 2.
4. *Федоръ*, род. 1720; подкоморій полтавскій и надв. совѣтн. 1763 . . . 3.
5. *Петръ*, секундъ-майоръ . . . . . 4.
6. *Степанъ*, секундъ-майоръ; маршалъ губернскій полтавскій, 1823. Петръ

и Степанъ имѣніями своими не дѣлились; въ 1798 г. за обоими считалось 1206 креетьянъ . . . . . 4.

7. *Иванъ,* поручикъ. Жена Евдокія Васильевна Кривцова . . . . 6.

Прокофій Левенецъ былъ коноводомъ одной изъ тѣхъ партій полтавскаго полка, которыя такъ часто мѣняли своихъ полковниковъ во второй половинѣ XVII в. [1]) Въ первый разъ Прокофій Левенецъ добился полковничества въ 1674 г., но удержался на этомъ урядѣ только до осени 1675 г. и былъ смѣненъ новымъ претендентомъ—Герцикомъ, который успѣлъ въ это время «подольститься и подмогоричиться» полтавцамъ, какъ говоритъ Кочубей. А подольстился Герцикъ такъ: въ октябрѣ 1675 г. Левенецъ купилъ у Олексы Коваля хуторъ Чорнаго Озера и началъ здѣсь устраивать плотину для водяной мельницы; но когда Левенцова плотина подтопила сосѣднія мельницы, Герцикъ подбилъ полчанъ жаловаться на Левенца гетману. Полтавцы нашли болѣе удобнымъ прежде «скинуть» Левенца и выбрать на его мѣсто Герцика, а потомъ уже послали жалобу гетману Самойловичу. Въ январѣ 1676 г. былъ полученъ отвѣтъ гетмана: «абы больше не важился Прокопъ Левенецъ, бывшій полковникъ полтавскій, перешкоды строити товариству, яко тежъ и мѣщанамъ полтавскимъ, новозанятою греблею его на Черномъ Озерѣ; а видячи, что тая гребля новозанятая есть великою перешкодою реченнымъ людямъ, больше не позволяемъ Прокопу Левенцу кошту на тую новозанятую греблю вкладати и праци (труда) подеймовати [2])».—Но когда Самойловичъ сталъ собирать полки въ Чигиринскій походъ, Левенецъ, какъ искусный военачальникъ, былъ снова выбранъ полковникомъ. Въ апрѣлѣ 1677 г. Левенецъ получилъ отъ царя «милостивое слово,» въ которомъ «полковникъ и все будучое при немъ поспольство похвалялись за обѣщаніе служить вѣрно противъ креста святаго непріятелей [3])». Левенецъ отличился во второмъ чигиринскомъ походѣ, особенно 16 августа 1678 г., когда козаки, не получивъ разрѣшенія отъ Самойловича напасть на турецкій обозъ, «сами, безъ воли гетманской, нечаянно, но мужест-

---

[1]) См. статью о Герцикахъ, Русск. Арх. 1875 г., т. I, стр. 449 и слѣд.

[2]) Протоколы полтавск. полк. суда XVII в., рукопись нашей библіотеки.

[3]) Сборникъ универсаловъ полтавскаго полка, нашей библіотеки.

венно бросились на турепкіе обозы и знатную въ нихъ сдѣлавши шкоду, щасливо вернулись къ своему обозу; только добрые ихъ предводители и знаменитые рыцари—Федоръ Жученко раненъ, а полковникъ Левенецъ, раненный выстрѣломъ изъ янчарки, съ коня свалился, но спасенъ былъ товарищемъ»[1]). За чигиринскіе походы Левенецъ получилъ двѣ похвальныя царскія грамоты, 26 декабря 1677 г. и 25 ноября слѣдующаго. Во второй изъ этихъ грамотъ объявлялось Левенцу: «а которые твоего полку товариство и чернь на тѣхъ бояхъ животъ скончили и мы указали ихъ написать въ вѣчное поминовеніе въ синодикъ великой соборной церкви Успенія пресв. Богородицы».

Не успѣлъ Левенецъ вернуться съ полкомъ домой, какъ противъ него снова поведена была интрига тѣжъ-же Герцикомъ вмѣстѣ съ Жученкомъ. Хотя универсаломъ 9 марта 1679 г. Самойловичъ защищалъ Левенца отъ нападокъ, но вполнѣ его отстоять ему все таки не удалось и полтавскіе полчане снова «скинули» Левенца, поставивъ на его мѣсто Жученка. Самойловичъ, какъ видно, цѣнилъ военныя способности Прокофія Левенца и въ 1685 г. принялъ его вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ «подъ бунчукъ.» Въ универсалѣ 11 мая 1685 г. гетманъ пишетъ: уже и при предшественникахъ нашихъ водилось, что годные и заслуженные въ войскѣ особы, знатность свою и порядки пристойные имѣющіе, окриванны были рейментарскою зверхностью (покровительствомъ) и для оздобы (почета, украшенія) и поваги рейментарской, въ военныхъ походахъ хаживали подъ бунчукомъ рейментарскимъ; потому и мы теперь старинnаго въ полку полтавскомъ мужа и заслуженнаго въ войскѣ товарища Прокопа Левенца съ сыномъ Иваномъ, увольняя отъ полковыхъ службъ, причисляемъ ихъ къ тѣмъ особамъ, которыя подъ знакомъ нашимъ рейментарскимъ ходятъ, съ тѣмъ, чтобы оба они, по нашему приказу, всегда являлись при боку нашемъ и служили-бы тѣ службы, которыя имъ будутъ указаны. При этомъ и Прокопъ Левенецъ съ сыномъ имѣютъ владѣть маетностями своими, какъ наслѣдственными и пріобрѣтенными, такъ и отъ насъ данными, именно селомъ Нижними (Млинами). Такъ желаемъ и приказываемъ, чтобы какъ п. полковникъ полтавскій, такъ и остальное товариство

[1]) Величко, т. II, стр. 464.

не чинили бы ему п. Левенцу никакой обиды, оберегая ту его честь, которую мы при немъ укрѣпляемъ; кромѣ того, особо приказываемъ, чтобы п. Левенца ни по какимъ его дѣламъ въ Полтавѣ не судили, но къ намъ, гетману, должны быть подаваемы жалобы на него, а мы розсудкомъ (судомъ) нашимъ такія дѣла будемъ судить и декретовать»[1].... Въ силу этого универсала Левенецъ вмѣстѣ съ сыномъ становился внѣ всякой зависимости отъ полковыхъ урядниковъ, т. е. пріобрѣталъ положеніе до того еще почти не извѣстное въ товариствѣ,» которое основано было на равноправности.

Но, какъ видно, полученныя универсаломъ 1685 г. привиллегіи не могли замѣнить для Левенца тѣхъ выгодъ, которыя представляли собою полковые уряды; Левенецъ не могъ отъ нихъ отказаться и въ 1687 г. мы встрѣчаемъ его полтавскимъ полковымъ обознымъ. Въ этомъ рангѣ онъ былъ съ полковникомъ своимъ Герцикомъ на Коломакѣ, гдѣ 25 іюля 1687 г. избранъ былъ на мѣсто Самойловича Мазепа. Левенецъ явился здѣсь однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Мазепы и, какъ видно, сторонничество Левенца Мазепа не мало цѣнилъ, потому что *черезъ два дня* послѣ своего избранія, тамъ-же на Коломакѣ, выдалъ ему слѣдующій универсалъ: «по волѣ всемогущаго Бога вступивши мы на урядъ гетманства и уважая заслуги п. Прокопа Левенца, обознаго полтавскаго, оказанныя имъ въ войскѣ вообще и при нашемъ на урядъ гетманства вступѣ въ особенности, нашли необходимымъ оказать ему ласку нашу, что исполняя на дѣлѣ, отдаемъ ему село Мильцы, каковою маетностью позволяемъ ему владѣть теперь и на будущее время, обѣщая твердость владѣнія за себя и за нашихъ преемниковъ»[2]. Вниманіе къ Левенцу было такъ велико, что не говоря уже о необычайной формѣ универсала (обязательства за своихъ преемниковъ), послѣ подписи гетмана, была сдѣлана еще приписка:» а тутъ же приказуемъ, абы станцій (квартиръ) войсковымъ людямъ

---

[1]) Универсалъ въ спискѣ XVIII в. въ нашей библіотекѣ. Въ этомъ универсалѣ находимъ первое объясненіе происхожденія „бунчуковыхъ товарищей", чинъ которыхъ совмѣщалъ съ собою ту главную привиллегію, что бунчуковыхъ товарищей могъ судить только самъ гетманъ.

[2]) Въ спискѣ XVIII в. въ нашей библіотекѣ. Универсалъ подписанъ 27 іюля 1687 г.

въ томъ селѣ никто не показувавъ» (не назначалъ). Такихъ привилегій въ другихъ универсалахъ того самаго Мазепы встрѣчать намъ не приходилось. Кромѣ этого, тамъ-же на Коломакѣ, сынъ Прокофія Левенца поставленъ былъ полтавскимъ сотникомъ.

Въ 1691 г. старый Левенецъ умеръ и тогда-же с. Мильцы Мазепа подтвердилъ сыну его Ивану, причемъ опять далъ необычную привилегію: «а тутъ-же докладаемъ и приказуемъ. жебы отдавши онъ, п. Иванъ Левенецъ. за тое свое село сто золотыхъ грошей—столповой раты, былъ въ арендѣ воленъ»[1]). И опять эта привилегія дана была въ видѣ приписки къ универсалу, послѣ гетманской подписи, значитъ—безъ участія канцеляріи, а по личному усмотрѣнію Мазепы.

Въ 1703 г. Иванъ Левенецъ былъ уже полтавскимъ полковникомъ. По универсалу 1704 г. Мазепа далъ ему с. Нижніе Млины, которое было уже разъ дано Прокофію Левенцу, но затѣмъ, должно быть, было отобрано. «Просилъ насъ п. Иванъ Левенецъ, полковникъ полтавскій, о наданье себѣ с. Нижнихъ Млиновъ; имѣя особливый нашъ респектъ на значныя заслуги въ войску Запорожскомъ не только отческія, но и его самого, п. Ивана Левенца, какъ прежде полковничества понесенныя, такъ и на самомъ томъ урядѣ, которыя онъ несъ безъ пощадѣнія своего здоровья, даемъ ему село Нижніе Млины».

Полковничій урядъ Иванъ Левенецъ сохранилъ до 1709 г. Въ измѣну Мазепину онъ былъ, кажется, въ числѣ тѣхъ, которые сами не знали, къ какой сторонѣ пристать. Сохранилось извѣстіе, что Левенецъ, узнавъ объ измѣнѣ Мазепы, хотѣлъ было захватить въ с. Жукахъ вдовъ Кочубея и Искры, чтобы отправить къ тому-же Мазепѣ[2]). Но затѣмъ уразумѣвъ, должно быть, шаткость Мазепинаго дѣла, Левенецъ сталъ оборонять Полтаву отъ шведовъ. Въ универсалѣ Скоропадскаго 13 іюля 1709 г. читаемъ: «извѣстно намъ гетману, что подъ часъ измѣны Мазепиной многіе полка полтавского войсковые и посполитые люди, прельщены будучи хит-

---

[1]) „Арендою“ назывался отпускъ на право продажи водки, табаку и дегтю. Левенецъ освобожденъ былъ отъ „аренды“ за единовременный взносъ ста золотыхъ.

[2]) Чтенія Моск. Общ. ист. и др. рос. 1859 г., т. I, стр. 153.

ростію Мазепы и на разныя отчизнѣ нашей вредительныя удавшися замѣшанія, стали противиться войсковымъ порядкамъ и не отдавали должнаго послушанія полковнику своему Ивану Левенцу. Не похваляя такого легкомыслія тѣхъ раскольщиковъ, приказываемъ полтавскимъ полчанамъ, оставивъ всѣ тѣ расколы, свирѣпства и розни, подчиниться издавна утвержденнымъ войсковымъ порядкамъ и во всемъ быть послушными своему полковнику п. Ивану Левенцу, ибо если и за симъ не оставите легкомыслія вашего, то объявляемъ, что всякій, кто-бы онъ ни былъ, ослушникъ нашей воли будетъ казненъ смертью» [1])...

Расколы, о которыхъ говоритъ Скоропадскій, произошли отъ того, что изъ Полтавы пошли за Мазепою всѣ вліятельные люди: родня Орлика—Герцики, полковой обозный Дорошъ Дмитровичъ съ сыномъ Леонтіемъ и полковой судья Иванъ Красноперичъ; всѣ эти лица оставили въ Полтавѣ родню и близкихъ, которые и волновали народъ. Левенцу трудно было справиться съ этими «расколами» и его «вѣрность» повидимому была заподозрѣна. При томъ-же Петру Великому хотѣлось наградить полтавскимъ полковничествомъ другаго полтавца—Ивана Черняка, который въ это время сослужилъ царю нелегкую службу: Черняка Петръ Великій посылалъ въ Крымъ по какому-то, относившемуся до Мазепиной измѣны, дѣлу; порученіе было исполнено, но на возвратномъ пути Чернякъ попался въ руки запорожцевъ и едва успѣлъ отъ нихъ уйти. За эту службу царь наградилъ Черняка полтавскимъ полковничествомъ, которое для этого было отнято у Левенца.

Лишившись полковничества и желая сохранить за собою исключительное положеніе, Левенецъ обратился къ Скоропадскому съ просьбою взять его «въ гетманскую оборону и протекцію», причемъ сослался на универсалъ Самойловича 1685 г. Просьба была удовлетворена универсаломъ 20 ноября 1711 г., въ которомъ читаемъ: «представилъ намъ п. Иванъ Левенецъ, значный товарищъ войсковой, универсалъ антецессора нашего славной памяти Ивана Самойловича, которымъ универсаломъ онъ, съ покойнымъ отцемъ своимъ, въ особливой гетманской состоялъ протекціи, и просилъ нашего на то подтвержденія, вслѣдствіе чего, въ виду заслугъ п.

[1]) Арх. полт. двор. депут. собр., дѣло о Левенцахъ.

Левенца, выдаемъ ему сей нашъ универсалъ, которымъ беремъ его въ нашу гетманскую оборону и протекцію, и онъ п. Левенецъ, оставаясь подъ нашею протекціею, походы военные не съ полкомъ своимъ будетъ отбывать, но при боку нашемъ, подъ бунчукомъ, и если кто за симъ отъ Левенца понесетъ какую обиду, то съ жалобою своею долженъ обращаться не въ полковой судъ, но къ намъ гетману и въ судъ генеральный».

Получивъ этотъ универсалъ, Левенецъ остался въ Полтавѣ и жилъ тамъ до 1724 г., внѣ всякаго общественнаго дѣла. Въ январѣ 1724 г. Румянцевъ, при объѣздѣ Малороссіи для повѣрки жалобъ Полуботка на Вельяминова, былъ въ Полтавѣ и встрѣтивъ здѣсь Левенца, нашелъ въ немъ человѣка очень подходящаго для назначенія въ число тѣхъ «правителей генеральной канцеляріи», которыми, по указанію Петра Великаго, долженъ былъ замѣнить генеральную старшину, рѣшавшуюся протестовать противъ учрежденія Малороссійской Коллегіи. Вернувшись изъ своего объѣзда въ Глуховъ, Румянцевъ «правителями» назначилъ: Ивана Левенца, глуховскаго сотника Ивана Мануйловича и бунчуковаго товарища Федора Потребича-Гречаная. Почти четыре года (съ февраля 1724 по октябрь 1727 г.) вѣдали эти правители дѣлами Малороссіи, но вѣдали изъ подъ-рукъ Вельяминова, безъ дозволенія котораго не смѣли дѣлать никакихъ распоряженій. По намѣренію Петра Великаго «правители» должны были послужить переходною мѣрою при уничтоженіи въ Малороссіи гетманства и замѣнѣ его русскою администраціею. Но по смерти Петра мысль объ уничтоженіи гетманства была оставлена и 1 октября 1727 г. гетманомъ былъ поставленъ Апостолъ. «Правители» остались не у дѣлъ; имъ не дали даже и второстепенныхъ урядовъ, кромѣ впрочемъ Мануйловича. Левенецъ возвратился въ Полтаву, успѣвъ только выхлопотать сотничій урядъ для сына. Послѣ смерти Ивана Левенца сынъ его получилъ богатое наслѣдство: у двухъ внуковъ этого сына было 1,200 крестьянъ, причемъ одинъ изъ нихъ, въ началѣ этого столѣтія, служилъ полтавскимъ маршаломъ, а губернское маршальство тогда необходимо должно было совмѣщать съ собою и богатство.

14. ЛѢСНИЦКІЕ.

1. *Григорій Сахновичъ Лѣсницкій*, полковникъ миргородскій. Жена *Елена*; второй ея мужъ—Степанъ Куницкій.
2. *Данило* . . . . . 1.
3. *Дмитрій*. . . . . 1.
4. *Иванъ* . . . . . 1.
5. *Григорій*, сотникъ миргородскій 1707. Жена *Марѳа Полуботковна* . . 2.
6. *Романъ*, значковый товарищъ 1709 . . . . . 2.
7. *Николай*, бунчуковый товарищъ 1759; сотникъ шишацкій 1769, а потомъ коллежскій ассесоръ. Жена *Меланія Ивановна* . . . . . 6.
8. *Григорій*, коллежскій ассесоръ. Жена *Елена Андреевна*. . . . . 6.
9. *Николай*, подполковникъ 1798 . . . . . 7.
10. *Владиміръ*, поручикъ 1798 . . . . . 7.
11. *Данило*, капитанъ 1798. . . . . 7.

Григорій Софоньевичъ Лѣсницкій извѣстенъ какъ горячій сторонникъ Выговскаго и польской партіи въ Малороссіи. Лѣсницкаго отличалъ уже отъ другихъ и Богданъ Хмельницкій, который, не будучи охотникомъ награждать маетностями службу своихъ сподвижниковъ, для Лѣсницкаго сдѣлалъ исключеніе: Хмельницкій далъ ему м. Шишакъ въ миргородскомъ полку, въ которомъ Лѣсницкій поставленъ былъ полковникомъ на мѣсто Матвѣя Гладкаго [1]). По смерти Хмельницкаго, Лѣсницкій думалъ было самъ стать гетманомъ. Современникъ разсказываетъ, что лѣтомъ 1657 г. «какъ ходило войско запорожское противъ татаръ и гетманъ Б. Хмельницкій, будучи боленъ, посылалъ наказнымъ гетманомъ въ свое мѣсто Грицка (Лѣсницкаго) и далъ ему бунчукъ и булаву; и какъ-де гетмана Хмельницкаго не стало, а ему Грицку про то вѣдомо учинилось и онъ де булавы и бунчука отдать не хотѣлъ; и Иванъ Выговскій посылалъ для того къ нему гетманова сына Юрія; и онъ де Грицко и Юрію булавы и бунчука отдать не хотѣлъ же и держалъ у себе недѣлю, и полковники, собрався, тое булаву и бунчукъ взяли у него вневолю и принесли къ Юрію Хмельницкому [2])». Въ это время Лѣсницкій былъ генеральнымъ судьею; но вслѣдъ за смертію Хмельницкаго поставленъ былъ отъ Выговскаго снова полковникомъ миргородскимъ. Не успѣвъ въ своей попыткѣ захватить булаву Хмельницкаго, Лѣс-

---

[1]) Акты юго-зап. Россіи, т. III, стр. 497 и 558.
[2]) Ibid., т. IV, стр. 56.

ницкій сталъ на сторону Выговскаго, съ которымъ и задумалъ установить надъ Малороссіей польскій патронатъ. Съ этою цѣлью онъ сталъ изъ подъ руки возбуждать народъ противъ русскаго правительства [1]), не разрывая сразу отношеній съ послѣднимъ, пока противъ Выговскаго стоялъ сторонникъ русской партіи—Пушкарь. Вліяніе послѣдняго было на столько велико въ южныхъ полкахъ, что и миргородцы, увидѣвъ, куда тянетъ Лѣсницкій, «скинули» его съ полковничества, выбравъ на его мѣсто Степана Довгаля, единомысленника съ Пушкаремъ [2]). Тогда Выговскій послалъ Лѣсницкаго въ Москву—просить помощи противъ Пушкаря. Лѣсницкій успѣшно исполнилъ свое порученіе: помощь Пушкарю не была послана и онъ погибъ. Послѣ смерти Пушкаря Выговскій сталъ открыто на сторону Польши, а съ нимъ вмѣстѣ и Лѣсницкій. Участь Выговскаго извѣстна: въ 1664 г. онъ былъ разстрѣлянъ Маховскимъ; тогда же разстрѣлянъ былъ поляками и Лѣсницкій [3]).

Григорій оставилъ послѣ себя вдову Елену и трехъ сыновей: Данила, Дмитрія и Ивана. Вдова вышла вторично замужъ за какого-то Степана Куницкаго, служившаго у Дорошенка. Въ 1672 г. Куницкій пріѣзжалъ въ миргородскій полкъ отыскивать свою жену, которую и забралъ на правый берегъ Днѣпра, вмѣстѣ съ пасынкомъ Даниломъ [4]). Послѣдній, повидимому, чрезъ отчима тоже былъ близкимъ человѣкомъ Дорошенку. Затѣмъ Данило Лѣсницкій возвратился въ миргородскій полкъ и умѣлъ такъ устроить свои дѣла, что при Самойловичѣ ему было возвращено отцовское мѣстечко Шишакъ и кромѣ того даны еще два села—Матяшовка и Милюшки. Данило Лѣсницкій былъ настолько замѣтнымъ человѣкомъ въ «Войскѣ», что Мазепа подтвердилъ ему право на владѣніе Матяшовкою и Милюшками, вслѣдъ за своимъ избраніемъ, 17 августа 1687 г., а въ 1689 г. возвратилъ и Шишакъ, «яко особѣ у войску запорожскомъ заслужоной». Младшіе братья Данила Лѣсницкаго остались неизвѣстными; о нихъ находимъ одно упоминаніе въ актѣ 1693 г.: «я, Елена Григоріевая Лѣсницкая перваго малженства, а

---

[1]) Ibid., т. IV, стр. 33, 34, 39, 68 и 71.
[2]) Ibid., т. IV, стр. 106, 109.
[3]) Ibid., т. V, стр. 204.
[4]) Ibid., т. IX, стр. 887.

втораго—Стефановая Куницкая, съ притомностью потомковъ моихъ милыхъ Даніеля, Дмитрія и Ивана Лѣсницкихъ, яко сукцессоровъ добръ позосталихъ по небожчику малжонку моемъ Григорію Лѣсницкому, отцу ихъ, чиню вѣдомо писанемъ моимъ, ижъ ихъ милости отцеве монастыря мгарскаго, за позволеніемъ небожчика Григорія Лѣсницкого, въ диспозиціи своей держатъ лѣсъ, прозываемый Товстый». Поэтому акту вдова Лѣсницкаго, «порадавшись» (посовѣтовавшись) съ сыновьями своими, половину лѣса отдала Мгарскому монастырю «въ вѣчность». Въ 1695 г. Данило Лѣсницкій умеръ и Мазепа утвердилъ за его вдовою и дѣтьми Шишакъ и Матяшовку, но уже безъ Милюшекъ. Послѣ Данила остались два сына, изъ которыхъ старшій былъ женатъ на Полуботковнѣ (должно быть дочери Леонтія Полуботка). По универсалу 1709 г. Скоропадскій утвердилъ за Григоріемъ и Романомъ Лѣсницкими Шишакъ и Матяшовку. Этимъ же универсаломъ утверждены были за Лѣсницкими и отцовскія ихъ мельницы на р. Ислѣ но спустя нѣкоторое время миргородскій полковой судья Зарудный одну изъ этихъ мельницъ выпросилъ у гетмана себѣ, увѣривши послѣдняго, что это мельница свободная. Романъ Лѣсницкій пожаловался Скоропадскому, который, увидя свою ошибку, писалъ миргородскому полковнику (Апостолу): «Мой велце ласкавій пріятелю и брате, м. пане полковнику миргородскій. Отдавца листа сего п. Романъ Лѣсницкій, товаришъ полку вашей мости, прекладалъ намъ чрезъ суплѣку свою, что п. Зарудній, судя полковій вм. м. пана, купивши часть мелницкую въ млинѣ, на рѣцѣ Ислѣ стоячомъ, не допускаетъ ему войсковой мѣрочки отбирати, на що онъ п. Лѣсницкій монаршую царского величества грамоту и нашъ мѣетъ универсалъ. Мы прето любо вѣдаемъ, же и п. Зарудній годенъ того респекту, однакъ поневажъ п. Лѣсницкому, по милости монаршой, на отбиране зъ того млина части войсковой дано грамоту и нашимъ ствержено универсаломъ, теди того нарушати трудно; зачимъ прикажи, вм. м. панъ, ему п. Зарудному, жеби онъ мелницкую тилко часть, якую купилъ, зъ того млина отбиралъ, а до войсковой жадною мѣрою (никоимъ образомъ) не интересовался и найменшой бы въ отбираню оной не чинилъ перешкоды. Жадаемъ и зичимъ вм. м. пану доброго отъ Господа Бога здоровя. Зъ Глухова, февр. 9, року 1713». Къ этому письму Скоропадскій сдѣлалъ слѣдующую, болѣе

откровенную приписку: «любо (хотя) выдалисмо были п. Зарудному нашъ унѣверсалъ на часть войсковую, гдѣ онъ и мелницкую себѣ прикупилъ, однакъ мы тое учинили зъ невѣдома, бо онъ п. Зарудній въ томъ насъ подийшолъ (обманулъ), же якобы тая часть не п. Лѣсницкому, але иншому комусь надлежала; а поневажъ теперъ п. Лѣсницкій намъ предложилъ, же онъ, укинувшися въ часть мелницкую, и войсковой забороняетъ по тому нашомъ унѣверсалу, теди жадаемъ вмти, абы приказалъ ему п. Зарудному, жебы онъ жадной п. Лѣсницкому въ отбираню тоей войсковой части не чинилъ перешкоды». Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, хорошо рисуется безсиліе Скоропадскаго, уже при самомъ началѣ его гетманства: и въ это время полковникъ въ своемъ полку гораздо больше значилъ, чѣмъ гетманъ.

А. Лазаревскій.

МАЛОРУССКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА.

Увлекательной стороной западно-европейской, въ частности германской жизни представляется блестящее развитіе наукъ историческихъ и филологическихъ. Изученіе языка, литературы, исторіи, бытовой и политической, сдѣлало столь обширные успѣхи, что нѣтъ такой области германистики, гдѣ нельзя-бы насчитать десятка спеціальныхъ монографій. Серьезное научное изученіе личныхъ и мѣстныхъ собственныхъ именъ начато было въ Германіи въ концѣ 50-хъ годовъ. Классическое сочиненіе въ этомъ направленіи, Altdeutsches Namenbuch Фёрстемана, вышло въ 1859 г. Затѣмъ полился цѣлый дождь спеціальныхъ изслѣдованій по части Ortsnamen, Familiennamen, Personennamen, Flusnamen, въ Германіи вообще, въ той или другой ея области въ частности.

Въ шестидесятыхъ годахъ Миклошичъ въ «Памятникахъ вѣнской академіи наукъ» помѣстилъ два довольно обширныхъ изслѣдованія объ образованіи славянскихъ мѣстныхъ собственныхъ именъ. Онъ собралъ огромное количество мѣстныхъ славянскихъ названій и распредѣлилъ ихъ по 789 темамъ, въ алфавитномъ порядкѣ. Въ предисловіи къ «Die slavischen Ortsnamen aus Appellativen», Миклошичъ замѣчаетъ, что, согласно съ количествомъ источниковъ и пособій, онъ приводитъ болѣе западно-славянскихъ мѣстныхъ названій, чѣмъ болгарскихъ и русскихъ. Миклошичъ указалъ методъ научнаго изслѣдованія собственныхъ именъ и намѣтилъ пути для дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи. Масса матеріала осталась не затронутой. Съ теченіемъ времени возникла потребность подвергнуть научному изслѣдованію личныя и мѣстныя собственныя имена каждаго славянскаго народа и опредѣлить мѣстныя краевыя особенности

въ созданіи, сохраненіи и развитіи мѣстныхъ преданій, въ связи съ исторіей края. Въ разныхъ славянскихъ странахъ появились спеціальныя изслѣдованія о мѣстной географической терминологіи. Такъ о чешскихъ собственныхъ именахъ писали Гулаковскій и Брандль, о польскихъ Карловичъ, о сербо-лужицкихъ Бронишъ. Русская наука относительно изученія географической терминологіи сильно отстала отъ науки западно-европейской. Различая въ изученіи собственныхъ именъ двѣ стороны, историко-археологическую и филологическую, нужно сказать, что историческая наша географія довольно давно обратила на себя вниманіе людей науки, и въ этой области писали въ старинное время Надеждинъ и Срезневскій, въ новое время Барсовъ и Андріевскій о лѣтописной топографіи и Замысловскій (въ диссертаціи о Герберштейнѣ) о географическихъ свѣдѣніяхъ о Россіи Герберштейна. Что-же касается до филологическаго изученія русской вообще, въ частности южно-русской географической терминологіи, то область эта совершенно темная, неразработанная и можно сказать, что изученіе географической терминологіи съ филологической точки зрѣнія стоитъ теперь на очереди и представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что безъ филологическаго изученія географической номенклатуры и связанныхъ съ нею народныхъ преданій историко-бытовое и археологическое ея объясненіе не можетъ быть достаточно вѣрнымъ.

Матеріалъ малорусской географической терминологіи находится въ разныхъ историческихъ и статистическихъ изслѣдованіяхъ и сборникахъ, преимущественно въ концѣ ихъ, въ указателяхъ или словаряхъ мѣстныхъ названій. Болѣе всего матеріала даютъ «Списки населенныхъ мѣстъ Россіи» и «Городскія поселенія россійской имперіи». Затѣмъ слѣдуютъ I т. «Галицкихъ пѣсенъ» Головацкаго и VII т. «Трудовъ» Чубинскаго, гдѣ приведены наименованія многихъ селъ Галиціи и юго-западнаго края, и «Книга Большаго Чертежа начала XVII ст.», гдѣ находится много названій рѣкъ. Послѣдній источникъ въ историко-географическомъ отношеніи представляется очень цѣннымъ. Въ филологическомъ отношеніи также памятникъ этотъ представляется важнымъ; но при этомъ нужно замѣтить, что нѣкоторыя наименованія южно-русскихъ селъ и рѣкъ передѣланы на московскій ладъ, напр., Алмазовъ, малор. Глемязовъ, въ древности, вѣроятно, Емесовъ. Недостатокъ всѣхъ этихъ пособій

состоитъ въ ихъ односторонности; наименованы села, города и рѣки, недостаетъ названій лѣсовъ, овраговъ, урочищъ; относящіяся къ селамъ преданія пройдены молчаніемъ. Мы имѣемъ въ рукахъ одни голыя названія, не сопровождаемыя комментаріями о причинѣ и времени ихъ возникновенія. Даже краткія, самыя краткія замѣтки, со словъ крестьянъ, о причинѣ названія селъ служили-бы пособіемъ для изслѣдователя. Въ такомъ случаѣ въ значительной степени устранилось-бы то препятствіе въ толкованіи собственныхъ именъ, которое нѣмецкій ученый Андрезенъ обозначилъ терминомъ конкуренціи объясненій. Напримѣръ, названіе села Злодіевки харьковской губерніи можетъ породить различныя объясненія: или первый его основатель имѣлъ прозвище «злодій», или оно первоначально было заселено людьми преступными, разбойниками, или оно было основано выходцами изъ-за днѣпровскаго села Злодіевки (недалеко отъ Триполья). Чтобы не заблудиться въ объяснительныхъ конкуренціяхъ приходится наводить историческія справки, когда и кѣмъ село основано, справки этнографическія, каковъ нынѣ составъ его населенія по языку и обычаямъ и наконецъ справки топографическія, въ какой мѣстности находится село и какими жилыми мѣстами оно окружено. Послѣдняго рода справки также иногда даютъ хорошіе результаты. Такъ, большое село харьковскаго уѣзда Ольшана получило названіе не отъ ольховаго лѣса, какъ можно думать, а вѣроятнѣе отъ Ольшанки близь м. Богуслава, нынѣшней кіевской губерніи, такъ какъ всѣ названія мѣстностей Ольшаной тѣ-же, что встрѣчаются въ Ольшанкѣ Богуславской [1]). Село Перекопъ харьковской губерніи лежитъ на старинномъ Муравскомъ шляху. Этою дорогою татаре обыкновенно врывались въ Россію. Въ защиту отъ нихъ устроенъ былъ широкій и глубокій ровъ съ валомъ, или перекопъ, отчего произошло и названіе вблизи лежащаго села Перекопомъ [2]). Село Огульцы харьковской губерніи въ старинныхъ актахъ называется Угольцами, и это названіе прилично мѣстности, такъ какъ она расположена въ углу, образуемомъ здѣсь возвышенностью Курскою [3]).

---

[1]) *Архіеп. Филаретъ*, Ист. ст. опис. харьк. еп., т. II, стр. 112.

[2]) Тамъ-же, стр. 267.

[3]) Тамъ-же, стр. 297.

Знаніе малорусскаго языка представляется необходимымъ при попыткѣ научнаго объясненія малорусской географической номенклатуры и тѣ лица, которыя брали на себя этотъ трудъ, безъ знанія языка, дѣлали большіе промахи и ошибки. Такъ, покойный профессоръ Аристовъ въ названіи одной улицы г. Харькова Коцарской усмотрѣлъ археологическій памятникъ кочевавшихъ нѣкогда на юго-востокѣ Россіи хазаръ [1]), и эта ошибка, при обширныхъ знаніяхъ и полной научной добросовѣстности Аристова, была результатомъ того, что переѣхавшему въ южную Россію изъ Казани Аристову былъ неизвѣстенъ малорусскій кустарный коцарскій промыслъ. Коцарская улица названа такъ потому, что здѣсь жили коцарки, женщины, изготовлявшія для продажи ковры, «коци». Еще большій промахъ сдѣлалъ польскій ученый Ступницкій. Названіе галицко-русскаго Покутья онъ произвелъ отъ польскаго слова pokutować, раскаеваться, сожалѣть, причемъ говоритъ, что римляне, поселившись въ предѣлахъ нынѣшней Румыніи и коломыйскаго округа въ Галиціи, «więc pokutowali w tym kraju». Указавъ на эту ошибку, Миклошичъ основательно замѣтилъ, что названіе Покутья происходитъ отъ часто встрѣчающагося малорусскаго слова кутъ, уголъ [2]). Достаточно взглянуть на карту Галиціи, чтобы понять угловое значеніе Покутья, гористой области на границѣ Галиціи и Буковины, между Днѣстромъ на западѣ и Карпатами на востокѣ.

Малорусская географическая номенклатура развилась на почвѣ географической номенклатуры до-монгольскаго періода русской исторіи. Въ лѣтописяхъ находится много указаній на русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв., не говоря уже о русскомъ населеніи по среднему Днѣпру и Днѣстру. Главнымъ поприщемъ историческаго развитія русскаго народа въ до-монгольское время были княжества кіевское, волынское, галицкое и черниго-сѣверское. Въ этихъ областяхъ русское населеніе было густо и потому названія жилыхъ мѣстностей были большею частью русскаго происхожденія. Всматриваясь въ названія мѣстностей юга Россіи, оставшіяся отъ далекихъ вѣковъ, мы видимъ, что южная Россія, сколько ни была она отчуждена отъ средней Россіи и Руси

---

[1]) *Аристовъ*, О половецкой землѣ, стр. 19.

[2]) *Miklosich*, Die slav. Ortsnamen aüs Appellativen., I, 5.

кіевской кочевниками, была знакома русскимъ, болѣе того, мы видимъ въ степной Руси слѣды древнихъ русскихъ поселеній, сохранившіеся въ славянскихъ названіяхъ рѣкъ На югъ за Каневомъ, который былъ еще въ XI вѣкѣ пограничнымъ городомъ Руси на Днѣпрѣ, по лѣвой сторонѣ его, «ратной», какъ выразился древній лѣтописецъ, въ него впадаютъ: Супой, Золотоноша, Кропивна, Сула съ притоками Выремъ, Ромномъ, Лохвицей и Оржицей, Пселъ съ притоками Ольшаной, Грунями, Хоромомъ и Голтвой, Ворскла съ Мерломъ и Коломакомъ, Орель съ Углемъ и Берестовою, Самара съ Овечьей водою, Конская вода. На востокъ отъ Соляной или Муравской дороги въ Азовское море впадаютъ Молочная и Калецъ. На югъ отъ Бѣлгорода въ Донецъ впадаютъ Уды съ Лопанью, Мжа, Сальница, Осколъ съ Валуемъ, Красная, Боромля, Ольховата, Лугань, Калитва [1]). За исключеніемъ двухъ, трехъ названій (Сула, Самара, Осколъ, Уды) сомнительнаго славянскаго происхожденія, всѣ остальныя, здѣсь упомянутыя, встрѣчающіяся на первыхъ страницахъ древней лѣтописи, представляются названіями русскими и впослѣдствіи вошли въ малорусскую номенклатуру, какъ названія свои, родныя.

Украинская географическая номенклатура обширна и разнообразна. Въ сознаніи народа собственнымя именами закрѣплены даже мелкія урочища, пригорки, ручейки, овраги. Въ крестьянскомъ бытѣ почти каждый пригорокъ, каждый ручей имѣетъ важное значеніе межеваго знака или пограничной черты при распредѣленіи поля на души и потому всегда удостоивается особаго названія, въ крайнемъ случаѣ названія «Безыменный». Въ старинное время граница проводилась по рѣкамъ, по балкамъ, отъ кургана къ кургану. Въ описаніи границъ одной части Запорожья въ 1764 г., составленномъ войсковымъ старшиною Андреемъ Порохнею съ избранными стариками по изустнымъ показаніямъ и урочищамъ, мы встрѣчаемъ живую картину степнаго быта и, какъ характерную его черту, важное значеніе географической номенклатуры и связанныхъ съ нею историческихъ преданій: «отъ устья рѣчки Орели», сказано

[1]) *Срезневскій*, въ Извѣст. акад. наукъ, 1860 г., т. VII, стр. 316.

въ этомъ актѣ, «Лысой горки по комисареву Шуялковского могилу, которая потому называется Шуялковского, что на оной комисара Шуялковского запорожскими козаками, въ то время, когда ляховъ запорожцы зъ Самары гнали, убито (1635 г.); отъ Рясскихъ могилокъ по Громовую могилу, а нынѣ называемую Майданецъ, которая по той причинѣ Громовою называется, что козака на оной громъ убилъ съ конемъ. Отъ той-же могилы до могилокъ «Три Браты» прозываемыхъ, которыя потому называются «Три Браты», что при оныхъ давними временами три брата отъ нападенія татарскаго отбивались, зъ коихъ одного убито, а двухъ живцемъ взято.... отъ Хрящоватой могилы до Дунаевского Байрака (лощина съ мелкимъ лѣсомъ) въ урочищѣ Березѣ, въ которомъ урочищѣ въ байраку сидѣлъ зимовникомъ козакъ Левушковского куреня Сидоръ Дунай, давними временами, и тамо его набѣгши орда погубила, а потому называется Дунаевъ Байракъ... Между Быкомъ и Добровками могила розроблена (т. е. раскопана). Отъ тѣхъ-же урочищъ на вершинѣ Гришиной балки могила розроблена и тамо козакъ куреня донского Гриша давними временами татарами пострѣлянъ, потому и балка называется Гришиной» и т. д. [1]). Въ историко-литературномъ отношеніи любопытно древнее преданіе о трехъ братьяхъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ татарами, а двое взяты въ плѣнъ. Можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ передѣлкой древней думы о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ турецкой неволи и смерти одного изъ нихъ на высокой Саврѣ могилѣ. Правда, въ думѣ два старшіе брата уходятъ на коняхъ и бросаютъ на дорогѣ меньшаго брата, пѣшаго; они благополучно достигаютъ роднаго края, а меньшой братъ погибъ на дорогѣ отъ голода и жажды [2]). Но дума о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова сложена задолго до 1764 г. и въ Запорожьѣ могли быть особые ея варіанты и связанныя съ нею историческія преданія, съ измѣненіемъ главныхъ мотивовъ и съ мѣстными пріуроченіями.

Подобнаго рода означеніе границъ по урочищамъ, курганамъ, балкамъ и въ настоящее время встрѣчается повсемѣстно въ Малороссіи; напримѣръ, въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ харьковской гу-

---

[1]) *Скальковскій*, Исторія Новой Сѣчи, изд. 3, т. I, стр. 104.

[2]) *Антоновичъ и Драгомановъ*, Историч. пѣсни, т. I, стр. 106.

берніи мы встрѣчаемъ крайне дробныя топографическія обозначенія. Такъ въ одной мѣстности ахтырскаго уѣзда, при черезполосности владѣнія землевладѣльцевъ и крестьянъ, на небольшомъ полѣ сосредоточены земельныя владѣнія многихъ лицъ, отъ 1 до 5 десят. величины, въ перемежку съ полосками крестьянской земли—надѣльной и частной крѣпостной. Крестьяне опредѣляютъ, и землемѣръ наноситъ на планъ земли по урочищамъ Воликовыхъ могилокъ, которыя однако такъ распаханы и смыты дождями, что еле-еле замѣтны надъ землей, по едва замѣтной Росоховатой лощинѣ, по ярочку Тернашъ, въ которомъ нѣкогда дѣйствительно росло нѣсколько терновыхъ кустовъ, а теперь они до одного выкопаны и т. д. Такого рода урочища, какъ Воликовы могилки, должны скоро совсѣмъ исчезнуть подъ плугомъ, и одновременно съ ними исчезнетъ связанное съ ними преданіе о шведахъ, будто бы похороненныхъ въ этихъ курганахъ.

Степень устойчивости мѣстныхъ собственныхъ именъ весьма различна, по роду и свойству мѣстности. Долговѣчность имени зависитъ отъ величины предмета. Названія большихъ рѣкъ и городовъ сохраняются нерушимо въ теченіи столѣтій и даже тысячелѣтій. Днипро старый, Днѣпръ Славутичъ сохранилъ свое имя въ теченіи двадцати вѣковъ. Названія мелкихъ селеній, ручьевъ, улицъ измѣняются иногда довольно быстро, напримѣръ, дважды въ столѣтіе. Такъ, мѣстечко Мизяковъ подольской губерніи въ прошломъ столѣтіи называлось Колумновъ, мѣстечко Подолье подольской губерніи въ прошломъ столѣтіи называлось Буцнёвцами, а въ XVI столѣтіи Мартыновцами, мѣстечко Шаргородъ подольской губерніи въ XVI столѣтіи называлось Корчмаровымъ, въ XV столѣтіи Карачовымъ, а въ XIV, м. б., Княжей Лукой [1]), г. Никополь екатеринославской губерніи въ старину назывался Никитинымъ Перевозомъ, Никитинымъ Рогомъ. Въ одномъ селѣ ахтырскаго уѣзда лѣтъ десять назадъ была улица Голая; теперь она называется Красный Кутъ, потому что застроилась и заросла садами.

Множество малорусскихъ селъ по названію сходно съ селами въ другихъ славянскихъ земляхъ. По замѣчанію Я. Ѳ. Головацкаго,

---

[1]) *Городск. поселенія*, т. IV, стр. 101, 110, 114 и 126.

сопоставленіе славянскихъ географическихъ названій весьма поучительно. Несмотря на долговѣчное разъединеніе славянъ и отчужденіе ихъ другъ отъ друга, отличительная черта славянскаго единства проявляется въ тождественности наименованій странъ, горъ, рѣкъ, городовъ, селеній и пр. въ различныхъ земляхъ славянщины. Внимательный читатель славянскихъ картъ и географическихъ сочиненій пораженъ будетъ часто встрѣчающимися точь въ точь тѣмиже названіями мѣстностей, горъ и рѣкъ въ разныхъ, на большомъ разстояніи находящихся, земляхъ. Цѣлые десятки названій городовъ, селъ, рѣкъ и горъ, лежащихъ на сѣверѣ Карпатъ и въ Галичинѣ, повторяются въ Чехіи и даже за Дунаемъ, въ Сербіи, Хорватіи, Далмаціи и Черногоріи»[1]). Чтобы наглядно убѣдиться въ большомъ сходствѣ мѣстныхъ названій славянскихъ народовъ, достаточно заглянуть во второй томъ «Die slavischen Ortsnamen aus Appellativen» Миклошича. Здѣсь на 789 темъ приведено множество сходныхъ мѣстныхъ названій русскихъ, польскихъ, чешскихъ, хорватскихъ, сербскихъ, болгарскихъ.

Окончанія мѣстныхъ названій разнообразны и въ большинствѣ тождественны съ окончаніями личныхъ и фамильныхъ прозваній. Здѣсь перечислимъ слѣдующія:

а, я: Вила, Яворя.
е ѣе: Волосате, Рябе, Кунье, Загорье.
ный, ная, нее: Ольшаный, Закотная, Хатнее.
на, ня, но: Вильшна, Локня, Малижино.
ыя: Коломыя, Поломыя.
ба: Ворожба, Журба.
ва (ьва): Котельва, Варва, Жолква, Иква (рѣка).
га (ьга): Тетлега, Кабурьга.
ха (аха, иха, уха): Ницаха, Сениха, Гречиха, Медуха.
акъ, якъ: Коломакъ, Дубнякъ, Березнякъ.
икъ, екъ: Должикъ, Бобрикъ, Смерекъ.
окъ: Кочетокъ, Ясенокъ, Берестокъ.
нько: Поруденько, Кривенко.
ське: Славське, Боське, Перегиньско.

---

[1]) *Головацкій*, Геогр. Словарь, т. XX.

ка: Бабка, Буковинка, Писаревка.
ки: Борки, Валки, Ростоки.
ма: Гольма, Больма.
ла: Смѣла, Тузла.
ля: Боромля, Хотомля, Радомля.
оль, овль: Хороль, Теребовль.
ань: Лопань, Рогань, Лугань.
инъ: Люботинъ, Песочинъ, Лебединъ.
ны: Тростяны, Биляны, Долины.
овъ, евъ, ово, ево: Салтовъ, Зміевъ, Бочково, Добрышево.
ище: Городище, Ставище, Кутище.
ець: Липовець, Крывець, Смерековець.
ьце: Сельце, Колоденьце.
ица: Волица, Коровица, Быстрица.
ай: Каврай, Несвѣтай, Бакай.
ачъ: Россохачъ, Лошачъ, Бульбачъ.
ичъ: Коротичъ, Модричъ.
ча: Команча, Теребча.
ра: Хухра, Мотора, Тятра.
аръ, арь: Погаръ, Мгарь.
ша, ща: Гомольша, Конюша, Лутища.
та: Голта, Гопта.
ата: Мохната, Лисковата.
ы: Сумы, Торы, Куты, Уды, Виры, и послѣ шипящихъ на *и:* Мохначи, Деркачи.

Нѣкоторые суфиксы рѣдко встрѣчаются въ мѣстныхъ названіяхъ, напримѣръ *ай*. Окончанія на *ко* (ьско, нько) встрѣчаются почти исключительно въ Галиціи. Въ Малороссіи вмѣсто него обычны окончанія *ка* или *ки*. Найболѣе распространены въ Малороссіи мѣстныя названія съ окончаніями на *ы* или *и*, что объясняется особенной наклонностью мѣстныхъ названій къ множественному числу и проистекающимъ отсюда подавляющимъ преобладаніемъ формъ множественнаго числа надъ формами единственнаго числа. Согласная *в*, находясь передъ окончаніемъ *ля*, иногда измѣняется въ *м*; по крайней мѣрѣ, переходъ *в* въ *м* замѣтенъ въ харьковской губерніи, напримѣръ, въ названіяхъ: Боромля, Радомля. Большое и торговое село харьковской губерніи Боромля въ документахъ про-

шлаго столѣтія называется еще Боровлей отъ бора, который здѣсь нѣкогда росъ. Нельзя сказать, чтобы это фонетическое измѣненіе было явленіемъ новымъ. Такъ, протекающая въ харьковской губерніи небольшая рѣка Хотомля, давшая названіе с. Хотомлѣ, встрѣчается съ этимъ названіемъ еще въ Книгѣ Большаго Чертежа начала XVII ст. «...Хотомль впала въ Донецъ, а отъ рѣчки Хотомли» [1])... Въ лѣтописяхъ и въ Книгѣ Большаго Чертежа упоминается г. Радомысль, нынѣ м. Радомля могилевской губерніи, м. б. сюда относится названіе польскаго г. Радомъ. Если допустить во всѣхъ этихъ случаяхъ переходъ *в* въ *м*, а въ польскомъ *Радомъ* отвердѣніе слова, съ пропускомъ *л*, то переходъ этотъ имѣлъ мѣсто еще въ глубокой древности.

Мѣстныя собственныя имена подвергаются фонетическимъ измѣненіямъ, согласно съ особенностями мѣстнаго нарѣчія или говора. Такъ, въ Бессарабіи есть Садкоуцы, Раманкоуцы, въ люблинской губерніи Добромиржи, Гроделькы, въ Галиціи Прелуки, Барвѣнокъ. Измѣненія вообще незначительны: употребленіе подъ польскимъ вліяніемъ неполногласной формы, замѣна *в* посредствомъ *у*, *и* посредствомъ *е* и т. п. Иногда впрочемъ измѣненіе одной гласной буквы, дже случайное, затемняетъ смыслъ слова. Такъ, въ харьковской губерніи находится село Закотная, на правой сторонѣ р. Айдара. Значеніе словъ: *угловая*, *закутная*, забыто и названіе села немного измѣнилось послѣ того, какъ измѣнилось его положеніе. Первоначально оно основалось между р. Айдаромъ и озеромъ закотнымъ (закутнымъ).

Съ теченіемъ времени мѣстныя собственныя имена измѣняются относительно окончанія. Такъ, р. Лопина въ Книгѣ Большаго Чертежа нынѣ называется Лопань, рѣка и село полтавской губерніи Буромка въ древности носили названіе Буромль, с. Лукомье полтавской губерніи въ древней лѣтописи называется Лукомля.

Вообще окончанія мѣстныхъ собственныхъ именъ находятся во взаимномъ тяготѣніи и встрѣчаются часто въ приложеніи къ одному и тому-же имени въ разныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ: Должикъ въ харьковской губерніи, Должокъ въ Бессарабіи и Должки

[1]) *Книга Б. Чертежа*, изд. Спасскаго, стр. 23, 30.

въ Галиціи; Котельва въ харьковской губерніи, Котельна въ Бессарабіи, Котели въ херсонской губерніи и Котлово въ кіевской и екатеринославской губерніяхъ; Иневье въ Галиціи и Иневно въ люблинской губерніи, Липовецъ въ люблинской губерніи, Липняки въ кіевской губерніи, Липняжка въ херсонской губерніи и Липцы въ харьковской губерніи, Лубянка въ херсонской губерніи, Лубне въ Галиціи и Лубны въ полтавской губерніи; Дубина въ полтавской губерніи, Дубне въ Галиціи и Дубно въ волынской губерніи; Смеречне, Смеречка и Смероковецъ въ Галиціи; Коломыя въ Галиціи и Коломакъ въ харьковской губерніи (въ средней Россіи Коломна). Подобное распредѣленіе суфиксовъ при темѣ имени существительнаго въ мѣстныхъ названіяхъ встрѣчается во всемъ славянствѣ. Миклошичъ въ «Die slav. Ortsnamen aus Appellativen» насчиталъ 115 славянскихъ мѣстныхъ названій отъ слова *липа*, 130 отъ сл. *дубъ*, 31 отъ сл. *смерека*, при чемъ встрѣчаются тождественныя съ малорусскими по темѣ и суфиксу.

Часто встрѣчаются сложныя мѣстныя названія, состоящія или 1) изъ предлога и имени существительнаго: Загребелье, Нагоряны, Нидгайцы, или 2) изъ имени прилагательнаго и имени существительнаго: Краснокутскъ, Ясногородка, Тихополье, или 3) изъ соединенія имени числительнаго съ именемъ существительнымъ: Пятихатки, Сорокопановка, Триполье, или 4) изъ соединенія двухъ именъ существительныхъ: Павлодаръ, Мареополье, Райгородъ.

Въ составъ сложныхъ мѣстныхъ именъ обыкновенно входятъ слова:

1) *Поле* или *полє*: Павлополье, Злотополье, Бѣлополье, Краснополье, Триполье, Мирополье, Великополе, Райполе. Эти и подобныя названія встрѣчаются во всѣхъ южно-русскихъ губерніяхъ и въ Галиціи. Названіе уѣзднаго города подольской губерніи Ямполь, вѣроятно, представляетъ измѣненіе Янполя или Янополья. Въ херсонской губерніи находимъ село Янополь.

2) *Кутъ*: Золотой Кутъ, Любикутъ, Красный Кутъ, Веселый Кутъ, Гавриловъ Кутъ, Свинячій Кутъ. Слово *кутъ* означаетъ уголъ, край села. Отдѣльно встрѣчается въ обозначеніи селъ въ единственномъ и преимущественно во множественномъ числахъ: Куты въ Галиціи, откуда Покутье. Въ галицко-русской пѣснѣ поется: «Ой славная Коломыя, ще славнійши Куты».

3) *Миръ* или *міръ*: Миргородъ полтавской губерніи, Добромиръ въ любл. и радом. губ., Буймери въ харьк. губ., Немировъ подол. губ. Народное преданіе утверждаетъ, будто на мѣстѣ с. Немирова стоялъ нѣкогда Міровъ, разоренный потомъ татарами въ первое появленіе ихъ въ этомъ краѣ, а позднѣе близъ истребленнаго города возникло новое поселеніе, которое уже называли Немировъ [1]); но преданіе это лишено исторической истины.

4) *Радо*: Радомысль кіев. губ., Радогощь, Радомля или Радощь въ черниг. губ., по Книгѣ Большаго Чертежа [2]).

5) *Гость*: Доброгость, Радогость, Гостомля въ кіев. губ. Сложныя слова этаго разряда малочисленны. Въ нихъ сохранилось воспоминаніе о древней торговлѣ, о древнемъ купцѣ, гостѣ.

6) *Кара*, татарскаго происхожденія, въ началѣ мѣстныхъ именъ и фамильныхъ прозваній: Карачагъ, Карасу, Караголь, Карачунъ, Карабашъ. Слово *кара* означаетъ въ турецко-татарскомъ языкѣ черный. Сюда относятся фамильныя названія: Карагеоргіевичъ, Карамзинъ, Каратыгинъ.

7) *Лыкъ*, татарскаго происхожденія, въ концѣ мѣстныхъ названій: Чертомлыкъ, Тагамлыкъ, Каганлыкъ, Сазанлыкъ, Кагарлыкъ, Чачанлыкъ.

8) *Клея* или *глея*, татарскаго происхожденія: Балаклея, Громоклея, Суклея, Чичиклея въ херс. губ., Ирклея въ кіевск. губ., Самоклея въ любл. губ., Дереклея (срав. турец. названія Буюкъдере, вблизи Константинополя и Ѳаки-дере, вблизи Бургаса). Сложныя мѣстныя названія съ *клея* или *глея* (Калаглея) въ концѣ встрѣчаются преимущественно въ степныхъ мѣстахъ.

Въ словообразованіи мѣстныхъ именъ важную роль играютъ простонародныя формы личныхъ именъ. Значительное число мѣстныхъ собственныхъ именъ произведено отъ обиходныхъ въ простомъ народѣ личныхъ именъ. Въ Малороссіи встрѣчаются слѣдующія простонародныя формы личныхъ именъ:

Андрійко (Андрій).
Андрушко (Андрій).
Вакула (Вуколъ).
Василина, Васса (Василиса).
Василь, Васько, Васюта (Василій).
Векла (Ѳекла).
Веремій (Іеремія).

[1]) *Город. посел.* въ Рос. имп., т. IV, стр. 37.
[2]) *Книга Б. Ч.*, изд. Спасскаго, стр. 253.

Вивдя (Евдокія).
Гаврикъ (Гавріилъ).
Галя, Ганна, Гандзя (Анна).
Ганнуся, Ганулька (Анна).
Гапка, Гапуся (Агаѳія).
Гапонъ (Агаѳонъ).
Гарасько, Гарасимъ (Герасимъ).
Гнатъ, Гнатко (Игнатій).
Горпина (Аграфена, Агрипина).
Гр нька, Грыць, Грыцько (Григорій).
Гурко (Гурій).
Данько (Даніилъ).
Демко (Даміанъ).
Денисъ и Дешко (Діонисій).
Дорошъ (Дороѳей).
Евдоха (Евдокія).
Евхимъ (Евфимій).
Енка (Іона).
Иванко, Иванець, Ивась, Ивашка, Ивахно (Іоаннъ).
Илько, Иллюха (Илія).
Каленикъ (Калиникъ).
Катря (Екатерина).
Килина, Кулина (Акилина).
Купріянъ (Кипріянъ).
Лесько (Алексѣй).
Луця, Луцька (Лукія, Лукерія).
Левко (Левъ, изрѣдка Леонтій).
Левонъ (Леонтій).
Маруся (Марія).
Матвійко, Мацько (Матѳій).
Микола (Николай).
Митро (Димитрій).
Мотря (Матрона).
Мусій (Моисей).
Нимидора (Минодора).
Ничипоръ (Никиѳоръ).
Овдій (Авдій).
Овсій (Евсевій).
Одарка (Дарія).
Оксана (Ксенія).
Олелько (Александръ).
Олена, Олеся (Елена).
Олешко (Алексѣй).
Омелько (Емельянъ).
Онопрій (Онуфрій).
Онысько (Онисимъ).
Опанасъ (Афанасій).
Оришка (Ирина).
Остапъ (Евстафій).
Охримъ (Ефремъ).
Панько (Пантелеймонъ).
Парася (Параскева).
Пархимъ (Парѳеній).
Педоря (Ѳеодора).
Петько (Петръ).
Пилипъ (Филиппъ).
Попій (Папій).
Прися (Евфросинія).
Радько (Родіонъ).
Самко (Самсонъ).
Самусь (Самсонъ).
Свиридъ (Спиридонъ).
Сенько (Семенъ).
Сидоръ (Исидоръ).
Солоха (Соломонида).
Стеха, Степанида (Стефанида).
Супрунъ (Софроній).
Таця (Татьяна).
Текля (Ѳекла).
Терешко (Терентій).
Тымишъ, Тимко (Тимоѳей).

Титяна (Татьяна).
Тишко (Тихонъ).
Трохимъ (Трофимъ).
Уласъ (Власій).
Уляна (Уліанія).
Устя (Устинія).
Хаброня (Февронія).
Харько (Захарій, и отъ Харитонъ).
Хведиръ, Хведько (Ѳеодоръ).
Хвенна (Хіонія).
Хвеся, Феся (Ѳеодосія).
Хвеська, Феська (Ѳеодосій).
Хивря (Февронія).
Хима, Химка (Евфимія).
Хома (Ѳома).
Хтодоря (Ѳеодора).
Якимъ (Іоакимъ).
Ярема (Іеремія).
Яреська (Іерофей?).
Ярошъ (Іерофей?).
Яцько (Іаковъ).
Юрко (Георгій).
Юхимъ (Евфимій).

Списокъ этотъ можетъ быть значительно расширенъ, во первыхъ, внесеніемъ сокращенныхъ личныхъ именъ, являющихся продуктомъ личнаго произвола, напр., Леся, Петруня, Юрася, во вторыхъ, внесеніемъ мѣстныхъ сокращеній, напр. подъ вліяніемъ польскаго языка среди малороссовъ люблинской губерніи и Галиціи, какъ Бутримъ отъ Варѳоломей, Янъ отъ Іоаннъ. Названія городовъ и селъ по личному имени въ Малороссіи очень многочисленны, особенно въ восточныхъ ея частяхъ, въ губерніяхъ харьковской, екатеринославской и воронежской. Нѣкоторыя мѣстныя названія по личному имени возникли въ очень древнія времена, напримѣръ г. Алешки таврической губерніи. Городъ этотъ въ лѣтописяхъ упоминается подъ именемъ Олешья, въ генуэзскихъ актахъ Elexe или Elice, у восточныхъ географовъ Алеска. Городокъ этотъ считался русскимъ, но въ немъ постоянно находились греческіе торговцы [1]).

Число названій жилыхъ мѣстъ по личному имени въ календарной формѣ въ Малороссіи значительно: Аврамовка, Дарьевка, Исаіе (въ Галиціи). Часто встрѣчаются названія селъ отъ простонародныхъ формъ личнаго имени: Пилипча, Пилипенка, Домаха, Вереміевка, Уласивка, Андрушина, Ромасевъ, Грицуновъ, Грицейковъ, Самусевка, Панасовка, Радьковка, Сеньковка, Вассовка (херс. губ.), Гапсина, Стецовка, Павлышъ, Богуша (отъ имени Богданъ).

---

[1]) *Город. поселенія*. т. IV. стр. 660.

Значительное большинство названій селъ по личному имени возникло посредствомъ перевода во множественное число имени первоначальнаго жителя, напримѣръ: Еньки, Богданы, Иванки, Ивашки, Грины, Гринки, Василькы, Павленки, Павлюги, Левки, Лукаши, Яковцы, Юрки, Савинцы, Савки, Денисы. Изрѣдка встрѣчаются подобныя названія селъ отъ женскаго имени, напр.: Феньки. Названіе города Ромны происходитъ отъ личнаго имени Романъ чрезъ форму множественнаго числа Романы. Въ Книгѣ Большаго Чертежа читаемъ: «А выше Глинска 20 верстъ пала въ Суду рѣчка Романъ, а на устьѣ градъ Романъ» [1]). Въ настоящее время въ полтавской губерніи находятся села съ названіями Романъ и Романиха.

Многія названія хуторовъ и селъ произведены отъ фамильнаго прозвища перваго ихъ поселенца, большею частью съ переводомъ этого прозвища во множественное число, напримѣръ: Потебни, Циркуны, Щербани, Новаки, Шамраи. Бацманы, Вергуны, Верещаки, Верескуны, Бреусы, Брыси, Брижаки, Бринцы, Гудимы, Скоробогатьки, Чернобаи. Встрѣчаются подобнаго рода наименованія селъ и въ формахъ единственнаго числа, напр. Мазепинъ, Палієвъ, Осовикъ, Гордивка, Бакай, Бакаевка, Вродливецъ, Пятибратская, Пятаковщина, Безпальче, Шелегодовщина, Свѣтличное, Сагайдашня. Какъ видно изъ приведенныхъ названій селъ полтавской губерніи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживается полное звуковое тождество между фамильнымъ прозвищемъ и мѣстнымъ названіемъ; замѣтно впрочемъ стремленіе народной мысли обозначить отличіе мѣстнаго названія съ помощью окончаній *инъ*, *евъ*, *скій*, *овщина*.

Въ екатеринославской губерніи встрѣчается много селъ съ названіемъ, состоящимъ изъ двухъ личныхъ именъ, мужескаго и женскаго, напримѣръ: Ивано-Дарьевка, Петро-Марьевка, Петро-Еленовка. Иногда на первомъ мѣстѣ стоитъ женское, за нимъ слѣдуетъ мужеское имя, напр. Елено-Константиновка, Катерино-Григорьевка. Одно село называется Иванъ да Марья. Въ юго-западномъ краѣ такія названія селъ очень рѣдко встрѣчаются, а въ Галиціи совсѣмъ не встрѣчаются. Повидимому, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ помѣщичьими селами, получившими имя по волѣ владѣльца отъ его имени и имени его жены.

---

[1]) *Книга Б. Ч.*, изд. Спасскаго, 94.

Чаще встрѣчаются наименованія селъ по званію помѣщика: Генераловка, Княжа, Гранивка, Маіорская и еще чаще по фамиліи помѣщика, напримѣръ: Беккеровка, Каспероука, Бутовичевка, Штейперовскій, Кантакузино, Пассековка. Нѣкоторыя изъ этихъ названій служатъ своего рода археологическими памятниками владѣвшаго нѣкогда этими мѣстами богатаго дворянства. Въ названіи украинскихъ селъ сохранились имена нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей. Такъ село Левендаловка харьковской губерніи носитъ на себѣ имя барона Левендаля, который въ войнахъ Миниха 1737—1739 г. командовалъ артиллеріей. Левендаль основалъ и населилъ Левендаловку, но вскорѣ затѣмъ въ 1747 г. оставилъ Россію.

Много селъ названо по панскому произволу. Такъ извѣстный польскій самодуръ половины XVIII ст. Николай Потоцкій заселялъ новыя села, привлекая поселянъ различными льготами, и потомъ тѣшился своими селами, пьянствовалъ въ нихъ, снаивалъ громады и давалъ селамъ названія Піи, Пивци, Николаевка и Потокъ [1]). Въ Малороссіи повсемѣстно, преимущественно въ екатеринославской губерніи, встрѣчаются села съ названіемъ, сочиненнымъ владѣльцемъ, причемъ въ названіи села выражается иногда способъ полученія деревни и отъ кого получена; напримѣръ: Божедарова, Судьбодаровка, Царедаръ, Марьинъ Даръ, Павлодаръ, Иванодаровка, Братьинъ Даръ, Божій удѣлъ, Милость князя, Милость Куракина. Въ верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, встрѣчается даже поселокъ Богъ-ми-даде. Въ этихъ наименованіяхъ селъ находится отзвукъ той эпохи, когда бывшія владѣнія запорожскихъ козаковъ были разобраны вельможами Екатерины II и послѣдними иногда раздавались въ подарокъ другимъ лицамъ. Получавшіе жирные куски смиренно видѣли въ такомъ полученіи или даръ, или милость со стороны давшаго. Искусственными названіями селъ представляются также слѣдующія: Затишье, Пріятная Долина, Мирная Долина, Благодатная Мыза, Благодатное сельцо, Привольная, Отрада, Убѣжище, Пріютъ, Кинь-горе, Доля, Суженое, Побѣда, Родина. Въ особенности курьезными являются наименованіе селъ именами чужихъ, иноземныхъ странъ, городовъ замковъ,

[1]) *Кіев. Стар.*, 1885 г., т. X, стр. 237.

мысовъ. И въ этомъ случаѣ выразился колонизаціонный характеръ заселенія Новороссіи, и притомъ не въ силу естественнаго экономическаго хода народной жизни, а на первое время преимущественно по произволу и согласно съ выгодами отдѣльныхъ лицъ дворянскаго происхожденія, вкусившаго литературнаго сентиментализма. Полнымъ самодурствомъ и нелѣпыми выдумками, непонятными и дикими для народнаго слуха, представляются, напримѣръ, слѣдующія наименованія селъ: въ екатеринославской губерніи Мысъ Доброй Надежды, Зеленый мысъ, Персія, Китай городъ, въ полтавской губерніи Дамаскъ, въ частности, въ лохвицкомъ уѣздѣ Фонтенебло, въ роменскомъ уѣздѣ Монплезиръ, а въ золотоношскомъ Троя и Пальмира.

Замѣтимъ особо о названіи селъ Польшей, встрѣчающемся въ губерніяхъ екатеринославской и полтавской и въ Галиціи. Названіе это имѣетъ самостоятельное происхожденіе и не составляетъ простаго перенесенія слова съ наименованія бывшаго нѣкогда государства польскаго. Оно употребляется въ приложеніи къ небольшой низменной части Галиціи въ отличіе отъ гористаго Покутья или коломыйскаго округа, а также къ нѣкоторымъ селамъ, представляющимъ обиліе полей. Эту особенность слова Польши нужно имѣть въ виду при чтеніи малорусскихъ, преимущественно галицко-русскихъ пѣсенъ. Въ нихъ встрѣчаются выраженія: «Ой нема въ Польшѣ добра, та, вѣдай, и не будетъ», или: «Ой не маемо, цесарику, що въ Польшѣ сидѣти» (отъ польскихъ и жидовскихъ притѣсненій). Было-бы ошибочно здѣсь слишкомъ расширять значеніе слова «Польша» и видѣть въ этихъ пѣсенныхъ выраженіяхъ мнѣніе галицко-русскаго народа о Польшѣ этнографической или бывшей государственной. Рѣчь идетъ не болѣе, какъ о галицко-русскихъ ополянахъ, или жителяхъ тарнопольскаго и чортковскаго округовъ. Угорскій гуцулъ и верховинецъ называютъ Польшей, между прочимъ, низменную страну надъ р. Тисой, представляющую собою сплошныя поля [1]). Къ тому-же варіанты приведенныхъ пѣсенъ прямо указываютъ на весьма ограниченный въ данномъ случаѣ объемъ слова «Польша», какъ-то: «Ой нема добра въ горахъ», «Ой не маемо, цесарику, шо на Руси сидѣти».

---

[1]) *Головацкій*, О костюмахъ, стр. 811.

Въ старину, при подчиненіи Малороссіи Польшѣ, и въ новое время, послѣ перехода Малороссіи въ подданство Московскаго государства, т. е. съ 1654 г. возникали города и села съ названіями по имени государя или по имени выдающихся государственныхъ дѣятелей. Такъ г. Батуринъ, въ старинное время Баторинъ, получилъ названіе отъ имени короля Стефана Баторія, заложившаго этотъ городъ въ 1576 г.[1]). Въ концѣ XVI в. Янъ Замойскій построилъ замокъ и городъ Шаргородъ въ честь родоначальника Замойскихъ Флоріана Шараго[2]). Въ тоже время брацлавскій воевода Стефанъ Потоцкій построилъ замокъ и городъ на Днѣстрѣ и назвалъ его Могилевомъ, въ честь своего тестя, молдавскаго господаря, Михаила Могилы[3]). Въ царствованіе Елизаветы Петровны и Екатерины II возникли города Елисаветградъ, Екатеринославъ, позднѣе Константиноградъ (по имени в. кн. Константина Павловича). Въ число лицъ, имена которыхъ легли въ основаніе южно-русскихъ мѣстныхъ названій, попалъ св. Димитрій Ростовскій. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія была построена крѣпость св. Димитрія Ростовскаго. При крѣпости скоро образовалась торговая слобода, получившая въ просторѣчіи названіе Ростова, которое съ теченіемъ времени и укрѣпилось за нею.

Изрѣдка встрѣчаются мѣстныя названія, вызванныя историческими событіями, отношеніями малорусскаго народа къ сосѣднимъ народамъ или отношеніями крестьянскаго сословія къ государственной власти. Такъ въ херсонской губерніи встрѣчается с. Гардо-Громоклейская, отъ слова гардъ, которымъ у запорожскихъ казаковъ назывался пограничный сторожевой постъ[4]); названіе Подымщина указываетъ на подать съ дыма, т. е. дома; названіе Слобода указываетъ на то, что первые поселенцы села освобождены были отъ несенія государственныхъ повинностей.

Встрѣчаются названія селъ по имени церкви или святаго, которому посвященъ мѣстный храмъ, очевидно великорусскія, какъ-то: Церковная, Новоцерковная, Богодуховъ, Воздвиженка, Борисоглѣбовка, Покровское, Святодуховка, Архангельское, Николь-

---

[1]) *Рыгльманъ*, Лѣтоп. повѣств. о М. Р., т. I, стр. 24.

[2]) *Город. поселенія*, т. IV, стр, 115.

[3]) Тамъ-же, стр. 54.

[4]) *Скальковскій*, Исторія Новой Сѣчи, т. I, стр. 41.

ское. Такъ какъ церковь не сразу возникаетъ въ селѣ, а послѣ того, какъ оно успѣетъ достаточно развиться и увеличиться, то, нужно думать, названія селъ по мѣстной церкви замѣнили другія названія, существовавшія до построенія церкви.

Довольно рѣдко встрѣчаются села съ названіями, указывающими, откуда вышли поселенцы. Сюда относятся: село Черниговка, харьковской губерніи, названное по первоначальному мѣсту жительства перваго поселенца, малорусса черниговской губерніи, Моисея Щеглова, харьковскія села Ольшана и Злодіевка по имени Ольшанки и Злодіевки кіевской губерніи, черноморскія села Платнировское, Незамаевское, Уманское, Батуринское, получившія названія отъ основателей ихъ, выходцевъ изъ запорожскихъ куреней, или обширныхъ сѣчевыхъ хатъ съ поименованными названіями, вмѣщавшихъ въ себѣ каждая около трехъ сотъ человѣкъ.

Названія нѣкоторыхъ селъ указываютъ на давность заселенія или на внѣшній видъ села, напримѣръ: Новая, Новоселки, Новоселовка, Новокатный, Старово, Старое, Великій, Малый, Мальцы, Куцый, Должикъ, Круглякъ, Глубокое, Степная, Ровня, Плоское, Парное (изъ двухъ селъ), Однобоковка, Стайки (хаты разсыпаны кучками, какъ въ полѣ «стайки» ржи), Выползки (на возвышенности), Росоховатка (расходится подъ острымъ угломъ, въ родѣ росохи), Пересѣчная (прорѣзанная большимъ торговымъ шляхомъ).

Нѣкоторыя села получили названіе отъ цвѣта почвы, ими занимаемой, напримѣръ: Бѣлый, Бѣлгородка, Бѣломѣстная (отъ мѣловыхъ горъ), Червоновка, Красная, Красногоровка (отъ красной глины), Желтая (на пескахъ), Зеленая (луговая). Названіе г. Черниговъ, повидимому, происходитъ отъ чернолѣсья, чернаго гая. Подобнаго рода названія часто встрѣчаются въ Малороссіи, напримѣръ: Чернолѣска, Чернополье, Черногорка, Черниговка въ херсонской губерніи, Чернобыль кіевской губерніи, Чернорики и Чернолозка въ Галиціи [1]).

Довольно характернымъ отдѣломъ мѣстныхъ названій представляются названія по количеству хатъ первыхъ поселенцевъ или по раздѣленію села на части, или, въ приложеніи къ рѣкѣ, по числу

[1]) *Списки* насел. мѣстъ, т. XLVII, стр. 742, 66; *Город. посел.*, т. II, 430; *Miklosich*, Die. slav. Ortsnamen, т. II, § 71.

главныхъ источниковъ. Сюда относятся названія селъ: Трихаты херсонской губерніи, Пятихатки, Семихатъ, Двадцатихатъ екатеринославской губерніи, Шестерня (херсонской губерніи), Сорокопановка харьковской губерніи (Объ этомъ любопытномъ селѣ см. сочиненія Г. П. Данилевскаго, II, 229—253), Пятигоры кіевской губерніи. Двуручная харьковской губерніи, названная такъ потому, что отъ этого хутора расходились двѣ большія дороги. Названіе рѣки Сеймъ, повидимому, происходитъ отъ того, что эта рѣка въ обоянскомъ уѣздѣ курской губерніи вытекаетъ изъ семи отдѣльныхъ ключей [1]). Въ памятникѣ начала XVII ст., Книгѣ Большаго Чертежа, рѣка эта нѣсколько разъ упоминается подъ однимъ именемъ Семь [2]).

Малороссіяне хорошо знакомы съ горами. Отроги Карпатъ спускаются въ Галицію и Подолію. Урало-Карпатская гряда мѣстами представляетъ значительныя возвышенности. Правый берегъ малорусскихъ рѣкъ почти всегда болѣе или менѣе гористый, иногда крутой и обрывистый, иногда покатый и лѣсистый, прорѣзанный выходящими къ рѣкѣ ярами и балками. Многія села въ Малороссіи получили названіе отъ словъ *гора*, *скала*, *стѣнка*. Таковы: Горка, Горское, Горовый, Горовщина, Подгорная, Высокогорка, Лысая гора, Островерховка отъ острыхъ возвышенностей горъ, Гороховатка, потому что помѣщается въ пяти глубокихъ оврагахъ и какъ-бы прячется въ горахъ, Скала въ кіевской губерніи, Скелька, Скелевата на берегахъ Днѣпра въ екатеринославской губерніи.

Въ полтавской и харьковской губерніяхъ встрѣчаются село Валковщина и городъ Валки отъ валковъ, т. е. волнистаго расположенія возвышенныхъ мѣстъ.

Въ восточной Малороссіи, въ харьковской губерніи въ частности крутой, гористый берегъ рѣки называется стинкой, откуда названіе села Барвинкова Стинка. Сюда-же относится названіе села Пристѣня купянскаго уѣзда. Село это надъ рѣкою Осколомъ на горѣ. Крутая стѣна горы носитъ названіе Пристѣнь, откуда и село Пристѣнь [3]).

Въ Галичинѣ, въ полтавской и кіевской губерніяхъ встрѣчаются Горбы, Горбовщина, Горбъ Высокій, Крутые горбы, Горбки. Въ этихъ

---

[1]) *Дмитрюковъ*, въ Этнограф. Сборн., т. V. Смѣсь, стр. 24.

[2]) *Книга Б. Ч.*, изд. Спасскаго, стр. 11, 12, 84, 86, 87.

[3]) *Архіеп. Филаретъ*, Ист. ст. опис. харьк. еп., т. X, стр. 216.

названіяхъ хранится древне-славянское наименованіе горы горбомъ, откуда пошло названіе цѣлаго народа, хорваты.

Въ гористой части Галиціи сохранилось древнее слово *дѣлъ*, *дилъ* въ значеніи горы. Слово это, между прочимъ, сохранилось въ галицкихъ мѣстныхъ названіяхъ, напримѣръ: Русскій дѣлъ, Ямненскій дѣлъ.

Значительный интересъ представляетъ наименованіе одного села полтавской губерніи Бердовщиной. Принимая во вниманіе, что въ личныхъ и мѣстныхъ собственныхъ именахъ удержались иногда древнія слова, впослѣдствіи вышедшія изъ употребленія, мы думаемъ, что въ приведенномъ названіи скрывается *бърда*, слово до-нынѣ сохранившееся въ гористой Галиціи въ обозначеніи скалистой горы; у сербовъ и чеховъ *брдо* значитъ также гора. Въ равнинныхъ мѣстахъ Малороссіи слово «бердо» въ значеніи горы забыто. Можно думать, что отъ этого слова произошло названіе извѣстной части ткацкаго станка *берды*. Слово это, между прочимъ, находимъ въ стихотвореніи Я. И. Щоголева «Ткачъ:» «теперечки знову берды направивъ, нитки насновавъ» («Ворскло», стр. 51).

Многія малорусскія села въ степныхъ мѣстностяхъ получили названіе отъ ближайшихъ кургановъ или могилъ. Таковы: Могилатовъ, Двѣ могилки, Горомогиловка, Присковатая могила, Рубленыя могилы, Толстыя могилы, Густыя могилы, Громовая могила, Стадная могила. Названіе Могилева на Днѣстрѣ, какъ было уже ранѣе замѣчено, происходитъ отъ фамиліи молдавскихъ господарей Могилъ.

Малороссіяне, какъ извѣстно, любятъ селиться поближе къ водѣ, къ рѣчкѣ или пруду; оттого многія названія селъ заключаютъ въ себѣ указаніе на низменное мѣсто, напримѣръ: Низы сумскаго уѣзда, харьковской губерніи, Поды кобелякскаго уѣзда полтавской губерніи, Пологи (въ полтавской губерніи 5 селъ съ такимъ названіемъ) Подолъ—село въ полтавской губерніи и низменная часть г. Кіева. Значительная часть приднѣстрянскаго края называется Подоліей. При сыновьяхъ и внукахъ Владиміра Святаго приднѣстрянскій край носилъ названіе Понизья, данное ему въ отличіе отъ сѣверо-западной части Галицкаго княжества, называвшейся Горнею страною. Въ XIII ст. Понизье было разорено татарами. Въ половинѣ XIV ст. вел. кн. литовскій Ольгердъ, одержавъ побѣду надъ татарами, освободилъ отъ нихъ Понизье и подъ новымъ

именемъ Подоліи или Подолья присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ [1]). Въ херсонской губерніи около 30 селъ носятъ названіе Балки. Къ этому разряду названій, повидимому, относятся Котельва, Котельна, Котели и Котлово въ Малороссіи, г. Котельничъ въ вятской губерніи, Котлинъ островъ въ Финскомъ Заливѣ. Въ Книгѣ Большаго Чертежа находимъ рѣку Котелъ: «а рѣчка Котелъ... пала въ Осколъ».. Кромѣ того, въ Книгѣ Большаго Чертежа нѣсколько разъ упоминаются Котлубаны, Семицкіе Котлубаны,—рѣчка, впадавшая въ р. Сеймъ. Спасскій высказалъ мнѣніе, что эти Котлубаны, вѣроятно, означали котловины, имѣющія теченіе только въ водополье [2]). Названія мѣстностей отъ слова Котелъ изрѣдка встрѣчаются и у западныхъ славянъ, напр., у Чеховъ с. Котелъ [3]).

Въ названіяхъ селъ и хуторовъ заключается иногда прямое указаніе на то, много-ли находится воды въ данной мѣстности и какого она свойства, или указаніе на почву песчаную, каменистую, солончаковую. Сюда относятся названія: Мокрая, Водяная, Болотница, Порѣчье, Потоки, Двурѣчная, Межиричъ (между двумя рѣками), Островъ (село, огибаемое рѣкой или ея притокомъ), Озеры, Пселовка, Полтава, Коломакъ и многія другія по имени рѣкъ. Съ другой стороны встрѣчаемъ названія: Сухая, Суходолъ, Каменка, Каменовата, Пески, Песочинъ. Пещанка, Солонцы, Солонцоватая, Солоненькое (екатеринославской губерніи), Безводная, Недайвода, Недайводовщина.

Многія села получили наименованіе по садамъ и лѣсамъ или по роду преобладающихъ въ нихъ деревьевъ. Таковы названія: Садки, Вишеньки, Вишня, Яблочное, Гаи, Гаикъ, Подгайе (въ Галиціи), Гаеве, Пидгайцы, Гайсинъ (въ Подоліи), Прилѣсье, Пролѣски, Лиски, Бузовый, Бузки, Березнякъ, Березань, Березовица, Терны, Терновая, Берестовая, Дубина, Поддубновка, Тополи, Липняки, Липовка, Липовецъ, Липцы, Вербовое, Вербки, Смеречка, Смерековецъ (отъ сл. смерекъ, сосна), Осички, Вязовокъ, Ясенокъ, Ясеноватая, Ольховатка, Вильшана, Боровина, Боромля, Боровщина, Боровый, Борки. Къ этому же разряду относятся названія:

---

[1]) *Город. пос.*, т. IV, стр. 6.

[2]) *Книга Б. Ч.*, 216.

[3]) *Miklosich*, D. slav. Ortsnam., т. II, § 249.

Камыши, Камышевата, Тростянецъ, Очеретяна, Кропивна, Нехворощь, Нехворощанка, Хмельникъ (въ подольской губерніи). Названія селъ отъ мелкихъ растеній и травъ рѣдко встрѣчаются.

Мѣстныя названія по имени животныхъ многочисленны и разнообразны. Преобладаютъ названія по крупнымъ животнымъ. Изъ мелкихъ животныхъ «жаба» болѣе всего дала названій селамъ. Иногда бываетъ затруднительно опредѣлить, произошло ли мѣстное названіе отъ животнаго или отъ прозванія перваго поселенца, въ родѣ Жукъ, Ведьмідь, Блоха. Слѣдующія села и рѣки названы по имени животныхъ: Конка, Коновецъ, Жеребецъ, Волыковъ, Овеча, Свинарка, Волча, Крысы, Кроты, Жабки, Жабье, Жабокряки, Жаботинъ, Зміевъ, Гадячъ-Гадячій (полтавской губерніи), Гадючка (херсонской губерніи), Чапли, Орликъ, Лебединъ, Куликъ, Вороньки, Деркачи, Чипижные, Жуки, Блохино. Подобнаго рода названія жилыхъ мѣстностей и рѣчекъ заключаютъ иногда въ себѣ указаніе на породу животнаго, исчезнувшую въ данной мѣстности. Такъ, въ харьковской губерніи находятся рѣки и села съ названіями Бобрикъ, Бобричекъ, Бобровое, въ херсонской губерніи Бобринецъ, Бобрикъ, Бобровый Кутъ, съ указаніемъ на бобра, который, по свидѣтельству старинныхъ актовъ, нѣкогда водился въ Малороссіи въ большомъ количествѣ. Теперь животное это въ харьковской губерніи совсѣмъ не встрѣчается и народъ даже забылъ про него. Мѣстныя собственныя имена, произведенныя отъ бобра, встрѣчаются въ Польшѣ, Чехіи, Сербіи, встрѣчаются также въ Германіи (Biber), при полномъ исчезновеніи самаго животнаго [1]). Въ Великороссіи встрѣчаются и названія селъ отъ бобра, и самое животное. Большое число мѣстныхъ названій отъ бобра можно объяснить тѣмъ, что въ старинное время животное это играло важную роль въ народномъ хозяйствѣ и торговля бобровыми мѣхами была очень выгодной. Къ числу вымершихъ животныхъ, оставившихъ послѣ себя слѣдъ въ малорусскихъ мѣстныхъ названіяхъ, относится еще туръ, дикій быкъ. Въ древности животное это водилось въ восточной и средней Европѣ. Юлій Цезарь въ соч. De bello gallico замѣчаетъ, что туръ водился въ Германіи [2]). Въ Малороссіи встрѣчаются мѣстныя назва-

[1]) *Miklosich*, Die, slav. Ortsnam., т. II, стр. 11.

[1]) Тамъ же, стр. 110.

нія: Туровo, Турье, Турья, Туры, Тураньско, Туровка, Туровци (въ Галиціи). Въ простомъ народѣ память о турѣ, какъ о звѣрѣ большомъ и тяжеломъ, сохранилась, между прочимъ, въ пословицахъ и поговоркахъ, напримѣръ: «Такъ замерзло, що хочъ туры гони», «Сидыть, якъ туръ у горахъ», «Съ тобою ходити, якъ зъ туромъ водитись», «Выженемо сирого тура зъ луга», «Збираються, якъ на тура», «Баба, якъ туръ» [1]). Къ этому разряду мѣстныхъ названій слѣдуетъ еще отнести названія селъ Ведмедево и Веприкъ (отъ сл. вепрь, дикій кабанъ); животныя эти также вымерли въ Малороссіи.

Встрѣчаются села съ названіями, происшедшими отъ лежащаго вблизи завода, фабрики или отъ мѣстнаго кустарнаго промысла, напримѣръ: Цегельня, Гугы, Бурты, Тесли (хорольскаго уѣзда), Дегтяри, Бондари, Гончари, Круподеринцы, Пекари, Шевская, Чумаки, Бортня, Рыбки, Рыбальщина, Пасики, Баранники, Грабаровка. Многія села называются по шинку Питейными домами (въ екатеринославской и полтавской 54 поселенія усвоили это названіе). Села, гдѣ развилось скотоводство, получили названія: Скотоватая, Скотарскій. Такое названіе имѣютъ, между прочимъ, хутора на гуртовыхъ дорогахъ, посѣщаемые скотопромышленниками.

Часто въ названіи села заключается похвала или порицаніе, обусловленныя тѣмъ, красива ли мѣстность, достаточно ли воды и т. п. Съ одной стороны сюда относятся названія: Славгородъ, Райгородъ, Хорошево, Хорошки, Доброе, Золотоноша, Золотой, Сребное, Богачка, Обильная, Хлѣбная, Житное, Сладководная, Золотая Криница, Вильна, Весела, съ другой: Нетребивка, Пехотіевка, Страшна, Гориславецъ (полтавской губерніи, м. б. отъ древняго фамильнаго прозванія). Идея о бѣдности скрывается въ названіяхъ многихъ селъ. Такъ Голтва зѣньковскаго и кобелякскаго уѣздовъ полтавской губерніи есть собственно Голотва, отъ слова *голота*. Подобнаго рода названія селъ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Малороссіи: Голотовскіе хутора въ полтавской губерніи, Голотовщина въ лохвицкомъ уѣздѣ, Голтвянскій въ зѣньковскомъ уѣздѣ, Голтво-Ольховой и Голтвинчикъ-Мазуровка въ полтавской губерніи, Голый въ екатеринославской губерніи, Гольцы въ екатеринославской гу-

[2]) *Номис*. Приказки, №№ 645. 1353, 2662, 5296.

берніи, Голендры люблинской губерніи. Къ этому разряду названій относятся также: Кривохатка, Обидранка, Недогарки и т. п.

На нѣкоторыхъ мѣстныхъ названіяхъ лежитъ отпечатокъ насмѣшки, напримѣръ, на слѣд. сельскихъ названіяхъ полтавской губерніи: Слѣпородьскій, Вырвихвостъ, Убійсобаковскіе (хутора), Вшивая (херсонской губерніи), Слѣпобабова (херсонской губерніи).

Характеристичной чертой народной этимологіи представляется уподобленіе непонятныхъ личныхъ и мѣстныхъ собственныхъ именъ именамъ обиходнымъ, найболѣе употребительнымъ въ народномъ быту. Любопытной представляется ассимиляція инородческихъ или иноплеменныхъ названій и облеченіе ихъ въ народную лингвистическую форму. Въ народной этимологіи раскрывается такимъ образомъ стойкій и живой духъ народный, сохраняющій свою самобытность и претворяющій въ народный организмъ чужеродныя начала. При всей важности народныхъ словопроизводствъ, съ научной точки зрѣнія, русская, въ частности малорусская народная этимологія почти не затронута людьми науки и даже не собранъ относящійся сюда матеріалъ. Не вдаваясь въ подробное изложеніе малорусской народной этимологіи, по недостатку пособій и матеріала, мы отмѣтимъ здѣсь лишь нѣсколько ея проявленій въ области мѣстныхъ названій. Названіе гор. Ставрополя въ устахъ малорусскаго народа измѣнилось въ Старопилье, путемъ уподобленія многочисленнымъ названіямъ селъ съ окончаніями *поле* или *полье*, какъ Миропилье, Краснопилье, Трипилье и пр. Въ харьковской губерніи по р. Адалагѣ лежатъ села: Старая Водолага, Новая Водолага, Водолажка. По р. Адалагѣ, богатой нѣкогда сѣнными угодьями, кочевали татары, и рѣка носитъ татарское названіе, сохранившееся и въ старинномъ московскомъ документѣ, въ Книгѣ Большаго Чертежа, по росписи 1571 г. Малороссіяне обратили непонятную для нихъ Адалагу въ Водолагу, находя себѣ оправданіе въ обиліи воды и въ близости рѣки къ этимъ селамъ. Въ Книгѣ Большаго Чертежа упоминается рѣка Балыкиса и, въ другой формѣ, Булукася. Въ документахъ XVIII ст., приводимыхъ въ Истор.-стат. опис. епархіи архіеп. Филарета, находимъ эти же самыя названія для рѣки и стоящаго на ней одноименнаго села. Нынѣ село называется Балаклея, и здѣсь можно видѣть стремленіе народа произвести это темное слова отъ извѣстнаго глагола балакать, говорить. Нынѣшняя

Евпаторія, таврич. губ., у крымскихъ татаръ носила названіе Геслеве, какъ говорятъ, отъ татарскаго слова «излеве»—подземный ходъ, потому что въ городѣ подъ многими домами находились подземные тайники, изсѣченные въ камнѣ, гдѣ въ смутныя времена жители прятали свои сокровища и укрывались сами [1]). Малороссіяне называли этотъ городъ Козловомъ. Въ Книгѣ Большаго Чертежа онъ названъ Козлевъ. Въ обоихъ случаяхъ, очевидно, обнаруживается стремленіе къ отождествленію татарскаго Геслева съ малорусскими мѣстными названіями отъ слова козелъ, Козловка, Козлишина (въ херсонской губ.), Козивъ (въ Галиціи), Козельщина (въ харьк. губ.), Козинъ (кіев. губ.). Село Бельвю харьковской губерніи называется у крестьянъ Бѣльмомъ.

Въ этнографическихъ предѣлахъ малорусской народности находится множество мѣстныхъ названій инородческаго происхожденія, причемъ одни названія возникли въ глубокой древности, до первыхъ документальныхъ извѣстій о пребываніи русскихъ славянъ на югѣ Россіи, другія въ древнія времена русской исторіи, съ IX до XIV ст., до времени отчетливой національной фармаціи малорусскаго народа, а третія въ дальнѣйшее время, XIV—XIX ст.

Древнѣйшее, до-историческое происхожденіе имѣютъ названія нѣкоторыхъ малорусскихъ рѣкъ: Днѣпръ, Днѣстръ, Бугъ, Ворскла, Осколъ, Уды, Удой, Сула, Сновъ, Можъ. Самыя большія изъ южнорусскихъ рѣкъ, Днѣпръ, Днѣстръ, Донъ и Донецъ, доселѣ сохранили тѣ названія, подъ которыми сдѣлались впервые извѣстными историческому міру двадцать слишкомъ столѣтій тому назадъ. Названія этихъ рѣкъ очевидно однородны, почти тождественны. У древнихъ географовъ для обозначенія этихъ рѣкъ служило одно слово: донъ, данъ, тенъ, или тава, съ прибавленіемъ греческаго окончанія: Танаисъ, Борисфенесъ, Данаприсъ, Данастрисъ, и слово это (донъ или даасъ, откуда пошло и названіе р. Дунай) значило просто рѣка. Оно до сихъ поръ сохранилось еще въ этомъ значеніи у осетинъ, народа иранскаго происхождгнія. По осетински «донъ» означаетъ первоначально воду, потомъ рѣку вообще. Названія большей части осетинскихъ рѣкъ составлены изъ прилагательныхъ именъ

---

[1]) *Спасскій*, Книга Б. Чертежа. Примѣч. 233.

съ прибавленіемъ этого нарицательнаго, напр. Урсъ-Донъ, Хоби-Донъ, Аръ-Донъ [1]). Повидимому, входящія въ составъ названій Днѣпра и Днѣстра слова *присъ*, *стрисъ* дали названія другимъ славянскимъ рѣкамъ: Пруту, Истру. Р. Сновь, черниговской губерніи, съ которою Даніилъ Паломникъ сравниваетъ Іорданъ, повидимому, означаетъ текущую воду: въ санскр. *сну* значитъ течь, *сна* омывать, купаться. Названіе р. Рось, можетъ быть, находится въ связи съ санскр. *арш* течь, орошать, въ смыслѣ изліянія сѣмени, оплодотворенія [2]). Въ названіи р. Сулы обнаруживается сходство съ литов. *sulá*—березовый или кленовый сокъ, *sulot*—пускать изъ себя сокъ, медленно течь, капать. Въ такомъ же отношеніи р. Осколъ, притокъ Донца, при литов. *skal*—*anti* полоскать, санскр. *кшалати* (изъ *скал.*), течетъ, *кшалаяти*, омываетъ; съ польск. (куявск.) *oskoła*, *oszkoła* березовый сокъ. Названіе р. Мжа обнаруживаетъ отношеніе къ обще-европейскому корню *mnh*—мочиться, источать сѣмя, лит. *mużti* (срав. слав. мжичка—мелкій осенній дождь). Названіе р. Пселъ, родит. Псла, малор. Псло, древ.-рус. Пьс-лъ обнаруживаетъ отношеніе къ корню *пис*, что въ дѣтскомъ *писять*, серб. *пишати*, литов. *pissa* [3]). Древнѣйшія названія южнорусскихъ рѣкъ даны несомнѣнно народомъ арійскаго происхожденія, быть можетъ скиѳами, иранское происхожденіе которыхъ представляется довольно вѣроятнымъ. Вообще, объясненіе древнѣйшихъ южно-русскихъ мѣстныхъ названій сопряжено съ большими затрудненіями и требуетъ большой осторожности со стороны изслѣдователя. До какой степени можно фантазировать въ этой темной области филологіи, показываютъ намъ сочиненія г. Безсонова. Безсоновъ съ достойною лучшей цѣли смѣлостью утверждаетъ, напримѣръ, что Черниговъ получилъ названіе отъ того, что въ черниговской губерніи жили геродотовскіе Меланхлены (по греч. Черные плащи), что названіе рѣки Иды происходитъ отъ какихъ-то Удовъ. «Писателямъ, говоритъ г. Безсоновъ, разумѣется, знакомы выводы современной науки(?!), что Уды и Ады, въ началахъ своихъ близкіе со всѣми почти прочими

---

[1]) *Плюшаръ*, Энциклоп. лексик., т. XVII, стр. 159; пот. у *Буслаева*, въ Ист. оч., т. I.

[2]) *Потебня*, Къ исторіи звуковъ, т. III, стр. 107; т. II, стр. 15.

[3]) *Потебня*, къ исторіи звуковъ, т. IV, стр. 67, 68.

народами, были разбиты и разсѣяны извѣстнымъ походомъ Египтянъ XIV вѣка при Сезострисѣ, сглажены Басками и Гебрами(!), вытравлены предками Финновъ, Саксовъ, Киммеріанъ и Боевъ(!), такъ что къ приходу славянъ вся означенная мѣстность (т. е. Россія) давно уже и совершенно была очищена отъ всякихъ элементовъ туркизма». Далѣе г. Безсоновъ, ни мало не смущаясь тѣмъ, что Уды «племя давнее», подробно говоритъ объ ихъ жилищахъ, одеждѣ и даже наружности. «Носъ прямъ, глаза не велики, не растянуты, есть и сѣрые, но больше карые, сухощавы и поджары, воздержны, полнокровны, круглолицы, даже румяны, какъ баре, господа» [1]). Любопытно было бы узнать, какой художникъ изъ Киммеріянъ, Боевъ или Гебровъ сохранилъ для г. Безсонова цвѣтъ удскихъ гаазъ и въ какой формѣ, масляными красками или акварелью. Къ сожалѣнію, филологическія и «этнологическія» экскурсіи г. Безсонова въ удскую древность не дали ровно ничего для объясненія названій маленькихъ украинскихъ рѣченокъ Уды и Удая: остается, только пожалѣть, что отъ полнокровныхъ и румяныхъ Удовъ не осталось слѣдовъ въ исторіи.

Въ до-монгольское время русской исторіи на югѣ Россіи перебывало много разныхъ инородцевъ: хазары, печенѣги, торки, ковуи, половцы. Кочевые народы, «поганые толковины», подъ общимъ собирательнымъ названіемъ «черные клобуки» постоянно вторгались въ предѣлы южно-русскихъ княжествъ, селились иногда среди русскихъ и поступали на службу къ кіевскимъ и черниговскимъ князьямъ. Кочевья и вліяніе печенѣговъ и половцевъ захватывали обширныя пространства, отъ Волги до Карпатъ, и память объ нихъ сохранилась въ названіи урочищъ, городищъ и кургановъ. Названія эти большею частью отмѣчены въ Истор.-стат. опис. харьк. епархіи архіеп. Филарета и позднѣе въ сочиненіи Аристова о половецкой землѣ. Любопытно, что мѣстныя названія древняго инородческаго происхожденія встрѣчаются въ Малороссіи на большомъ разстояніи одно отъ другаго, и эта черта не лишена историческаго значенія при опредѣленіи распространенія извѣстнаго народа въ древности. Такъ, въ харьковской губерніи, въ 50 верстахъ къ югу

---

[1]) *Чтенія* въ Моск. Общ. ист. и древн., 1885 г., т. II, стр. 57, 88.

отъ Харькова, находится село Печенѣги. въ гористомъ коломыйскомъ округѣ Галиціи находимъ село Печенѣжино. Принимая во вниманіе, что степные печенѣги входили въ сношенія съ Византіей и поступали на службу къ византійскимъ императорамъ, можно думать, что они иногда кочевали и въ при Днѣстровьѣ и забирались даже въ гористое Покутье. Къ числу древнихъ названій относятся названія с. Бѣлыя Вежи, екатеринославской губ. александрійскаго уѣзда, Казарскаго городища въ воронежской и въ харьковской губерніяхъ, Торчинова городища и р. Торца въ харьковской губерніи. Названіе Кукуево городище въ харьковской губ., повидимому, происходитъ отъ ковуевъ, находившихся на службѣ у черниговскихъ князей. Можетъ быть, къ древнимъ половецкимъ названіямъ, по имени хана Чуги, относятся названія урочищъ, а потомъ городовъ Чугуевъ и Кременчугъ. И въ этой области мѣстныхъ названій можно надѣлать большія ошибки, наклоняя словопроизводство на археологическую сторону, при конкурренціи объясненій, и относя, напримѣръ, на счетъ древнихъ хазаръ такія мѣстныя названія, которыя въ дѣйствительности произошли отъ сл. *коза* или отъ сл. *кощы*.

Въ XIII ст. татары прошли по всей Россіи разрушительнымъ потокомъ. Въ южной Руси многія селенія были уничтожены до-тла, жители ихъ истреблены и обширныя области обратились въ пустыни. По Сѣверному Донцу, Ислу и Ворсклѣ появились татарскія кочевья. Пребываніе татаръ въ южной Россіи въ теченіи многихъ вѣковъ оставило послѣ себя многочисленные слѣды въ названіяхъ городовъ, селъ, въ особенности рѣкъ и степныхъ урочищъ. Всѣ названія съ *кара* въ началѣ или *лыкъ* въ концѣ татарскаго происхожденія, напр. Карань, Карагачъ, Карабашъ, Караголь, Карабыловка, Каракезовка, Тагамлычъ, Сазанлыкъ, Чертомлыкъ, Кагамлычъ, Геленджикъ. Татарскія названія носятъ рѣки Міусъ, Карасу Саксагамъ, Бурлукъ, Сартаба, Кумшакъ, Айдаръ, Койсугъ, села Аулъ (екатеринославской губ.), Балаклея (полтавской и харковской губ.), Ахмедъ, Гаджіевщина (полтавской губ.). Ахмечетъ и Ахмичетка (херсонской губ.). Татарское имя Ахтырки, означающее бѣлый яръ, указываетъ на то, что на мѣстѣ козацкой Ахтырки, нынѣ уѣзднаго города харьковской губерніи, былъ татарскій юртъ. Рѣчка и села харьковской губерніи, купянскаго уѣзда, съ названіями

Дуванка, указываютъ на татарское слово *дуванить*, дѣлить награбленное. На Дуванкѣ былъ притонъ татарскихъ хищниковъ [1]). Въ Малороссіи часто встрѣчается фамильное прозваніе Бакай, Бакаевъ и села Бавай, Бакаево. Въ старинное время извѣстенъ былъ Бакаевъ шляхъ, который шелъ отъ Днѣпра къ Курску. Шляхъ этотъ получилъ названіе отъ имени татарскаго мурзы Баки, о которомъ, между прочимъ, говорится въ Книгѣ Большаго Чертежа: «А Свиная дорога отъ Рыльска до Болхова; а тою Свиною дорогою прихаживали Бѣлогородскіе Татаровя, на Рыльскія, на Карачевскія, на Болховскія и на Орловскія мѣста, Бакай мурза, какъ польскихъ градовъ не было» [2]). Бакай мурза, вѣроятно, ногайскій князь Бака, который въ 1541 г. шелъ войною на Русь съ крымскимъ ханомъ Сагибъ-Гиреемъ. Самое слово *бака* персидское и, быть можетъ, заимствовано татарами отъ персовъ. Не отсюда ли названіе города Бака или Баку въ закавказскомъ краѣ? Названіе: *бакалейная* лавка также персидскаго происхожденія. Относится ли къ этому разряду словъ названіе главнаго города Подолья въ монгольское время Бакоты (нынѣ деревенька новоушицкаго уѣзда),—остается открытымъ вопросомъ.

Литовцы въ XIV и XV ст. и поляки въ XVI и XVII ст. проникали въ южную Русь, то въ видѣ кратковременнаго военнаго движенія, то въ видѣ мирной колонизаціи края и долговременнаго въ немъ пребыванія. Еще ранѣе, въ до-монгольскій періодъ русской исторіи, великіе князья кіевскіе селили иногда въ южной Руси плѣнныхъ литовцевъ и поляковъ. Такъ полагаютъ, что города по р. Роси, и между прочимъ г. Корсунь, были заселены плѣнниками, выведенными Ярославомъ изъ Галиціи и Польши въ войну 1032 года. Движеніе поляковъ на востокъ началось еще въ доисторической древности, и воспоминаніе о древнѣйшихъ его проявленіяхъ сохранилось на первыхъ страницахъ древней лѣтописи въ преданіи о Радамѣ и Вяткѣ. Съ древнѣйшими славянскими поселеніями въ южной Руси, можно думать, произошло то же, что позднѣе въ XVIII и отчасти въ XIX ст. произошло съ поселеніями сербовъ и чеховъ. Они расплавились въ массѣ кореннаго южно-русскаго населенія, ассимилировались съ нимъ, и памятни-

[1]) *Архіеп. Филаретъ*, Ист. ст. опис. харьк. еп, т. III, стр. 10, т. V, стр. 236.

[2]) *Книга Б. Чертежа*, изд. Спасскаго, стр. 106, 252.

ками литовскаго и польскаго пребыванія въ Малороссіи, особенно въ Малороссіи лѣвобережной, остались почти исключительно мѣстныя названія, въ родѣ: Ляхи, Мазуровка (въ полтавской губерніи), Литовская, Литвиновка, Литвинки (въ екатеринославской и херсонской губерніяхъ).

Названія селъ Ляшки, Лядское, Ляховичи, особенно многочисленныя въ Галицкой Руси, по мнѣнію г. Головацкаго, указываютъ на первоначальное поселеніе польскихъ поселенцевъ. Съ такимъ названіемъ села галицкія принадлежатъ большею частью къ древнѣйшимъ поселеніямъ польскимъ въ Галичинѣ, давно совсѣмъ обрусѣвшимъ, съ русскими приходскими церквами, безъ костеловъ. Напримѣръ, села:

Волька Мазовецкая. . .	1,622	русскихъ и	99	поляковъ.
Ляшки Горные	650	—	12	—
Ляшки Дольные	398	—	9	—
Ляшки Королевскіе. . .	688	—	151	—
Ляшковъ	974	—	19	—
Ляховичи подорожные . .	853	—	29	—
Ляховцы	1,144	—	31	—
Ляцкое	1,417	—	11	—
Ляшки Гостинные . . .	1,046	—	вовсе нѣтъ.	
Ляшки Завязанные. . .	695	—	вовсе нѣтъ [1]).	

А. А. Потебня думаетъ, впрочемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ названій могутъ означать, что село разрослось изъ хутора, въ коемъ сидѣлъ нѣкій Ляшко, Ляховецъ, который могъ уже и не быть полякомъ, или Ляховичъ, коего прозвище рѣшительно русское. На первоначальный племенной составъ съ достаточной ясностью, по мнѣнію проф. Потебни, указываютъ названія Ляцкое и Воля Мазовецкая [2]).

Встрѣчаются села съ названіями румынскими или съ русскимъ названіемъ, но указывающимъ на Румынію. Въ Бессарабіи такихъ селъ много, потому что здѣсь живетъ много молдаванъ. Нѣкоторые мѣстности, населенныя малороссами и молдаванами, представляютъ

---

[1]) *Головацкій*, Пѣсни Галиц. и Угор. Руси, т. I, стр. 633.

[2]) *Потебня*, О сборн. Головац., стр. 7.

относительно названія ту особенность, что къ русской основѣ слова присоединилось румынское окончаніе, напр.: Братушаны, Ставчаны, Петрешти, Трифонешти. Въ екатеринославской губерніи находимъ с. Волоское, въ херсонской губерніи Волошино, въ харьковской губерніи Волоховку, Волоховъ Яръ. Въ харьковской губерніи есть с. Волоская Балаклейка, получившее названіе Волоской съ 1712 г., когда отъ Шидловскаго перешла въ собственность волоскаго стольника Димитрія Енакія. Царскимъ указомъ 1712 г. вотчины Шидловскаго въ слободскихъ полкахъ, а именно 633 двора черкасскихъ, 42 русскихъ, 35 польскихъ, всего 710 дворовъ, были розданы «волоскаго народа боярамъ, офицерамъ и инымъ, которые съ господаремъ княземъ Кантемиромъ выѣхали» [1]). Тогда-же Кутъ получилъ названіе Волоскаго Кута, потому что отданъ былъ полковнику Ильѣ Абазѣ, румынскаго происхожденія.

Въ Новороссіи встрѣчается много городовъ и селъ съ греческими названіями, которыя дѣйствительно даны частью греками, но большею частью русскими вельможами царствованія Екатерины II. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія изъ Крыма переселились на берега Азовскаго моря около 18,000 грековъ и основали здѣсь 20 селеній и городъ Маріуполь. Наклонность давать возникающимъ городамъ греческія названія возникла при Екатеринѣ II, одновременно съ возникновеніемъ такъ называемаго греческаго проэкта. Въ особенности сильно обнаружилъ эту наклонность великолѣпный фантазеръ Потемкинъ, затѣмъ его преемникъ по управленію новороссійскимъ краемъ Зубовъ. Въ екатеринославскихъ и херсонскихъ степяхъ появились города и села: Ольгополь, Андріанополь, Никополь, Орестополь, Фонтополь. Въ Никополь обратился запорожскій Микитинъ Перевозъ, въ Ольгополь татарскій юртъ, потомъ деревушка Чачанлыкъ. Простой народъ большею частью обернулъ конечное греческое *поль* (отъ греческаго *полисъ*—городъ) въ знакомое *полье* или *пилье*.

Память о сербскихъ поселеніяхъ въ новороссійскомъ краѣ, о такъ называемой Славяносербіи, сохранилась, между прочимъ, въ мѣстныхъ названіяхъ херсонской губерніи: Сербиновка, Сербка, Сербуловъ, Сербуловка, Вуичева, Вукотичева, Текеліева.

---

[1]) *Арх. Филаретъ*, Ист. ст. опис. харьк. еп., т. V, стр. 219.

Встрѣчаются въ юго-западномъ краѣ и въ херсонской губерніи села съ названіями нѣмецкаго происхожденія, указывающія на нѣмецкихъ колонистовъ. Приливъ нѣмцевъ колонистовъ въ южную Россію съ теченіемъ времени усиливается и, согласно съ тѣмъ, умножается число нѣмецкихъ мѣстныхъ названій. Въ бывшихъ владѣніяхъ запорожскихъ козаковъ мы находимъ въ настоящее время Данцигъ, Вормсъ, Дармштадтъ и затѣмъ много Нейдорфъ, Блюменфельдъ, Блюменталь, Розенталь.

Мѣстныя преданія, связываясь съ мѣстными названіями, оживляютъ и одухотворяютъ ихъ. Сухой скелетъ мѣстнаго названія облекается плотью подъ вліяніемъ народно-поэтическаго преданія, и тогда народное вниманіе охотно на немъ останавливается. Не смотря на разносторонній научный интересъ, представляемый мѣстными преданіями, этотъ отдѣлъ историко-поэтическаго творчества принадлежитъ къ числу самыхъ неразработанныхъ и темныхъ отдѣловъ науки. Мѣстныя преданія, сохранившіяся въ лѣтописяхъ, разсмотрѣны Буслаевымъ и Костомаровымъ. Мѣстныя преданія, живущія въ народѣ въ настоящее время, не только не подвергались научному изслѣдованію, но даже не собраны въ достаточномъ количествѣ. Собранный-же матеріалъ крайне разбросанъ въ книгахъ самаго разнообразнаго содержанія, въ описаніяхъ городовъ, въ путешествіяхъ, въ фамильныхъ запискахъ и мемуарахъ, въ историческихъ и статистическихъ изслѣдованіяхъ, въ разныхъ Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Собрать этотъ матеріалъ, при недостаткѣ у насъ спеціальныхъ библіографическихъ указателей, дѣло крайне трудное, а при скудныхъ провинціальныхъ книжныхъ средствахъ положительно невозможное. Волей-неволей приходится довольствоваться немногими крохами.

Изученіе мѣстныхъ преданій интересно преимущественно съ точки зрѣнія народной психологіи. По своему характеру и содержанію, мѣстныя преданія представляются болѣе достояніемъ исторіи литературы, имѣющей дѣло съ поэтическими вымыслами, чѣмъ достояніемъ бытовой и политической исторіи, отыскивающей въ прошломъ факты положительныя, дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и реальныя событія въ жизни народной.

Мѣстныя преданія, какъ предметъ интересный и важный въ научномъ отношеніи, заслуживаютъ спеціальнаго изслѣдованія, и здѣсь затронуты нами мимоходомъ, въ заключеніе статьи. Мы остановимся, въ двухъ-трехъ словахъ, только на той сторонѣ разсматриваемаго предмета, съ какой должно, по нашему мнѣнію, начаться

спеціальное и обстоятельное его изученіе: на группировкѣ мѣстныхъ преданій по мотивамъ, прежде всего психологическимъ, затѣмъ бытовымъ и литературнымъ. Прежде всего нужно узнать, какъ возникаетъ и развивается преданіе вообще, какимъ измѣненіямъ оно подвергается съ теченіемъ времени при условіи прогрессивнаго развитія внутренней жизни народа и его внѣшнихъ отношеній къ сосѣдямъ, и затѣмъ уже должно послѣдовать спеціальное изученіе малорусскихъ народныхъ преданій въ тѣсной связи съ исторіей и бытомъ самаго народа. При такомъ ходѣ научной работы мы узнаемъ общіе и частные элементы народныхъ преданій, затѣмъ элементы заимствованные и оригинальные. Тогда уяснится сущность и значеніе историческаго преданія вообще и степень участія, равно какъ и степень талантливости въ созданіи и развитіи преданій каждаго народа въ отдѣльности.

Мы намѣтимъ здѣсь три разряда мѣстныхъ преданій: одни образовались чрезъ подставку подъ мѣстное названіе сходнаго въ звуковомъ отношеніи личнаго имени (напр. объ основаніи Харькова козакомъ Харькомъ), другія возникли изъ комментарія мѣстнаго названія по противоположности (какъ вышеприведенное о с. Немировѣ), а третьи развились изъ психологическихъ мотивовъ; таковы преданія о Сумахъ, Золотоношѣ, Мошнахъ и Переяславѣ. Названіе послѣдняго произошло будто-бы отъ того, что на этомъ мѣстѣ, по свидѣтельству древней лѣтописи, русскій отрокъ Янъ Усмовичъ убилъ на поединкѣ печенѣжскаго великана и такимъ образомъ «перея славу» отъ печенѣговъ.

При сравнительномъ и критическомъ изученіи такого рода народныхъ преданій многія изъ нихъ останутся въ области вымысловъ и сказаній, но кое-что перейдетъ въ неотъемленную собственность фактической исторіи. Преданія, въ родѣ связаннаго съ окрестностями Никополя о воинственной дѣвицѣ Суркѣ, воевавшей съ Мамаемъ, или о богатомъ родѣ Чурилъ, связанныхъ съ двумя селами подольской губерніи, Куриловцами и Джуриномъ, сохранятъ интересъ для исторіи литературы, а преданія о разбойникахъ, связанныя съ названіемъ с. Могрицы харьковской губерніи или о древнихъ греческихъ поселенцахъ внутри Малороссіи, какъ напр. связанныя съ названіемъ м. Стеблева каневскаго уѣзда кіевской губерніи, окажутся не лишенными значенія для исторіи бытовой.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ВѢДЬМА.

(Полѣсскій разсказъ).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

V.

Бѣда дѣйствительно заглянула въ хату къ Петру, хотя и не сейчасъ и не такого рода, какъ ожидала Варка. Въ ясный октябрскій день обширная хата была полна людей, приходившихъ съ совѣтами и утѣшеніями. Не смотря на то, что Петръ Джурджа уже около двухъ лѣтъ не былъ старостою, онъ по прежнему продолжалъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ и симпатіями жителей Сухой Долины, благодаря своей обходительности, спокойной, серьёзной бесѣдѣ, а въ особенности, можетъ быть, благодаря своей зажиточности. Поэтому, чуть только вѣсть о постигшемъ его несчастьи разнеслась по селу, какъ тотчасъ-же начали заходить къ нему то тотъ, то другой хозяинъ, чтобы распросить о подробностяхъ, потолковать съ опечаленнымъ сосѣдомъ, повздыхать, покачать головою. Одинъ смѣнялъ другаго и посѣщенія были тѣмъ чаще, что лѣтнія и осеннія работы приходили къ концу, а гораздо легче оторваться на часокъ отъ цѣпа и тока, чѣмъ отъ плуга и нивы. Петръ послалъ младшаго сына молотить рожь въ *стодолѣ*, а самъ разсчитывалъ съ утра отправиться съ плугомъ въ поле вынахивать картофель. Но было уже около полудня, а онъ все еще не могъ вырваться изъ хаты. Онъ все время думалъ о картофелѣ, нѣсколько разъ уже открывалъ дверь, чтобы выйти запречь лошадь въ плугъ, но каждый разъ возвращался и снова садился у стѣны на лавкѣ. Онъ не жаловался вслухъ, не вздыхалъ даже, но очевидно

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., майск. кн., стр. 79—107.

у него пропала всякая охота къ дѣлу, руки безсильно опускались на колѣни, а морщины на лбу сдѣлались глубже. На привѣтствія каждаго входившаго сосѣда онъ отвѣчалъ краткимъ: «дай Боже здоровья!» и снова погружался въ молчаніе; по временамъ онъ подымалъ руку ко лбу, губы его начинали двигаться, какъ будто онъ хотѣлъ перекреститься и читалъ молитвы. Сосѣди становятся передъ нимъ или усаживаются на лавкѣ, предлагаютъ нѣсколько вопросовъ и, подивившись и покачавъ головою въ знакъ сочувствія, умолкаютъ, немного повздыхаютъ и уходятъ, уступая мѣсто новымъ посѣтителямъ. Такъ дѣлали мущины, но съ женщинами было совсѣмъ иначе. Онѣ толпою окружали «тапчанъ», на которомъ лежалъ больной Климъ, говорили, подавали совѣты и громко причитали надъ Ганкой, которая тихо плакала, сидя на полу возлѣ «топчана». Красиваго парубка подкосила какая-то сильная горячка, какъ траву косою Онъ лежалъ неподвижно какъ бревно, покрытый клѣтчатымъ килимомъ, съ лицемъ горящимъ, какъ въ огнѣ, и постоянно звалъ мать тихимъ, жалобнымъ голосомъ. Она приподымалась съ земли и, стоя на колѣняхъ, подносила къ его губамъ стоявшій тутъ-же «кухликъ» съ водою Климъ пилъ съ жадностью, а по ея блѣдному, пожелтѣвшему отъ горя лицу, катились слезы. Однако Ганка не кричала, не ломала рукъ и даже рѣдко обращалась къ сосѣдкамъ. Она всегда была одною изъ самыхъ тихихъ женщинъ въ селѣ, какою ужъ она привыкла быть со своимъ серьезнымъ мужемъ въ своей спокойной хатѣ. За то остальныя женщины, тѣсно окружившія тапчанъ, присматривались къ больному и шумѣли какъ на базарѣ, или причитали какъ на похоронахъ. Старая Лободиха, женщина спокойная и зажиточная хозайка, также, какъ и Ганка, утверждала:

— Не вытримае! вже знаю, що не вытримае; я вже не разъ, а може десять разивъ бачила людей у такій хвороби, и жаденъ не вытримавъ.

Ганка еще сильнѣе заплакала и, закрывъ лице руками, закачалась всѣмъ тѣломъ отъ жалости, а жена Максима Бод-

рука, Хвеська, крѣпкая, бойкая баба, оттолкнувъ отъ танчана предсказывавшую несчастье сосѣдку, въ свою очередь заговорила:

— Чому не витримае? чи то вже милости Божои нема до гришныхъ людей? Господь ще змилуеться и поздоровить ёго. Гапко! Дайте лишень швидче глечика. Чуете, Гапко? треба ему глечика кинути до живота.

Семенова Параска съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ и съ двумя старшими, уцѣпившимися ей за платяе, вѣчно плаксивая, потому что почти постоянно была голодна и въ хлопотахъ, размазывала пальцами слезы на худыхъ щекахъ и причитала:

— Ой, таки багати та щасливи люде, а таки спиткала ихъ лиха година! Ой, Климку, краще-бъ ты бувъ не ûхавъ на той лугъ, не змокъ бы ты бувъ на тому дощи, та не спавъ на тій гнилій копыци! Ой, зъ теи гнилои копыци вылизла та хвороба, та до тебе въ тило влизла... Ой, бидна-жъ твоя головонька молода, бидна!

Дѣйствительно, за нѣсколько дней передъ тѣмъ Климъ ѣздилъ на довольно отдаленный лугъ за скошенной раньше отавой, дорогою промокъ подъ проливнымъ осеннимъ дождемъ и проспалъ ночь на стогу загнившагося отъ сырости сѣна. Воротившись домой, онъ надѣлъ кожухъ, его трясла лихорадка; но на слѣдующій день сельскіе парубки отправились ловить рыбу въ пруду. Климъ пошелъ вмѣстѣ съ ними, раздѣлся на берегу и часа два пробылъ почти по плечи въ водѣ, помогая тянуть неводъ. Послѣ того онъ слегъ и уже два дня не вставалъ съ танчана. Онъ былъ въ полной памяти, по временамъ только жаловался на разныя боли, а теперь такъ застоналъ, что старая Лободиха сложила руки, какъ-бы для молитвы и, переступая съ ноги на ногу, спросила Гапку:

— А чи есть у васъ страстна свичка? Вже-бъ ёму бидолашному дати свичку въ руки.

Бодручиха съ своей стороны требовала «глечика», который хотѣла поставить на животъ больному, другія женщины поговаривали шопотомъ о священникѣ и причастіи; молоденькая,

смуглая дѣвушка въ тонкой рубахѣ, съ жолтымъ цвѣткомъ за ухомъ, стоявшая у окна и не сводившая глазъ съ больнаго, громко простонала:

— Ой! Боже-жъ мій, Боже!

Это была дочь Максима Бодрука, самая красивая и богатая дѣвушка въ селѣ, которая пришла сюда будто-бы за матерью, но въ дѣйствительности вслѣдствіе безпокойства о здоровьи Клима и теперь, молча, въ смущеніи стояла у окна. Заливаясь слезами, Гапка поднялась съ полу и вышла въ комору за кувшикомъ, потомъ достала изъ-за образовъ страстную свѣчку, а флегматичная Параска, не отступавшая отъ нея ни на шагъ, шла за нею со своими тремя дѣтьми и продолжала повторять съ упрямствомъ недалекихъ и флегматичныхъ существъ:

— Ой, якъ-бы таки винъ бувъ не їхавъ на той лугъ, на тимъ дощи не змокъ, та не спавъ на тій гнилій копыци...

Вдругъ, за спиною Гапки, которая, подавши Бодручихѣ глечикъ, снова усѣлась на землѣ у ногъ сына съ кускомъ восковой свѣчки въ рукахъ, раздался громкій, рѣзкій, шипящій женскій голосъ, покрывшій собою разговоры всѣхъ остальныхъ женщинъ:

— Але! Або-жъ то одъ лугу, або одъ дощу, або видъ копыци та хвороба ёму зкоилась? Вона зъ чого иншого прыйшла на ёго и на те вже не Божа воля, а чія инша!

Это говорила Варка, которая уже нѣсколько разъ въ теченіи дня врывалась въ хату и, поглядѣвъ съ минуту на больнаго, уходила, чтобы воротиться снова черезъ часъ или и того меньше. По ея разгорѣвшейся и подвижной физіономіи легко было замѣтить, что она была чѣмъ-то сильно удивлена и озабочена. Она ожидала совсѣмъ не того, что случилось. Выйдя за ворота Петровой хаты, она останавливалась и, приложивъ палецъ ко рту, погружалась въ глубокое раздумье. Потомъ спѣшила домой приготовлять обѣдъ и хоть немного натрепать льна; а это было какъ разъ время трепать ленъ, Варка же очень любила ленъ и, не смотря ни на что, не могла вполнѣ забыть о немъ. При томъ-же и Степанъ, молотившій жито, раза два уже

кричалъ ей черезъ дверь клуни, чтобы она не отлучалась изъ дому, потому что скоро пойдетъ съ нимъ въ поле собирать картофель. Въ этотъ день она просто разрывалась на всѣ стороны. Тутъ хотѣлось трепать ленъ, тамъ звалъ мужъ. а тамъ опять нужно бѣжать къ Петру. уладить важное дѣло. Однако, это дѣло занимало ее больше всего на свѣтѣ; поэтому она еще разъ появилась въ Петровой хатѣ и, услышавши догадки о причинахъ болѣзни, не вытерпѣла и снова заговорила.

— Але-жъ то не одъ лугу, ани одъ дощу, ани зъ гнилои копыци прыйшла на ёго та хороба! И не Божа въ тимъ воля, а чіясь инша.

А когда всѣ присутствующія женщины. не исключая и Бодручихи, стоявшей уже надъ больнымъ съ глечикомъ въ рукахъ, обратили къ ней глаза, она сложила на передникѣ свои загорѣлыя, небольшія, подвижныя руки и проговорила многозначительно:

— То наслано!

— Що? спросили женщины въ одинъ голосъ.

— А тая-жъ хвороба! то ёму хтось поробивъ.

Теперь уже и самъ Петръ и нѣсколько сидѣвшихъ противъ него мущинъ начали прислушиваться къ бабьимъ толкамъ; даже больной обратилъ къ говорившей вопросительный взглядъ помутившихся отъ болѣзни, но все еще сознательныхъ глазъ.

— А—а! съ удивленіемъ произнесло нѣсколько женскихъ голосовъ, а хто-жъ то такій поробивъ?

Варка заговорила, сверкая глазами и переступая съ ноги на ногу:

— Я знаю хто. Це та, що ёму яке-сь зилля давала на любощи. Мабуть не таке воно було, якъ треба, то й замисть коханія зробило хворобу.

Нѣсколько мущинъ пренебрежительно махнули рукою, а Климъ взглянулъ на Варку и, не смотря на боль, засмѣялся короткимъ смѣхомъ, въ смущеніи пряча бороду подъ одѣяло. Его немного смущало, но еще больше радовало извѣстіе о томъ, что кто-то хотѣлъ причаровать его. Онъ тотчасъ застоналъ отъ

сильной боли, но все таки устремилъ мутный взглядъ на красивую Бодрукивну, какъ будто хотѣлъ сказать: а що? бачишъ, якій-то я?—Но молодая дѣвушка, блѣдная отъ страху, не сводила съ Варки испуганныхъ глазъ. Другія женщины, сперва молча раскрывшія ротъ при такомъ неожиданномъ извѣстіи, теперь засыпали ее вопросами. Между тѣмъ Варка, съ свойственной ей живостью, обратилась къ Петру:

— Ходи, Петре, я тоби скажу. Никому не скажу, тилько тоби. Ты батько, то ты й повиненъ помстити кривду свого сына.

Петръ всталъ и вышелъ за нею въ сѣни; тамъ они бесѣдовали въ полутьмѣ цѣлыхъ четверть часа. Въ избѣ между тѣмъ воцарилась тишина; Бодручиха тѣмъ временемъ приставила «глечикъ» къ животу больнаго, какъ бы огромную банку. На дворѣ послышался мужской голосъ, нетерпѣливо звавшій Варку, которая крикнула изъ сѣней: «заразъ! заразъ»! и продолжала разсказывать свое. Остановившись съ плугомъ, запряженнымъ парою лошадей, передъ хатою двоюроднаго брата, Степанъ не могъ дождаться жены и ругалъ ее, какъ только могъ. Только черезъ четверть часа вернулся Петръ въ хату, видимо встревоженный и разгнѣванный. Морщины на лбу его сдѣлались еще глубже, а всегда кроткіе глаза сверкали изъ подъ сдвинутыхъ нахмуренныхъ бровей. Сперва онъ ничего не говорилъ, молча вошелъ въ хату и сгорбившись, свѣсивъ голову, сѣлъ на лавкѣ, плюнулъ и проворчалъ:

— Згинь, пропади, нечиста сило!

Потомъ устремилъ на сына испытующій взглядъ и спросилъ:

— Климе! чи ты пивъ недавно медъ зъ Приською, Яковововою внукою? га? Пивъ, чи ни? Кажи-жъ бо!

Молодому человѣку не легко было отвѣчать на подобный вопросъ въ присутствіи такой многочисленной публики; онъ смѣшался и закрылъ ротъ одѣяломъ.

— Не докучайте, тату, и такъ вси кистки болять.

— Я й не хочу докучати, а такъ для видомосты питаюсь, возразилъ Петръ и прибавилъ почти съ просьбою въ голосѣ:

— Я тебе по батькивськи питаю, чи ты пивъ медъ въ корчми зъ Яковововою Приською.

Красавица Бодрукивна вся вспыхнула при первомъ вопросѣ; она знала, что Климъ затрогиваетъ бѣдную Приську, и не разъ уже хотѣла серьезно разсердиться на него за это, но никакъ не могла: въ характерѣ ея совсѣмъ не было гнѣва. Она опять отвернулась къ окну и громко высморкалась въ пальцы, а затѣмъ слушала со вниманіемъ, что будетъ дальше.

— Ну, пивъ, чи ни? допрашивалъ Петръ сына

— Пивъ, жалобно отвѣчалъ Климъ, тай що зъ того, що пивъ!

Петръ въ отчаяніи махнулъ рукою.

— Ну, такъ ты-жъ зъ тимъ медомъ и свою хворобу выпивъ. Дивка тоби паскудного зилля туды всыпала. На смерть, а не житте, на пропаще, а не на любощи дае видьма людямъ тее зилля.....

Женщины всплеснули руками при этихъ словахъ; измученные и заплаканные глаза Ганки съ выраженіемъ испуга смотрѣли на говорившаго.

— Видьма! вскрикнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Ковалиха! докончилъ Петръ сквозь зубы, всталъ съ мѣста и черезъ минуту снялъ съ полки то самое евангеліе, съ помощью котораго Василина когда-то открыла вора. Подойдя къ больному, отецъ перекрестилъ его и положилъ святую книгу надъ самой его головой на подушкѣ, говоря въ полголоса;

— Ще може Господь змилуеться надъ нами нещасными. Може Божа сила ще подужае нечистую силу. Може ты, сынку, й одужаешъ и самъ одплатишъ за свою кривду тій непріятельци людській! Може я ще по весни пойду зъ тобою разомъ у поле орати; може я еще дижду на твое весилля подивитись....

Петръ не переставалъ крестить сына, прижималъ къ его головѣ святую книгу, и нѣсколько крупныхъ слезъ скатились изъ глазъ его по блѣднымъ, продолговатымъ щекамъ. Климъ былъ сильно встревоженъ и пораженъ этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ; жаръ сильнѣе бросился ему въ голову, глаза загорѣлись горячечнымъ блескомъ, онъ начиналъ терять сознаніе, страшно сто-

налъ и сыпалъ проклятіями. Женщины съ своей стороны подняли крикъ и плачъ, вопили, что все уже кончено, что нужно посылать за священникомъ, что больной даже и не дождется священника и т. д. Лободиха зажгла восковую свѣчку и вложила въ руку больному; Бодрукивна бакъ стояла у окна, такъ и упала на колѣни и заголосила съ громкимъ плачемъ:

— Царство небесне, вичный спокій пошли Господи іого душеньци!

Петръ совсѣмъ потерялъ голову и шелъ уже запрягать лошадь, чтобы ѣхать за священникомъ, а идучи весь дрожалъ отъ тоски и злости и сквозь сжатые его зубы вырывались страшныя проклятія:

— Щобъ ій руки й ноги поламало! Бодай вона за слизьми свиту Божого не бачила, та видьма проклята, непріятелька Божа, христіяньска душа, нечистій сыли запродана!

Увидѣвъ въ рукахъ у сына зажженную свѣчку, Ганка пронзительно вскрикнула въ первый разъ, съ быстротою молніи накинула платокъ на растрепанную голову и опрометью бросилась изъ хаты. Сначала она бѣжала по улицѣ, потомъ своротила на ту узкую тропинку, которая между клунями и плетнями огородовъ вела къ жилищу кузнеца.

Стояли ясные дни бабьяго лѣта. Блѣдно-голубое небо, возвышавшееся надъ землею, было такъ чисто, что нигдѣ нельзя было замѣтить ни малѣйшаго облака. Разбросанные на пригоркахъ лѣски стояли всѣ въ золотѣ со всевозможными оттѣнками пурпура, а воздухъ, проникнутый рѣзкой, сухой прохладой, былъ такой тихій и чистый, что даже самый легкій вѣтерокъ не колыхалъ серебристой паутины, покрывавшей вѣтки деревьевъ, полевые кустарники и стебли огородныхъ растеній; весь горизонтъ казался круглымъ щитомъ, украшеннымъ рельефною рѣзьбою и покрытымъ пеленою изъ самаго прозрачнаго хрусталя. Въ чистомъ, прозрачномъ воздухѣ, при кроткомъ солнечномъ свѣтѣ, между вспаханной нивой и огородомъ, полнымъ сухихъ стеблей, жилище кузнеца представляло образецъ глубокаго спокойствія, нѣсколько оживленнаго блестящими на солнцѣ окон-

ными стеклами. Тишина обнимала поле и огородъ, бѣлѣющую за огородомъ полосу песку и за нею серебристую поверхность пруда; только два отголоска людскаго труда нарушали тишину: мѣрные, отрывистые, сильные удары кузнечнаго молота и такой-же мѣрный, но болѣе частый и менѣе громкій стукъ трепавшей ленъ *терлыци*. Этотъ послѣдній звукъ, казалось, вторилъ первому, а тяжелые удары молота и частый стукъ *терлыци*, дымъ, вьющійся надъ трубою хаты и пламя, сверкавшее въ открытыя двери кузницы, раздававшіеся въ саду дѣтскіе голоса и по временамъ громкое пѣніе пѣтуховъ,—все это на фонѣ окружающей природы сливалось въ одну кроткую, спокойную гармонію, какъ образецъ чистой, здоровой, трудовой жизни.

Михайло починялъ въ кузницѣ поврежденные осеннею занашкою плуги, Оксана сидѣла въ саду на сухой травѣ подъ пожелтѣвшей уже яблонею, грѣя свои старыя кости при послѣднихъ теплыхъ лучахъ осенняго солнца, а возлѣ нея Стецько, къ великому удовольствію двухъ младшихъ дѣвочекъ, изо всей силы дулъ въ деревянную «сопилку», издававшую пискливые, пронзительные звуки. Въ хатѣ, нѣсколько затемненной низкимъ потолкомъ, занавѣсками изъ цвѣтнаго ситцу и нѣсколькими вазонами съ геранью, миртой и мышкой на окнахъ, никого не было, кромѣ спящаго въ люлькѣ малютки. На полу, на лавкахъ, скамьяхъ, даже на трехъ парадныхъ стульяхъ—вездѣ возвышались темные остроконечные сноники вымоченнаго и высушеннаго льна, одинъ уголъ просторныхъ сѣней наполняли почти до потолка бѣловатыя головы капусты. Не напрасно эти послѣдніе дни ясной, солнечной погоды называются бабьимъ лѣтомъ; въ это время на сельскую работницу сыплется цѣлый градъ всевозможныхъ работъ.

Василина въ этотъ день отъ самаго разсвѣта срѣзывала капусту въ огородѣ и сносила домой, а теперь поставила передъ хатой продолговатую, узкую терлыцю, положила въ нее льну и, ударяя его доскою, снабженной ручкою, отдѣляла мягкія волокна растенія отъ ихъ твердой и сухой оболочки. Одѣ-

тая въ толстую рубаху и нѣсколько приподнятую юбку, босая, въ кругломъ очипкѣ изъ красной китайки, изъ-подъ котораго выбивались пряди густыхъ, темныхъ волосъ, она все чаще и чаще ударяла доскою терлыци, а сухая кострика подымалась въ воздухѣ, сыпалась на ея одежду и окружала ее всю золотистою отъ солнца пылью. Работа была тяжелая; Василина быстро и тяжело переводила дыханіе, задыхаясь отъ сухой пыли, крупныя капли пота покрывали ея лице и лобъ, а на рукѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ выступила кровь. Не смотря на то, она ни на минуту не прерывала работы и такъ погрузилась въ нее, что не слышала ни скрипа отворявшихся воротъ небольшаго дворика, ни быстрыхъ шаговъ приближавшейся къ ней женщины и тогда только подняла голову, когда охрипшій отъ слезъ и гнѣва женскій голосъ произнесъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея:

Чортъ тоби поможи! Бодай ты зъ того лёну смертельни сорочки соби, та своимъ дитямъ [1]) поткала!

Василина подняла голову и глаза ея встрѣтились съ сверкающими глазами Гапки; она выпрямилась, а руки безсильно опустились вдоль тѣла Ее видимо поразило такое привѣтствіе. Приська еще на канунѣ прибѣгала къ ней съ извѣстіемъ о болѣзни Клима. Василина готова была тотчасъ-же бѣжать къ своимъ бывшимъ хозяевамъ навѣстить ихъ, узнать, что тамъ дѣлается. утѣшить, помочь, если можно, но знала, что тамъ дурно отзываются о ней и совсѣмъ не желаютъ ея прихода. Теперь Гапка пришла сама и начала съ проклятій. Непривычная къ брани и крику, несчастная мать, съ похудѣвшимъ и пожелтѣвшимъ лицемъ, и теперь не металась передъ нею, какъ бы сдѣлала другая, напротивъ, почти неподвижно стояла передъ Василиною, въ своихъ плоскихъ башмакахъ, съ большимъ платкомъ на головѣ и только смотрѣла на нее свирѣпымъ взглядомъ. Эта неподвижность, этотъ устремленный на нее взглядъ, эти проклятія —все это вмѣстѣ произвело на Василину такое впечатлѣніе, что она ахнула и отступила на нѣсколько шаговъ, какъ передъ привидѣніемъ.

— Чого хочете, титко? простонала она.

Теперь Ганка закивала головою и, словно ей не хватало уже дыханія, чтобы говорить дальше, повторила нѣсколько разъ:

— Ой ты! ой ты! ой ты!

— Ой ты нечестива! разразилась она наконецъ.—Тожъ ты стильки литъ нашъ хлибъ ûла, тожъ мы тебе, неначе що добре, любили й голубили... За що-жъ ты намъ теперъ сына отруила?.. га?

Василина всплеснула руками.

— Я вамъ сына отруила? я!

Ганка выступила впередъ и приблизилась къ ней такъ, что ихъ раздѣляла только узкая *терлыця*. Вытянувъ шею, она впилась въ лице молодой женщины ядовитымъ, сверкающимъ взглядомъ. Слова вырывались изъ устъ ея съ протяжнымъ шипѣніемъ.

— Що ты ёму поробила? Скажи, що поробила? яке зилля давала тій дивци, щобъ ёго напоити? Може не давала? га? Скажи, що не давала! Збреши, що тоби пошкодить? Ты вже все едно й такъ пропаща, чортови запродана, Бога зневажати вже не боишся! Скажи, що не давала!

Раскраснѣвшееся отъ работы лице Василины загорѣлось огненнымъ румянцемъ.

— Ага! вскрикнула она, ломая руки.

Теперь она поняла, почему въ Петровой хатѣ приписывали ей болѣзнь Клима, и внезапный страхъ сдавилъ ей сердце, усиленно забившееся въ груди.

— А може воно й одъ того зилля, може винъ и справди зъ того зилля заслабъ, думала Василина.

И слезы набѣгали на ея испуганныя глаза; она отвернулась и стояла нѣмая и неподвижная, какъ пень.

— Ага! крикнула Ганка въ свою очередь, не побожишся, що не давала! Бо таки й дала! Я вже по тоби бачу, що дала, и що все те правда, що казала Варка. Ну, коли-жъ такъ, такъ одроби заразъ, що поробила! чуешъ? Дай що небудь, щобъ выгнати ёму отруту зъ тила! Коли ты видьма, такъ ты уже зна-

ешъ... Коли ты на лихо можешъ поробити, такъ и на добре можешъ... Одроби, що поробила! Чуешь? одроби...

Протянувъ обѣ руки надъ терлицею, она дергала молодую женщину за рукавъ рубашки, а въ глазахъ ея вмѣстѣ съ гнѣвомъ и ненавистью появилось выраженіе тревоги и просьбы; она продолжала повторять то съ ненавистью, то съ просьбою въ голосѣ:

— Знаешъ, можешъ... Якъ поробила, такъ и одроби...

Василина рванулась, освободила свой рукавъ и простонала, ломая руки.

— Що я можу зробити?.. одчепиться вы одъ мене...

Тогда Ганка, хотя и ослабѣвшая отъ слезъ и горя, съ быстротою серны подскочила къ ней, опустилась на землю и обняла ея колѣни.

— Василино! миленька, голубочка! порятуй ёго! Дай ёму що небудь, щобъ та отрута выйшла ёму зъ тила... Ты-жъ сама ій давала, якъ поробила, такъ и одроби... я тоби за те усёго дамъ... чого тилько схочешъ... и лёну дамъ, и вовны, и яець, и полотна, и грошей, коли схочешъ; мы зъ Петромъ нічого не жалкуватимемъ... тилько одроби, що поробила... нехай винъ зостанеться на свити, нашъ голубчикъ миленькій, наша помичъ и падія при старости... Ты знаешъ... Ивась все одно що никчемный... А цей наша права рука... найкращій нашъ робитникъ... Порятуй ёго! ты знаешъ, можешъ .. якъ наслала, такъ и одроби...

Она обнимала ея колѣни, цѣловала край ея платья. Это материнское горе и отчаянныя просьбы были настоящею пыткою для Василины; вѣдь она и сама была матерью, а съ этою женщиною прожила когда-то столько лѣтъ въ пріязни и согласіи. Она схватилась за голову и заголосила:

— Ой, Боже-жъ мій, Боже! що-жъ мени теперъ почати? Не робила я и одробляти не можу...

Ганка поднялась съ колѣнъ и переспросила шипящимъ голосомъ:

— Не робила! Може й побожишься, що не робила?

Василина опять отвернулась отъ нея и онѣмѣла. Въ головѣ у нея стало темно, какъ въ осеннюю ночь и только вихремъ мѣшались слова.

— И поробила, и не поробила... Може воно й не зъ того, а може и зъ того...

Не въ силахъ будучи дольше выносить этой пытки, она отскочила отъ угрожавшей ей снова женщины и крикнула на половину съ жалостью, на половину съ гнѣвомъ:

— Одчепиться, титко!.. Чого вы одъ мене хочете?.. Идить за порадою для сына до якои знахарки, а не до мене!

Тогда Гапка окончательно вспыхнула и назвала ее вѣдьмою безчисленное множество разъ. Она даже не слишкомъ и проклинала, потому что не имѣла ни привычки, ни опытности въ этомъ дѣлѣ; она только призывала гнѣвъ Божій на голову Василины и ея дѣтей и угрожала местью Петра и всѣхъ «шановныхъ» людей.

— Чекай! чекай! говорила она, стиснувъ зубы и потрясая кулаками; колись буде тоби одъ людей за вси наши кривды, и чортъ, твій пріятель, не вырятуе тебе, якъ прыйде кара людська на твою голову...

И вдругъ, вспомнивъ, что пока она тутъ бранится съ вѣдьмою, дома сынъ ея лежитъ, можетъ быть, уже мертвый, она схватилась обѣими руками за голову, выбѣжала со двора и помчалась обратно въ село, а Василина, гдѣ стояла, тамъ и опустилась на землю и горько заплакала, закрывъ лице руками. Однако-жъ она плакала не долго. Въ хатѣ послышался писк проснувшагося ребенка, Василина вскочила и побѣжала въ хату. Тамъ она нѣкоторое время кормила и забавляла ребенка; слышно было, какъ она нѣжно заговаривала къ нему, напѣвала ему пѣсеньки и прерывала ихъ короткимъ смѣхомъ и громкими поцѣлуями. Очевидно, ребенокъ смѣшилъ ее своимъ лепетаніемъ и движеніемъ своихъ маленькихъ ручекъ привлекалъ ея уста для поцѣлуя. Потомъ послышался мѣрный скрипъ люльки и скоро въ хатѣ воцарилась тишина. Абрамко опять уснулъ, а Василина вышла съ узломъ вымытаго бѣлья на плечахъ. Погода

была прекрасная, нужно было до вечера выполоскать бѣлье въ пруду.

Всего шаговъ двѣсти отдѣляло послѣднія жилища Сухой Долины отъ небольшаго пруда. По одну сторону его разстилалась та полоса песку, на которой когда-то, по совѣту старой Оксаны, проводилъ цѣлые дни больной сынъ Петра Джурджи; далѣе окаймляла его полукругомъ узкая полоса луговъ, за которыми чернѣли вспаханныя поля, раскинувшіяся на ближайшихъ пригоркахъ. Лугъ этотъ уже съ давнихъ поръ былъ обращенъ подъ выгонъ для скота. Въ лѣтнее время берегъ пруда по другую сторону представлялъ густую чащу зелени, откуда раздавалось громкое щебетаніе птицъ и кваканье лягушекъ; среди зелени пестрѣли цвѣты голубые, розовые и желтые, красныя ягоды калины, а надъ водою свѣшивались длинныя вѣтки вербы между которыми бѣлѣли стволы высокихъ березъ. Теперь на берегу подъ березами, выдѣлявшимися на голубомъ фонѣ неба какъ тонкія, рѣзныя колонны, подъ красноватыми, вѣчно дрожащими осинами, подъ вербами, полоскавшими въ водѣ свои сѣдыя вѣтви, на сухой травѣ, трещавшей подъ ногами и усѣянной опавшими листьями и сѣрымъ пухомъ репейника, нѣсколько десятковъ женщинъ наклонялись надъ тихою, гладкою поверхностью воды. Онѣ стирали или полоскали уже вымытое дома бѣлье, а отголосокъ ихъ разговоровъ и мѣрные, сухіе удары вальковъ далеко разносились по пустыннымъ полямъ. На полѣ, сколько глазомъ окинуть, видно было только двѣ человѣческія фигуры; мущина шелъ за плугомъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него шла женщина, которая собирала въ передникъ выкопанный картофель и ссыпала въ положенные на бороздахъ мѣшки. Нива, на которой работали эти люди, прямо примыкала къ выгону. То были Степанъ Джурджа и его жена. Грустная это была пара. Онъ шелъ молча, угрюмо, едва склонивъ надъ плугомъ свою сильную фигуру, и только время отъ времени протяжнымъ басомъ покрикивалъ на лошадей: «гоо! гоо! гоо!» Она такъ наклонилась, что смуглое лицо ея почти доставало до земли, иногда прямо на колѣняхъ ползала по нивѣ, разгребая

руками темный песокъ, а ея гибкая, худощавая фигура напоминала по временамъ ползающаго по нивѣ червяка. Однако эта совмѣстная работа съ мужемъ, хотя и тяжелая, очевидно не была непріятною для Варки, потому что она, ни на минуту не прерывая работы, по временамъ обращалась любезнымъ тономъ къ проходившему возлѣ нея мужу

— Отъ, хвалити Бога! бульба цёго року якъ та рипа здорова!

Въ другой разъ она заговаривала опять:

— Цикаво, якъ-то тамъ Климъ? чи вже вмеръ, чи ще животіе?

Или еще:

— Степане! треба-бъ у недилю поихати до церкви, тай хлопця съ собою узяти и молебень одправити; може-бъ винъ таки здоровишій ставъ...

Но Степанъ не отвѣчалъ ни слова, какъ будто и не слышалъ того, что говорила жена, а между тѣмъ въ ея голосѣ, всегда рѣзкомъ и раздраженномъ, на этотъ разъ звучали сердечныя ноты. Она затрогивала мужа, вызывала его на разговоръ, разъ даже засмѣялась и, стоя на колѣняхъ на землѣ, бросила ему въ спину картофель. Онъ только обернулся, что-то проворчалъ сквозь зубы и продолжалъ нажимать плугъ, угрюмо покрикивая на лошадей: »нуу!» Правда, онъ не разсердился, но и не сказалъ добраго слова, и лице его не прояснилось. Женщина опять наклонилась къ землѣ и молча, печально продолжала ползать по нивѣ. Вдругъ она подняла голову. Степанъ, стоявшій теперь лицемъ къ пруду, остановилъ лошадей и, какъ будто поправляя что-то возлѣ плуга, смотрѣлъ въ ту сторону, откуда подходила къ пруду женщина съ мѣшкомъ мокраго бѣлья на спинѣ. Онъ съ такимъ напряженіемъ смотрѣлъ на эту женщину, что всѣ мускулы и морщины на его лицѣ сгладились, лице озарилось блаженной, нѣсколько наивной улыбкой. Глаза Варки устремились въ ту-же сторону; въ приближавшейся женщинѣ она сразу узнала Василину и взвизгнула какъ-бы отъ прикосновенія раскаленнаго желѣза.

— Чого ставъ, якъ той пень! крикнула она мужу и, все болѣе и болѣе возвышая голосъ, заставляла его идти дальше. Мученіе

всей ея жизни, страшное мученіе—ревность, снова овладѣло ею и пробуждало въ ней бѣшеную злость.

Между тѣмъ Василина подошла къ стоящимъ въ водѣ женщинамъ и привѣтливо поздоровалась съ ними. Только одинъ голосъ, и то какъ-то тихо, несмѣло отвѣчалъ ей взаимнымъ привѣтствіемъ. То была молодая Лободиха, которая, какъ невѣстка одною изъ самыхъ достаточныхъ хозяевъ въ селѣ, любимая мужемъ и цѣлою семьею, одна только рѣшилась, хотя и несмѣло, выразить ей свое расположеніе. Иныя женщины, какъ-бы не замѣчая Василины, молча продолжали работу, другія поднимали голову и осматривали ее взглядомъ, въ которомъ любопытство и робость смѣшивались съ отвращеніемъ и гнѣвомъ.

Василина уже хорошо понимала, что все это значило и стала въ сторонѣ подъ развѣсистой вербой, у подножія которой плавала привязанная къ ней лодка. На этой лодкѣ ѣздили обыкновенно сельскіе парубки, когда ловили плотичекъ и карасей, не рѣдко также и женщины, жившія по ту сторону пруда, переправлялись въ ней для сокращенія пути. Василина расположилась возлѣ лодки, опустила въ воду принесенное бѣлье и начала полоскать его и выбивать валькомъ, какъ и всѣ остальныя, что не мѣшало ей однако слышать разговоры своихъ сосѣдокъ. Сперва онѣ потихоньку перешептывались между собою, но это не могло долго продолжаться—развѣ могли онѣ долго сдерживать свои чувства и въ особенности языки. Вскорѣ заговорили уже во весь голосъ; говорили, разумѣется, о томъ, что составляло злобу дня въ цѣломъ селѣ, о болѣзни Клима Джурджи и ея причинахъ. Разсказывали, что Петръ поѣхалъ уже за священникомъ, что больному два раза уже давали въ руки зажженную восковую свѣчку, что мать чуть жива отъ горя, что если умретъ Климъ, все хозяйство Петра пойдетъ прахомъ, такъ какъ самъ онъ скоро состарѣется, а младшій сынъ, какъ извѣстно, слабоумный и неспособный.

— Ой, бидни, бидни, нещасни люде! вздохнуло нѣсколько голосовъ, а одна изъ женщинъ завела громче другихъ медленнымъ, протяжнымъ голосомъ:

— Бодай ёму добра не було, тому, хто це поробивъ! Щобъ винъ усихъ дитей своихъ поховавъ и себе занапастивъ за людську кривду!

Говоря это, Параска изъ подлобья посматривала на Василину.

— Дывиться, прибавила она черезъ минуту, чому-се Ковалиха не убралася нынька въ куповану спидныцю, та въ каламайкову хустку.

Ахъ, эта покупная юбка и полушелковый платокъ, въ которые иногда наряжалась Василина, давно уже не давали покою Параскѣ, полоскавшей теперь въ водѣ старое, изношенное бѣлье своего семейства!

Вдругъ по полю пронесся громкій и рѣзкій крикъ двухъ голосовъ. Женщины подняли смѣхъ. Это Степанъ Джурджа опять подрался съ женою. Теперь они дрались уже такъ часто, что въ однихъ возбуждали смѣхъ, для другихъ были предметомъ суровой укоризны. На этотъ разъ изъ долетавшихъ словъ можно было понять, что дѣло шло о какомъ-то мѣшкѣ для картофеля, за которымъ Степанъ посылалъ жену домой Точно-ли мѣшокъ былъ причиною ссоры? Можетъ быть, ему просто хотѣлось въ эту минуту удалить жену прочь съ глазъ, а она именно въ это самое время ни за что не хотѣла оставить его одного. Боже, какою она чувствовала себя несчастною! Казалось, это чувство подымало ее надъ землею, такъ быстро бѣжала она къ пруду, размахивая руками. Она бѣжала прямо на Василину, которая стояла, наклонившись надъ водою, и толкнула ее всѣмъ тѣломъ съ такою силою, что та зашаталась и едва успѣла ухватиться руками за вѣтки вербы, чтобы не упасть. Обезумѣвшая отъ ревности и боли, Варка разразилась градомъ ругательствъ противъ той, кого считала своею соперницею; среди множества самыхъ грубыхъ выраженій чаще всего повторялось слово *видьма*. Василина сразу сдѣлала такой жестъ, какъ будто первымъ ея побужденіемъ было броситься на нападающую женщину и отплатить за всѣ ея оскорбленія; однако видно было, что ее тотчасъ же охватилъ стыдъ передъ дракой, а гнѣвъ пе

решелъ въ печаль и тревогу, отъ чего румянецъ сбѣжалъ съ ея лица. Она снова наклонилась къ водѣ и пыталась стукомъ валька заглушить крики Варки, которая металась вокругъ нея, грозя кулаками и осыпая ее градомъ брани и проклятій. Нѣкоторыя изъ присутствующихъ женщинъ громко смѣялись и шутили какъ надъ нападающей, такъ и надъ ея противницею, другія пожимали плечами, отплевывались и, указывая на Варку, называли ее *скаженою*, *гадиною*, *злюкою*. Нашлись однако и такія, которыя открыто приняли сторону Василины. Молодая Лободиха крикнула Варкѣ, что та несправедливо нападаетъ на Ковалиху, которая и смотрѣть не хочетъ на ея мужа, а не то что... Одна изъ Бодручихъ, невѣстка старосты, даже дергала ее за платье и серьезно выговаривала ей за ея злость и бѣшенство. Впрочемъ, все это ни къ чему не привело, пока Варка не увидѣла мужа, бѣжавшаго къ ней съ тѣмъ самымъ кнутомъ, которымъ погонялъ лошадей. Тогда она бросилась бѣжать въ село, крича и размахивая руками по воздуху, какъ раненая птица крыльями. Долго еще раздавались ея рѣзкіе, отчаянные крики, переплетаемые бранью и угрозами по адресу Василины.

О тамъ дѣлалось дальше около пруда, этого Василина не видѣла и знать не хотѣла. Она работала, не подымая глазъ, ей становилось и стыдно, и страшно передъ людскими взглядами. Она рада бы никогда не видѣть этихъ женщинъ, которыя, подивившись и потолковавши еще немного, собирали свое бѣлье на берегу и возвращались въ село то группами, то поодиночкѣ. Вскорѣ воцарившаяся надъ прудомъ тишина дала ей понять, что всѣ уже разошлись. Тогда она выпрямилась и, поднявъ глаза, увидѣла Степана, который сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея на срубленномъ пнѣ подъ красноватою осиною, опершись локтями на колѣни, опустивъ голову на руки, и глазъ не сводилъ съ нея. Василина отвернулась отъ него и начала молча складывать въ лодку выжатое бѣлье. Онъ тотчасъ заговорилъ:

— Давно вже я тебе не бачивъ, Василино, и не розмовлявъ зъ тобою. Отъ вже рикъ мабуть буде, якъ ты мене выпхала

зъ своеи хаты, ще й двери за мною замкнула. Я вже зъ того часу не приходивъ до васъ и ниде тебе не зачипавъ...

— Бо й не треба! сердито проворчала женщина, наклонившись надъ лодкою.

— Треба, чи не треба, а такъ вже воно стало... такъ вже ты мени поробила, що де ты, тамъ и мое серце и вся моя думка... Коли не хотила, щобъ такъ було, то на що жъ робила... чи то на вичну мою недолю робила? Га?

На этотъ разъ Василина обратила къ нему лице съ испуганными и вмѣстѣ разгнѣванными глазами.

— Якъ-бы знала я що робити, то була-бъ таке що небудь поробила, щобъ николи тебе, Степане, и не бачити, николи, ажъ поки на свити житиму. Отъ-бы я що зробила, коли-бъ знала, якъ робити, але хочъ вы уси видьмою мене прозываете, не знаю, па свое вичне нещастя не знаю!

И начала опять складывать бѣлье въ лодку, румяныя щеки ея надулись, какъ у сердитаго ребенка, на глаза навернулись слезы.

Степанъ поправился на своемъ мѣстѣ и заговорилъ, не сводя съ нея глазъ.

— Чи ты видьма, чи не видьма, а кращои одъ тебе, ласкавійшои и працёвнійшои нема въ цилому сели, та де тамъ? въ цилий околици, а може и на цилому свити нема! Може ты коли и дала мени того зилля, що черезъ тебе Приська напоила Клима, а може й не давала, або я знаю? Може те зилля, що мени въ груди ввійшло, те, що ты ще дивчиною така була весела та ласкава, що було якъ подивлюсь на тебе, та послухаю твого смиху та спиву, той самому полегшае, и самъ зроблюся отъ такій-же ласкавый, тихенькій, та веселый, якъ и ты...

— Я дуже люблю тихихъ та веселихъ людей, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Отъ я зъ Петромъ и Гапкою добре живу, бо межъ ними завжды свята згода и лагода, и Клима люблю за те, що винъ такій веселый та слухняный передъ старыми. А самъ я лютый, то правда, и неспокійный, якъ той

витеръ, и похмурый, якъ небо въ дощъ. Такій я вже мабуть вдався, зъ такою хворобою у серци на свитъ народився и не выличила мене зъ неи ани мати, така злюка, що я за ін бійкою та лайкою и своихъ дитячихъ литъ не памъятаю, ани братъ, що тягався зо мною по судахъ за той мій шматокъ земли... и не выличила жинка гадина... и не выличила горилка, що у пельку заливаю... Нихто не личивъ и не выличивъ!

Говорилъ онъ медленно и печально, опустивъ глаза въ землю; черезъ минуту онъ опять устремилъ взглядъ на Василину.

— Ты була-бъ вырятувала мене зъ теи хворобы, але-жъ не схотила...

Успокоенная кротостью его голоса, а можетъ быть и растроганная его грустью, молодая женщина отвѣчала спокойнѣе, не прекращая работы.

— Мабуть, такъ вже не судилося. Але, яке-жъ тоби горе? Даремно нарикаешъ та гнивишъ Бога! Чого тоби бракуе? Маешъ хату и хороше господарство... маешъ жинку й дитину... отъ живъ-бы та Богу дякувавъ... абы тильки схотивъ.

— То правда, возразилъ Степанъ, жинка така добра, а сынъ такій здоровый та дужый! Колись буде зъ ёго добрый робитникъ и помичъ мени на старисть! Ой!

Голосъ его звучалъ горькою болѣзненною ироніею; онъ засмѣялся и потихоньку выругался, можетъ быть, такъ тихо для того, чтобы не всполошить эту женщину, которая за столько времени въ первый разъ рѣшилась поговорить съ нимъ.

— Отъ скажу тоби по правди, Василино, вже мени й господарство обридло. Для кого чоловикови працювати та клопотатись? Чи въ мене дитей повно въ хати? Одно тилько, та й те таке, що тилько прислухайся, чи ще дыше, чи вже бильше не буде. Жинка мени не жинка! Я на неи й дивитись не хочу, а не то що! Прыйду зъ поля до дому, тай ляжу мовчки, якъ той песъ, ни до кого й слова не промовлю. Ще гараздъ, якъ що тая мовчить, а то якъ причепиться до мене изъ своею злостю, або зновъ изъ своимъ коханнямъ, такъ заразъ и выемо, якъ ти два вовки, коли-бъ ихъ разомъ зачинити. Отъ таке мое щастя!

Люде зъ мене сміються, неначе я вже найостатнійшій одъ усихъ, и господарство не забаромъ чортъ визьме... бо чоловикови ни до чого вже охоты нема, отъ тилько-бъ свитъ проклинавъ, тай годи!

— Соромъ! вскрикнула Василина, соромъ тоби, Степане, таке робити, ще й казати! Пильнувавъ-бы господарства, а зъ жинкою живъ-бы, якъ Богъ звеливъ, въ згоди та въ спокои... отъ якъ я зъ своимъ живу, що николи мижъ нами ани на хвилиночку ни сварки, ни злости ще й доси не бувало...

— Тилько ты мени про свого не нагадуй! прервалъ Степанъ, съ сверкающими глазами.

Василина продолжала, не глядя на него и не замѣчая подымавшейся въ немъ страсти:

— Отъ якъ-бы ты бувъ до своеи жинки, такъ якъ мій до мене, то й вона була-бъ липша..

— Щобъ вони потопилися обое! щобъ имъ очи швидче позакрывалися! угрюмо проворчалъ Степанъ.

— Пфе! Якій лютый, поганый чоловикъ! Людскои смерти бажа! сплюнула Василина, съ блестящими отъ гнѣва глазами, съ нахмуреннымъ лбомъ и, бросая въ лодку остатокъ выкрученнаго бѣлья, прибавила:

— Знать таки бувъ въ мене розумъ, що не хотила за тебе йти—доброго чоловика була-бъ мала...

Замѣтивъ, что Василина приготовлялась войти въ лодку и отчалить, Степанъ вскочилъ съ мѣста и очутился возлѣ нея.

— Чекай, Василино, чекай трошки! зашепталъ онъ,—поговоримо ще хвилиночку... що тоби пошкодыть? Ще одну хвилиночку! Я бувъ-бы зъ тобою инакшимъ, нижъ зъ *тыею*.. я бувъ-бы ставъ при тоби тихенькій та ласкавый, якъ той песъ, що познавъ свого хазяина... Тыбъ-бъ мени не такъ и диты годувала, якъ та...ты-бъ у мене въ хати сміялась та спивала, якъ той соловейко у кубли... Я-бъ тоби до вику руки й ноги цилувавъ; працюючи зъ тобою, я-бъ соби руки покровавивъ одъ працы... Ой, моя Василино, моя голубка! .. хочъ теперъ не тикай одъ мене... нехай я хочъ одну хвилиночку потишусь зъ тобою.

Съ горящими глазами, съ страстной улыбкой на лицѣ наступалъ онъ на Василину, толкалъ ее подъ развѣсистыя вѣтки вербы, стискивая станъ ея желѣзными руками и обдавая палящимъ дыханьемъ ея плечи и шею. Она вскрикнула отъ испуга и гнѣва, однимъ прыжкомъ очутилась въ лодкѣ и, схвативъ весло, въ одинъ мигъ отчалила отъ берега. Черезъ минуту она была уже далеко. Лодка ровно, быстро, почти не колеблясь, неслась по гладкой поверхности пруда и уносила къ противуположному берегу стройную, высокую женщину, которая чуть-чуть наклоняла съ мѣрнымъ движеніемъ надъ разсѣкавшимъ воду весломъ. Выбившіеся изъ подъ краснаго платка волосы едва позволяли разглядѣть огненный румянецъ ея лица, а заходящее солнце золотило и окрашивало своими лучами ея ноги, открытыя почти до колѣнъ и управлявшія весломъ руки. Оставшійся на берегу крестьянинъ смотрѣлъ ей вслѣдъ сверкающими, какъ два горящіе угля, глазами; страстная улыбка на его лицѣ смѣнилась выраженіемъ тоски и гнѣва; на губахъ его промелькнуло что-то страшное, свирѣпое.

— Коли-жъ такъ, крикнулъ онъ вслѣдъ удалявшейся женщинѣ, то ты справди видьма! Тягнешъ до себе людей нечистою силою, а сама губишъ ихъ на вики. Чекай! буде тоби! вже тоби за свою кривду оддячу, видьмо ты, приклята твоя душа!

Разстояніе позволяло еще Василинѣ слышать эти слова, но она ничего не отвѣчала, только вздрогнула, потому что лодка вдругъ закачалась у нея подъ ногами, но черезъ минуту снова поплыла быстро и ровно, а страшная улыбка ненависти все еще оставалась на лицѣ стоявшаго между вербами мущины. Изъ подъ темнаго навѣса вѣтвей, склонявшихся надъ его головою, эта женщина, озаренная солнечнымъ сіяніемъ на синей поверхности пруда, казалась ему страшнымъ, враждебнымъ и въ тоже время свѣтлымъ и привлекательнымъ видѣніемъ.

— Видьма! ей же Богу, видьма! прошепталъ онъ, а когда она пристала къ противуположному берегу на бѣлый песокъ и поспѣшно направилась къ своей хатѣ, онъ проворчалъ сквозь стиснутые зубы, возвращаясь къ своему плугу:

— Таки вона не повинна по Божому съвити ходити... таки не повинна!

Возвратившись домой, Василина не застала мужа дома. Стецько. выбѣжавшій къ ней на встрѣчу къ самому берегу пруда, еще дорогою, утопая въ глубокомъ пескѣ и цѣпляясь ея за платье, успѣлъ разсказать, что «татко пишлы до корчмы, побалакати зъ арендаремъ». Она знала, что арендаторъ обѣщалъ доставить ея мужу какой-то крупный и выгодный заказъ у одного изъ сосѣднихъ шляхтичей, и потому не удивлялась и не безпокоилась, когда Михайло не воротился домой въ обычную пору. Дѣло было важное и требовало долгихъ переговоровъ съ евреемъ. Василина занялась приготовленіемъ ужина и пока дѣти забавлялись въ углу деревянною сопилкою и щелкали сухія сѣмячки, она въ полголоса разсказала бабушкѣ все, что случилось съ нею въ этотъ день—съ Гапкою и у пруда. Слушая этотъ разсказъ, Оксана сперва пряла все быстрѣе и быстрѣе, но вскорѣ нитка начала обрываться и веретено выпало у нея изъ рукъ. Она сидѣла, прямая, какъ струна, сложивъ руки на колѣняхъ и хотя Василина давно уже умолкла, она не произносила ни слова, только желтыя челюсти ея двигались быстрѣе обыкновеннаго, какъ-бы пережевывая горькое извѣстіе, а бѣлые глаза, казалось, пристальнѣе чѣмъ когда нибудь вглядывались въ мерцающій полуствѣтъ избы. Ужинъ былъ готовъ, но женщины ожидали хозяина, который долженъ былъ подойти съ минуты на минуту. Огонь угасалъ въ печи, дѣти притихли и задремали на стоящихъ подъ стѣною снопахъ льна, представляя группу перемѣшавшихся между собою маленькихъ, румяныхъ лицъ и босыхъ ножекъ.

Василина внесла со двора *терлыцю* въ сѣни, еще нѣсколько минутъ суетилась по хатѣ, потомъ тоже сѣла на полу, облокотясь спиною на кучу льна, и тяжело вздохнувъ, устремила задумчивый взглядъ въ пространство. Черезъ минуту, среди глубокой тишины послышался хриплый и на этотъ разъ сильно дрожавшій голосъ слѣпой старухи.

— Василино!

— А що, бабуню!

— Попалѝ зилля! и те, що цёго року зъ поля понаносила, и те, що одъ тамъ того лита зосталось, и все чисто, яке есть у хати.

— На що-жъ такъ, бабуню?

— Попали, кажу тоби! почти закричала старуха и проворчала тише, но все еще сердито: дурна, ще й пытается: на що?

Василина поднялась съ полу, постояла еще не много, въ раздумьи покачала головою и пошла въ комору. Черезъ минуту она несла уже изъ коморы, изъ сѣней, съ крыши, въ передникѣ или въ ряднахъ, множество травъ, то совсѣмъ сухихъ и хрупкихъ, то только привядшихъ и еще душистыхъ, полевыхъ цвѣтовъ и растеній, ссынала все это на полъ около печи, потомъ раздула огонь и начала бросать въ печь цѣлыми горстями; все это дѣлала она въ глубокомъ молчаніи, съ горящими глазами и стиснутыми зубами. Лице ея выражало чувство тревоги и страданія. Эти растенія, которыхъ цвѣты и занахъ она любила съ самаго дѣтства, этотъ лиловый чебрецъ, желтая *дивина*, цѣлыя гирлянды цѣплявшихся между собою травъ и стеблей пожирали теперь огненные языки, охватывали синія струйки дыма, которыя цѣлымъ столбомъ подымались въ трубу и распространяли по хатѣ упоительный ароматъ. Когда пламя поглотило уже значительную часть травъ, Василина подняла голову и повторила свой вопросъ:

— На що то, бабуню?

Старуха не отвѣчала; погруженная въ глубокое раздумье, она, можетъ быть, и не слыхала даже этого вопроса. Черезъ минуту хриплый, слегка дрожащій голосъ снова заговорилъ на печи:

— Багато я на цимъ свити дивнихъ дивъ бачила й чула, знаю, що зъ чого може бути... Теперъ мени стара Прокопиха мовъ жива стоить передъ моими слипыми очима и якъ теперъ бачу ти слезы, що такъ и текли по ін старенькому виду...

По мѣрѣ того, какъ говорила старуха, голосъ ея становился все монотоннѣе и напоминалъ грустный речитативъ пѣсни.

— Була соби въ одному великому, але дуже убогому сели московка Прокопиха, бидна наймичка, не мала своеи хаты, ани жадныхъ родичивъ. Чоловика забили десь далеко на велнкій войни и зостався въ неи одинъ сыночокъ неборакъ; звався якъ и батько Прокопомъ. Бидненькій бувъ той Прокопикъ, одъ усихъ занехаяный, опричъ риднои неньки. Не було въ ёго ни батька, ни бративъ, ани хатынки и поля, не було ничого; прыйшовъ на свитъ голый, якъ Одамъ, а якъ вырисъ, той пишовъ робити по чужихъ людяхъ. Такъ и поневирявся винъ мовъ на чужини, живучи у всякій нужди та въ тяжкій роботи, гадомъ дивився на чуже добро и ставъ похмурый, якъ темная ничъ. Хочъ-бы тамъ уси люде не знать якъ гуляли та веселилися, а винъ ходить було самъ одинъ, якъ вовкъ, дивиться въ землю, непаче могилу вже соби хоче копати, та все щось мае на думци. За те ёго и люде не любили, що винъ такій понурый та сердитый, и не шанували; звычайно, сирота одинокій, и никому оступитись за нимъ. Ажъ ось одного року почавъ хтось красти кони на сели. Въ одного хазяина пропавъ кинь, у другого пропавъ, у третёго пропавъ. Крикъ та плачъ пишовъ по цилому сели—люде тамъ були не багати и страшенно жалували тыеи скотины, бо безъ неи тяжко въ господарстви. Почали шукати злодія, роспитувались, стерегли—нема, та й нема, розступися земле! А кони пропадають, та й пропадають. Коли одного разу хтось и пидгледивъ, що Прокипъ часомъ пропадае зъ села. Иноди було мине день, и другій, и третій, и цилый тыждень мине, а ёго немае въ сели, десь мандруе. Бачили, якъ винъ зъ жидами невирами у лиси розмовлявъ, бачили ёго и въ мистечку, якъ винъ пивъ у корчми, та куповавъ стёжки для якоись дивки, не знать за яки гроши. Тоди всимъ прыйшло на думку, що то Прокипъ краде кони. Взяли ёго, та й потягли до суду. Судъ слухавъ, слухавъ, та й звеливъ Прокопови зновъ повертати на село, бо, каже, не видомо, щобъ то винъ кравъ кони; нема, каже, певности; дайте, каже, лишни доказательства

на ёго... Повернувъ Прокипъ на село, а кони пропадають, та й пропадають. Тоди вже люде вельми розлютилися за свое добро. Одного разу заховались по-пидъ лисомъ, пидстерегли, якъ Прокипъ визъ дрова для свого господаря, піймали ёго, та й почали лущити кіями...

— Господи! громко вскрикнула Василина, стоя передъ печью съ полнымъ передникомъ сухихъ травъ, широко раскрыла глаза отъ страха и затряслась всѣмъ тѣломъ.

— Кіями! крикнула она еще разъ и, опомнившись немного, опять стала поспѣшно бросать травы въ огонь. Живѣе вспыхнуло пламя, по хатѣ распространилась синеватая душистая мгла, голосъ старухи повторилъ на печи:

— Кіями. Ребра ёму поламали, руки й ноги поперебивали, людску тварь облили кровью, та й покинули неживого у чистому поли, на широкому роздоли, чорнымъ крюкамъ та галкамъ на потраву.

Послѣ минутнаго молчанія старуха закончила свой разсказъ:

— А Прокопиха московка взяла, тай збожеволила зъ жалю по своему сынови бидоласи. Люде вже зъ милости годували й зодягали іи, а вона влизе, було, въ темный кутокъ, та все говоре, та й говоре про свого хлопця, а слезы, якъ той горохъ, котятся зъ очей по старенькому та поморщеному виду... И я тамъ була, слухала іи оповидання, дивилась на іи слезы, а теперъ усе те мовъ живе стоить передъ моими слипыми очима...

Когда умолкъ хриплый речитативъ старухи, Василина тихо проговорила.

— Бабуню!

— А що?

— Чи той Прокипъ справди кравъ кони?

Старуха отвѣчала въ раздумьи:

— Може кравъ, а може и не кравъ. То вже невидомо. Певности не було... але поговиръ бувъ и страшенный гнивъ людській бувъ...

— Страшенный! повторила, какъ эхо, стоявшая передъ огнемъ женщина и начала поспѣшно бросать въ печь оставшіяся травы.

Черезъ минуту старуха снова заговорила.

— Василино!

— Чого, бабуню?

— Шобъ ты не смила одъ цёго часу давати порады...

— Не буду, отвѣчала молодая женщина.

— Никому, памъятай-же. Хочъ-бы тамъ не знаю, якъ тебе просили. Чуешъ?

— Не буду, бабуню...

— Будь така тихенька, якъ та рыбка у води, шобъ люде и забули про тебе.

— Добре, бабуню.

Дверь въ хату отворилась и вошелъ кузнецъ; при первомъ взглядѣ на него Василина вскрикнула въ испугѣ.

— Ой, Боже-жъ мій! що тоби таке трапилось, Михалку?

Съ нимъ дѣйствительно должно было приключиться что-то недоброе. Лице его горѣло какъ въ огнѣ, одинъ глазъ припухъ, на лбу и на щекахъ виднѣлось нѣсколько синяковъ. Снявъ шапку съ растрепанной головы, онъ бросилъ ее на столъ и съ сердцемъ оттолкнулъ отъ себя дѣтей, которые, пробудившись, весело окружили его, какъ обыкновенно. Потомъ онъ сѣлъ на лавкѣ и заговорилъ нѣсколько охрипшимъ голосомъ, обращаясь къ женѣ.

— Трапилось мени таке, чого ще зъ роду, зъ вику зо мною не бувало. У москаляхъ бувъ, шисть годъ тягався по сьвиту, а николи ни зъ кимъ не бився; тутъ вже симъ годъ живу и господарюю и люде завжды поважали мене, бо и самъ себе шанувавъ... А отъ нынька побився зъ людьми передъ корчмою. Черезъ тебе, Василино, трапилась мени така пригода. Пхе! соромъ одинъ, лихо, тай годи!

Ковальчукъ плюнулъ и, отвернувшись отъ жены, закрылъ рукою подбитый глазъ. Василина стояла возлѣ печи, опустивъ руки, и молча смотрѣла на него широко раскрытыми глазами. Онъ продолжалъ черезъ минуту:

— Розмовляю я соби зъ шинкаремъ про свое дило, коли чую, ажъ передъ корчмою люде кричать про тебе, буцимъ-то ты на

Клима Джурджу наслала хворобу... Кричавъ Семенъ Джурджа и Якивъ Шишка, той злодій всесвитній, потимъ и Степанъ прыйшовъ и такожъ почавъ говорити, и бабы, що саме верталися зъ картопли, такожъ ставали до гурту, та й завели якъ ти вороны: отъ вона така й сяка, коровамъ молоко забрала, а теперъ и Клима отруила. Слухавъ я, слухавъ, а дали не зтерпивъ, выбигъ зъ корчмы, та й почавъ за тебе оступатись. Слово за слово, а тамъ и до бійки прыйшло. Бивъ и я, били й мене... ихе! соромъ! Чоловикъ працює, якъ той наймитъ остатній, провадить себе, якъ слидъ, и людей, и себе самого шакуе, ажъ ось, не знать звидкиль, прыйде на ёго така ганьба... Що-жъ то? чи добре воно слухати, якъ жинку прозывають видьмою та чортовою коханкою, а потимъ носити на лыци пъяныцьки та злодійски кулаки! Ой, Боже-жъ мій, Боже, за що на мене такій соромъ, таке лихо прыйшло!

Сквозь печаль и стыдъ въ словахъ его пробивалось чувство горечи противъ жены. Она молчала по прежнему, но была такъ поражена, что видно было, какъ дрожали ея руки, доставая изъ печи горшокъ съ кушаньемъ. Опустивъ глаза, ни на кого не глядя, она зажгла лампу и ставила ужинъ на столъ. Когда она, по обыкновенію, подала мужу ножъ и хлѣбъ, онъ прикрылъ рукою одинъ глазъ, а другимъ пристально смотрѣлъ ей въ лице.

— Василино! що ты такого зробила людямъ, що вони такъ вызвирились на тебе...

— Або я знаю? прошептала она, медленно пожимая плечами.

— Та вже-жъ воно не може бути такъ, зъ доброго дива? га?

Между тѣмъ спрошенная такимъ образомъ женщина и сама все болѣе и болѣе погружалась въ раздумье.

— Або-жъ я знаю? повторила она.

Очевидно, она и сама не могла понять этой загадки своей судьбы и не была увѣрена въ томъ, дѣйствительно-ли причина всего этого не кроется въ ней самой. Другая, не смотря на такую неувѣренность, разсыпалась-бы въ возраженіяхъ, клятвахъ, оправдывала-бы саму себя и злословила другихъ людей.

Василина не могла этого сдѣлать—она никогда еще не обманывала мужа. До сихъ поръ они жили душа въ душу, а теперь она солгала-бы, если-бы сказала ему, что въ чемъ нибудь увѣрена, когда въ душѣ ея подымался страхъ не столько передъ людьми, сколько передъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ, таинственнымъ, грознымъ.

— Або я знаю? повторила она и, нахмуривъ лобъ, отвернулась отъ мужа.

Онъ смотрѣлъ на нее и, какъ-бы удивляясь чему-то, или раздумывая надъ чѣмъ-то грустнымъ, покачалъ головою. Потомъ подозвалъ къ себѣ дѣтей, а къ ней уже не обращался, ни разу въ тотъ вечеръ не назвалъ ее *зозулею* и легъ спать, молчаливый и недовольный. Полная тишина и темнота охватили хату, но около полуночи послышался шелестъ людскихъ шаговъ и кто-то началъ взбираться на печь.

— Бабуню! бабуню! чи вы спите?

На печи отвѣчалъ шопотомъ другой голосъ, проникнутый видимымъ волненіемъ:

— Не сплю, моя дитино, не сплю! Всенько про тебе думаю, отвѣчала Оксана, которую съ нѣкотораго времени одолѣвала старческая безсонница.

— Бабуню! щось мене страшенно давило... щось лягло на животи й на грудяхъ и такъ давило, що мало Богу души не оддала...

— Що-жъ се таке? удивлялась старуха и черезъ минуту спросила:

— Може ты въ святу недилю що небудь такого робила, чого не можна?

— Пригадай лишень соби... може робила? Бо якъ-що робила, то значить, недиля приходила до тебе и давила за те, що ты ій зневажала... Таки речи трапляються на сьвити... я сама знала такого чоловика, що завжды все робивъ у недилю. Коли-жъ одного разу сама недиля прыйшла до ёго, така велика, якъ те ясне сонце, лягла на ёго, тай задавила... на смерть задавила. Пригадай тилько соби, чи, Боже борони, не робила чого въ недилю?..

— Не робила, бабуню, ій Богу, николи въ недилю ничого не робила...

— Ну, то що-жъ се тебе давило нынька?

Въ хатѣ воцарилось продолжительное молчаніе; наконецъ молодой, встревоженный голосъ тихо прошепталъ въ потьмахъ.

— Бабуню! я чула, що якъ чортъ до кого причепиться, то такъ само давить...

На печи что-то сразу зашуршало, должно быть слѣпая старуха выпрямилась на своемъ сѣнникѣ.

— Перехрестись, дитино, перехрестись святымъ хрестомъ!

— Во имъя Отца и Сына, и святого Духа, аминь.

Опять все стихло на минуту, потомъ старая Оксана прошептала:

— Горе давило тебе, моя Василино, тяжке горе та жалость.

— Але! утвердительно шепнулъ другой голосъ.

— Чогось Михайло бувъ нынька смутный та сердитый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АРХИВНЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ.

Возникшее въ XVI ст. за днѣпровскими порогами военное братство, извѣстное подъ именами: запорожцевъ, запорожскихъ козаковъ, запорожскаго войска, товарищества, рыцарства, войска низоваго, полнѣе: славнаго низоваго запорожскаго войска, а по мѣсту пребыванія запороговъ, Запорожья, Запорожской Сѣчи и просто Сѣчи, существуя около трехсотъ лѣтъ, играло столь важную роль въ исторіи южно-русскаго народа и его отношеній къ Турціи и крымскимъ ханствамъ, Польшѣ и Москвѣ, что вполнѣ заслуживаетъ точной и обстоятельной исторіи. Сказать, какъ обыкновенно говорятъ, что Запорожье служило для южной Руси оплотомъ отъ набѣга турокъ и татаръ, было-бы слишкомъ мало. Оно имѣло глубокое значеніе во внутренней жизни южно-русскаго народа и его внѣшнихъ отношеній; оно было отпечаткомъ его завѣтныхъ стремленій, хранителемъ его политическихъ и общественныхъ идеаловъ и само служило для него живымъ провозвѣстникомъ свободы, равенства, мужества, храбрости, великодушія, безкорыстія, терпѣнія и проч. Изъ него выходили и на него опирались въ критическіе моменты величайшіе изъ дѣятелей народныхъ; оно было ядромъ военныхъ силъ народа и убѣжищемъ для всѣхъ гонимыхъ судьбою или сбившихся съ пути жизни, всегдашнимъ протестомъ противъ всякаго насилія и рабства въ какой-бы то ни было формѣ.

Но, не смотря на такое важное и разностороннее значеніе Запорожья, мы не только не имѣемъ полной исторіи его, но и достаточнаго матеріала для нея. Понятно, что прежде долженъ быть собранъ матеріалъ, а затѣмъ уже можетъ начаться разработка его и обработка самой исторіи. Гдѣ-же искать этого матеріала?—Отвѣ-

томъ на этотъ вопросъ до нѣкоторой степени можетъ служить настоящая статья: я хочу, по крайней мѣрѣ, указать здѣсь на тѣ матеріалы этого рода, которые мнѣ удалось найти и съ содержаніемъ которыхъ пришлось ознакомиться.

Главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ и архивъ министерства юстиціи, находящіеся въ Москвѣ, а также архивъ бывшей малороссійской коллегіи, въ большей части своей хранящійся при харьковскомъ университетѣ—вотъ гдѣ хранятся еще, и въ значительномъ количествѣ, документы, относящіеся къ исторіи Запорожья. Я не знакомъ съ тѣмъ спеціально запорожскимъ архивомъ, который находится у А. А. Скальковскаго и часть котораго воспроизведена въ его «Исторіи Новой Сѣчи», а другая и, кажется, большая часть, по послѣднимъ извѣстіямъ, переходитъ отъ него въ музей одесскаго общества исторіи и древностей; но къ тремъ названнымъ уже и мною осмотрѣннымъ архивамъ могу причислить и то собраніе запорожскихъ документовъ, которымъ располагаетъ П. С. Ефименко и которое онъ обязательно предложилъ мнѣ для временнаго пользованія.

Во всѣхъ названныхъ хранилищахъ, дѣлъ, относящихся къ исторіи запорожскаго козачества (въ собственномъ смыслѣ), найдено мною восемьсотъ девяносто одно; изъ нихъ четыреста сорокъ два находятся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, сто сорокъ пять въ архивѣ министерства юстиціи, тридцать два въ архивѣ малороссійской коллегіи и двѣсти семьдесятъ въ собраніи П. С. Ефименка.

Самыя раннія дѣла находятся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Всѣ они вошли въ такъ называемый «реестръ малороссійскихъ дѣлъ старыхъ и новыхъ лѣтъ съ 1522 года по 1770, вновь учиненный при разборѣ и описи оныхъ дѣлъ ассесоромъ Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ 1779 года». Собственно запорожскія дѣла по этому реестру начинаются съ 1625 года и оканчиваются 1774. Меньшею полнотою и послѣдовательностію дѣлъ, касающихся Запорожья, отличается архивъ министерства юстиціи. Названія ихъ заключаются въ двухъ описаніяхъ: «Дѣла малороссійскія и Дѣла смѣшанныя». Строго послѣдовательнаго хронологическаго порядка здѣсь нѣтъ. Такъ, въ «Дѣлахъ смѣшанныхъ» описаніе документовъ повторяется нѣсколько разъ, начиная съ XVI ст. и кончая второю

половиною XVШ-го. Такимъ образомъ занимающемуся приходится самому располагать и группировать дѣла въ порядкѣ годовъ. Какъ въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, такъ и здѣсь запорожскія дѣла восходятъ къ довольно раннему времени, именно къ 1642 году, а оканчиваются 1772 г., причемъ за эру взято сотвореніе міра, а не Рождество Христово. Что касается дѣлъ, разсмотрѣнныхъ мною въ мѣстномъ, харьковскомъ, архивѣ, то всѣ они относятся лишь къ послѣднимъ годамъ существованія Запорожской Сѣчи въ предѣлахъ Россіи, начинаясь 1740 годомъ и кончаясь 1766-мъ. То-же нужно сказать и о дѣлахъ П. С. Ефименка; первое изъ нихъ помѣчено 1721 годомъ, а послѣднее 1780-мъ.

Количество дѣлъ по годамъ далеко неодинаково: есть годы совсѣмъ пустые, отъ которыхъ не осталось ни одного дѣла; на другіе приходится 1—10 дѣлъ, а на иные 10—50.

Всѣ разсмотрѣнныя мною запорожскія дѣла можно распредѣлить по слѣдующимъ десяти отдѣламъ:

I. Дѣла, касающіяся сношеній запорожцевъ съ Москвой. Та ковы: о принятіи запорожцевъ въ подданство Россіи (1625 года), о содержаніи ихъ въ монаршей милости (1735 г.), съ поздравленіями по случаю рожденія царевичей, царевенъ и принятія царскаго престола, съ просьбою о присылкѣ боевыхъ запасовъ (впервые подъ 1665 годомъ), съ извѣстіемъ о движеніяхъ противъ разныхъ враговъ (татаръ, турокъ, поляковъ, черкесовъ и др.) и о военныхъ дѣйствіяхъ противъ нихъ, съ просьбою о вспоможеніи войскомъ противъ непріятеля, съ представленіемъ недоброжелателей московскаго правительства (Ивана Мазепы, отправленнаго гетманомъ Дорошенкомъ къ туркамъ по дѣлу о подданствѣ имъ), съ извѣстіемъ о благожелателяхъ и сторонникахъ московскаго правительства (напр. П. Дорошенка, принявшаго въ 1675 году присягу на вѣрность московскому престолу), съ извѣстіемъ о движеніяхъ непріятелей, доставкѣ языковъ, плѣнныхъ враговъ и измѣнниковъ (Булавина), съ обѣщаніемъ вѣрно служить московскому престолу, съ разными чертежами и планами Днѣпра, его притоковъ, находящихся на немъ острововъ (1679, 1698 и 1703 гг.) и заливовъ; съ извѣстіемъ о вступленіи въ мирные переговоры съ врагами, съ выраженіемъ благодарности за присылку продовольствія, съ извѣстіями о смерти кошевыхъ атамановъ (Ивана Сѣрка и др.) и выборѣ новыхъ, съ просьбою о позволеніи ходить

въ разныя мѣста по Днѣпру и близъ него для разной добычи (рыбной, звѣриной, добыванія соли и т. п.), съ представленіемъ такъ называемыхъ «прелестныхъ писемъ» отъ польскаго правительства къ запорожскимъ козакамъ, съ оправданіями по поводу напрасныхъ нареканій за преслушаніе государевыхъ указовъ, съ обѣщаніемъ чинить миръ и розмирье съ врагами по указаніямъ московскаго правительства, съ жалобою за присылку худой провизіи и подарковъ («худыхъ соболей и не цѣлыхъ половинокъ сукна»), съ просьбою о прибавкѣ жалованья и выдачѣ особаго вознагражденія за походы противъ непріятелей, съ присылкою мастеровыхъ козаковъ для дѣланія морскихъ струговъ (дѣло помѣчено 1696 годомъ), съ жалобами на московскихъ воеводъ (Потемкина въ Самари, Опухтина въ Тавани и др.), съ представленіемъ по поводу ссоръ между великороссійскими войсками и запорожскими козаками, съ жалобами о побояхъ, учиненныхъ московскими чиновниками и простыми людьми надъ запорожцами, съ просьбами о возвратѣ отнятыхъ у запорожцевъ земель и угодій (первая просьба помѣчена 1761 годомъ).

II. Дѣла, касающіяся сношеній московскаго правительства съ запорожскими козаками. Сюда относятся слѣдующія: дѣла съ требованіемъ, чтобы запорожцы прекратили бунты, повиновались московскому правительству или малороссійскому гетману, не сносились съ врагами Москвы и подписывались подданными его царскаго величества; дѣла съ выраженіемъ недовольства по поводу убійства запорожцами московскихъ чиновныхъ людей (Евфима Лодыженскаго), крымскихъ или турецкихъ гонцевъ; съ похвальными листами за подвиги запорожцевъ противъ враговъ и преданность Москвѣ, съ жалованьемъ войску запорожскому (впервые подъ 1668 годомъ), боевыми запасами (порохомъ, свинцомъ, желѣзомъ, сталью), оружіемъ (пищалями, пушками и др.), клейнотами (впервые подъ 1693 годомъ) и подарками («англинскимъ сукномъ» съ 1668, бархатомъ и соболями съ 1702 года); съ приказами о нападеніи на разныхъ враговъ Москвы и присылки московскимъ войскамъ вспоможенія; съ извѣстіемъ о взятіи разныхъ непріятельскихъ городовъ и движеніяхъ противъ непріятелей; съ приказаніемъ высылать въ Москву козаковъ, знающихъ пути въ Крымъ и Турцію; съ требованіями выдавать опасныхъ Москвѣ людей (самозванца Симеона и др.), съ жалованными грамотами на сборъ пошлинъ съ разныхъ перево-

зовъ [1]), съ извѣстіемъ о перемиріи съ врагами, о восшествіи новыхъ государей на московскій престолъ и съ требованіемъ присяги имъ на вѣрную службу (1682 и 1703 гг.); съ приказаніями отправки къ татарскимъ ханамъ и турецкимъ султанамъ разныхъ грамотъ, съ требованіемъ свободнаго пропуска чрезъ Запорожье московскихъ пословъ, съ приказаніемъ прекращенія торговли своими товарами; съ извѣстіями о назначеніи въ Малороссіи новыхъ гетмановъ; съ извѣстіями объ отправкѣ въ сѣчевую Покровскую церковь иконостаса (1693 года), денегъ для построенія въ Сѣчи церкви (1697 г. февраля 10) и священническихъ ризъ (1699 г.); съ позволеніемъ размѣна плѣнныхъ между татарами, турками, поляками и др.; съ приказаніемъ измѣренія городовъ, стѣнъ, валовъ и построенія крѣпостей; съ приказаніемъ возвращать по принадлежности добро, награбленное у проѣзжихъ людей и наказывать воровъ, съ требованіемъ выдавать необходимые матеріалы (камень, известь) при постройкѣ россійскими войсками разныхъ крѣпостей (Каменнаго Затона); съ приказаніемъ о высылкѣ въ Малороссію (въ Глуховъ, 1708 г., октября 30) знатнаго товарищества для выбора новыхъ гетмановъ; съ увѣщаніемъ о раскаяніи (послѣ измѣны въ 1709 году) и новомъ подданствѣ московскому государю; съ приказаніемъ разрушить Сѣчь (грамота дана собственно на имя малороссійскаго народа, 1709 года, 26 мая) и истребить запорожцевъ; съ объявленіемъ прощенія запорожцамъ за ихъ измѣны и позволенія возвратиться въ предѣлы Россіи (1733 года, августа 31); грамоты на право владѣнія земель, угодій и вольностей (1688, 1703 27 ноября и 1705 г. іюня 17); по поводу запорожцевъ, ссылаемыхъ въ Сибирь (впервые въ 1628 году) и возвращаемыхъ изъ Сибири.

III. Дѣла, касающіяся сношеній запорожскихъ козаковъ съ малороссійскими гетманами. Таковы: по поводу повѣшенія въ Сѣчи разныхъ разбойниковъ и искорененія воровъ, по поводу желанія нѣкоторыхъ запорожскихъ козаковъ перемѣнить службу въ Сѣчи на службу въ Малороссіи; по вопросу объ учрежденіи форпостовъ; по поводу выдачи денегъ изъ малороссійской канцеляріи запорожской депутаціи, отправляющейся въ Москву за войсковымъ жало-

[1]) Интересно, что съ одного Переволочанскаго перевоза запорожцы собирали 12 тысячь руб. въ годъ.—См. дѣло 1688 г., марта 3.

ваньемъ; по вопросу о владѣльческихъ правахъ запорожцевъ; по поводу обидъ запорожской старшинѣ отъ служилыхъ малороссійскихъ людей, отъ татаръ, поляковъ и др.; по поводу присяги со стороны запорожской старшины на вѣрное служеніе Москвѣ; по вопросу о доставкѣ свѣдѣній о форпостахъ, переправахъ, островахъ и т. п.; по вопросу о колодникахъ, по поводу жалобъ запорожцевъ о неправильно накладываемыхъ штрафахъ на всѣ запорожскіе курени за воровство только нѣкоторыхъ козаковъ; по вопросу о выдачѣ и прибавкѣ запорожскому войску жалованья; по вопросу о пропускѣ въ Сѣчь изъ Малой Россіи разныхъ харчевыхъ и питейныхъ припасовъ; по вопросу о присылкѣ въ генеральную малороссійскую канцелярію разныхъ договорныхъ документовъ, письменныхъ видовъ и грамотъ; съ просьбой о дачѣ запорожцамъ строеваго лѣса, желѣза и другихъ матеріаловъ для постройки сгорѣвшихъ куреней; съ просьбой объ измѣненіи маршрута отъ Сѣчи до Петербурга для депутаціи, отправляющейся за войсковымъ жалованьемъ; съ просьбою о дозволеніи удержать въ Сѣчи проѣзжающаго черезъ нее епископа; по вопросу о добровольномъ выселеніи нѣкоторыхъ изъ запорожскихъ козаковъ въ Малороссію; по поводу отправки добытаго языка; съ извѣстіями о поселеніи на Запорожьѣ разныхъ выходцевъ (напримѣръ волоховъ въ 1628 году); съ просьбой о позволеніи размѣна плѣнными; съ объявленіемъ о попыткахъ со стороны польскаго правительства подкупить запорожцевъ для общихъ дѣйствій противъ татаръ, турокъ и московскаго царя; съ благодарностью за присылку въ Сѣчь провіянта и клейнодовъ («знаменъ и бубенъ» 1698 года); съ просьбою объ исходатайствованіи у московскаго государя милости запорожскимъ козакамъ (1716 года).

IV. Дѣла, касающіяся сношеній запорожскихъ козаковъ съ сосѣдними государствами (кромѣ московскаго). Таковы просьбы запорожцевъ къ турецкому султану: о дозволеніи имъ свободно торговать на Черномъ морѣ и о принятіи запорожскаго войска въ турецкое подданство (въ 1670 году, при кошевомъ атаманѣ Иванѣ Сѣркѣ); сношенія съ донскими атаманами Мѣняевымъ, Ильей Григорьевымъ и другими о привлеченіи донскихъ козаковъ въ походъ противъ татаръ, турокъ и поляковъ, съ крымскими ханами по предмету заключенія мира, союза и общаго движенія противъ поляковъ, съ польскими королями и коронными гетманами по предмету заселенія

пустыхъ мѣстъ (напр. по рр. Роси, обоихъ Тикичахъ, Камянкѣ и Бугу) и по поводу отправки запорожскихъ посланцевъ въ Польшу, сношенія съ кизикерменскимъ беемъ, шведскимъ королемъ (кошеваго атамана К. Гордѣенка 1708 г.) и кіевскимъ губернаторомъ (1733 г. августа 31).

Сюда-же можно отнести и дѣла, касающіяся сношеній запорожскихъ кошевыхъ атамановъ со своими посланцами, отправляемыми въ Крымъ, Москву, къ калмыкамъ (съ цѣлью вовлечь ихъ въ войну и въ разныя другія мѣста).

V. Ордеры малороссійскихъ гетмановъ Кошу и всему войску запорожскому: о непринятіи «сумнительныхъ» заграничныхъ людей и бѣглыхъ малороссіянъ въ Сѣчь, о высылкѣ изъ Запорожья малороссійскихъ обывателей и неукрываніи грабителей; по поводу нарядовъ для разныхъ постовъ, заставъ, карауловъ и походовъ; по вопросу о числѣ запорожскихъ козаковъ и обязанностяхъ ихъ службы (1734 г.); по поводу грабительствъ, убійствъ, воровства, поджоговъ и обидъ со стороны запорожцевъ ихъ сосѣдямъ и со стороны сосѣдей запорожцамъ; по вопросу о свободномъ проѣздѣ запорожскихъ чумаковъ чрезъ разные форпосты и перевозы; по поводу наказанія ослушниковъ; по поводу отпуска задержанныхъ кошевымъ атаманомъ лицъ; по поводу запрещенія ѣздить запорожцамъ въ недозволенныя мѣста, особенно за границу, и прекращеніи грабежей; по вопросу о поземельныхъ спорахъ запорожцевъ съ сосѣдями, размежевки и описанія владѣній; по поводу ссоръ запорожцевъ съ сосѣдями и высылки коммиссаровъ или депутатовъ для разбора споровъ; по поводу неисполненія кошевымъ атаманомъ гетманскаго ордера; по вопросу о снесеніи въ разныхъ мѣстахъ перевозовъ, зимовниковъ и проч.; по вопросу о нечиненіи препятствій со стороны запорожцевъ разнымъ поселенцамъ; по вопросу о повиновеніи запорожцевъ служилымъ людямъ гетмана; по поводу слуховъ о намѣреніи запорожцевъ передаться въ чуждое подданство; съ извѣстіями о смерти турецкихъ султановъ и объ осторожномъ поведеніи запорожцевъ въ отношеніи татаръ и турокъ; по вопросу о доставкѣ вѣдомости «индуктовъ» съ привозимыхъ въ Сѣчь изъ Малороссіи и изъ Сѣчи въ Малороссію товаровъ; по вопросу о карантинѣ и эпидеміи; по вопросу о разныхъ движеніяхъ непріятелей; по поводу неповиновенія сѣчевыхъ козаковъ кошевому атаману; по вопросу о

неприниманіи запорожскими купцами разныхъ товаровъ у купцовъ крымскихъ, турецкихъ и другихъ и о недопущеніи въ недозволенныя мѣста Днѣпра турецкихъ и татарскихъ судовъ; по вопросу о перенесеніи Сѣчи съ одного мѣста на другое; по вопросу о перемѣнѣ сѣчевой старшины; по вопросу учрежденія медицинской канцеляріи въ Сѣчи, отпуска медикаментовъ и содержанія лѣкаря; по вопросу о невывозѣ за границу серебряной монеты и о произведеніи войску запорожскому жалованья мѣдными деньгами; по вопросу о выдачѣ запорожскому войску клейнодовъ и войсковой печати и наконецъ о запрещеніи подвергать смертной казни преступниковъ по усмотрѣнію кошеваго атамана.

VI. Дѣла, заключающія въ себѣ разные доносы и жалобы на запорожскихъ козаковъ, а также представленія малороссійскихъ гетмановъ и другихъ чиновныхъ русскихъ лицъ правительству русскому а со стѳроны польскихъ подданныхъ правительству польскому. Тутъ много секретныхъ доносовъ о невѣрности кошевыхъ атамановъ московскому правительству; о сношеніяхъ запорожцевъ съ разными врагами Москвы: поляками, крымцами, турками и др., объ ихъ злыхъ замыслахъ противъ московскихъ царей и самихъ гетмановъ; жалобы по поводу убійствъ запорожскими козаками татарскихъ гонцевъ; вѣроломства кошевыхъ атамановъ, тайныхъ замысловъ ихъ противъ разныхъ сосѣдей, представленія о состояніи запорожскихъ земель (кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова), о претензіяхъ ихъ на татаръ; съ жалобой на запорожцевъ польскаго генерала Вейсенбаха (польскому правительству) за учиненныя ими грабительства въ имѣніи сего генерала.

VII. Дѣла, касающіяся сношеній командируемыхъ въ Сѣчь малороссійскихъ урядниковъ и нечиновныхъ лицъ, живущихъ въ Малороссіи съ малороссійскимъ гетманомъ: о пресѣченіи въ Запорожьѣ разбоевъ и воровства; о пойманныхъ тамъ ворахъ и разбойникахъ; о бѣжавшихъ за границу солдатахъ, крестьянахъ и запорожцахъ, о назначеніи въ помощь къ командированнымъ въ Сѣчь малороссійскимъ урядникамъ или замѣны прежнихъ новыми и наконецъ по поводу жалобъ малороссійскихъ обывателей на грабительства со стороны запорожскихъ козаковъ.

VIII. Дѣла, касающіяся сношеній Москвы съ малорѳссійскими гетманами по поводу разныхъ мѣропріятій противъ запорожцевъ:

не пропускѣ запорожцевъ чрезъ Малороссію, не пропускѣ къ нимъ хлѣбныхъ торговцевъ; о выслѣживаніи запорожскихъ шпіоновъ, наблюденіи за настроеніемъ всего запорожскаго войска, за запорожцами, подсылаемыми отъ разныхъ враговъ Москвы (шведскаго короля, кошеваго атамана Орлика и др.), по поводу повѣтрій, господствовавшихъ на Запорожьѣ и пр. (1690 г. 28 сентября, 1710 г. 19 ноября).

IX Дѣла, касающіяся сношеній польскихъ королей съ запорожцами. Такова, напримѣръ, копія съ грамоты короля Стефана Баторія, данная запорожцамъ на право владѣнія землями, угодіями и вольностями.

Ко всему этому нужно прибавить еще 60 дѣлъ, которыя могутъ составить отдѣльную рубрику, подъ названіемъ: «Дѣла Гайдамацкія«. Самое раннее дѣло о гайдамакахъ помѣчено 1751 годомъ (ноября 6), самое позднее 1769 г. (декабря 1).

Уже однѣ эти рубрики показываютъ, на сколько интересенъ для историка Запорожья матеріалъ, заключающійся въ названныхъ архивахъ. Въ частности этотъ матеріалъ открываетъ намъ цѣлый рядъ именъ кошевыхъ атамановъ, частью извѣстныхъ, частью же совсѣмъ неизвѣстныхъ, начиная съ 1576 года и кончая 1771 годомъ. Вотъ эти атаманы: *Павло* (безъ фамиліи), упоминаемый въ грамотѣ. данной запорожцамъ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, въ 1576 году, 2 апрѣля; *Яковъ Барабашъ*, упоминаемый въ 1656 г., октября 9; *Пашко* (безъ фамиліи) 1658 г. февраля 16; *Брюховецкій*, 1662 апрѣля 9 и 10 и 1663 г., *Сашко Туровецъ* 1663 г. іюня 14; *Иванъ Дмитріевичъ Сѣрко* 1664 г. іюля 25, 1665 г.. 1670, 1671, 1671; 1673, 1664, 1675 [1]), 1677, 1678, 1679 и 1680 гг.; *Донецъ*, 1665 г. іюля 1; *Пластунъ*, 1666 г., ноября 29 (названъ просто «атаманъ»); *Васютинъ*, 1667 г. іюня 18; *Иванъ Бѣлковскій*, 1668 г. генваря 7 и марта 8; *Ханенко* (безъ имени) 1770 г. іюля 28; *Евсевій Шашолъ*, 1672 г. апрѣля 10, 17 и октября 7; *Лукьянъ Андреевъ*, 1772 г. декабря 17 и 19; 1673 г., генваря 12 и февр. 18; *Денисъ Кривоносъ*, 1673 г. (называется

[1]) Сѣрко занималъ постъ кошеваго и въ 1676 г., какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ С. Величко.—Его Лѣтопись, т. II, стр. 390, 394 и 396.

«бывшимъ»); *Григорій Шишъ*, 1678 г. іюля 19; *Иванъ Стягайло*, 1680 г. августа 9 и 1681 г. апрѣля (?); *Трофимъ Константиновъ* (иначе Константіевъ), 1681 г. іюля 29; *Трофимъ Волошанинъ*, 1681 г. августа 20 и 1682 г. апрѣля 30; *Василій Алексѣевичъ* (безъ фамиліи), 1682 г. апрѣля 22; *Пасько Васильевъ*, 1682 г. апрѣля 22; *Григорій Ивановичъ* (безъ фамиліи) 1682 г. ноября 10, 1683 г. апрѣля 27, іюля 27 и августа 7, 1684 г. мая 11; *Ѳедоръ Ивановъ*, 1686 г. мая 1, іюня 1, сентября 19, октября 6, ноября 10, декабря 26; *Григорій Сагайдачный*, 1687 г. сентября 12 и октября 14, 1688 г. генваря 28, марта 3, апрѣля 25 и 26, іюня 14, іюля 5; *Филонъ Лихопой*, 1688 г. августа 10; *Иванъ Гусакъ*, 1688 г. декабря 10, 1689 г. ноября 5, 1690 г. мая 11 и 14, сентября 6 и 20, 1691 г. февраля 17 и апрѣля 13, мая 15 и 24, іюля 5, 6 и 15, сентября 22, 1693 г. іюня 4 и 24; *Федько* (безъ фамиліи), 1692 года мая 18 и 27; *Семенъ Рубанъ*, 1693 г. іюля 3, 1694 генваря 8, апрѣля 13 и 30; *Максимъ Самойленко*, 1695 г. іюня 20; *Петро Прима*, 1695 г. февраля 8, 1699 г. октября 30, ноября 19, 1790 г. генваря (?), февраля 3; *Яковъ Морозъ*, 1696 г. сентября 7, 1697 г. генваря 16, февраля 4; *Григорій Яковенко*, 1697 г. марта 3, 1698 г. генваря 4, іюня 2; *Осипъ Федоренко*, 1697 г. марта 3; *Мартинъ Стукало*, 1699 г. мая 6, іюля 2; *Герасимъ Крыса*, 1701 г. февраля 17, 1703 г. ноября 27; *Петро Сорочинскій*, 1701 г. іюня 18, 1702 г. сентября 23, 1706 г. іюня 26, 1607 г. мая 27, сентября 23; *Константинъ Гордѣенко*, 1702 г. сентября 23, 1703, 1704, 1705 гг. сентября 16, 1706 г. (?) и мая 17, 1709, 1710 гг. ноября 19; *Лукьянъ Тимоѳеевъ* (иначе Тимоѳеенко) 1706 г. августа 29, сентября 15; Коneловскій 1709 г. мая 17 (значится наказнымъ); *Василій Осиповичъ* (безъ фамиліи), 1614 г. ноября 23; *Иванъ Малашевичъ*, 1716 г. октября 4, 1717 г. іюня 18, 1720 г. мая 27; *Иванъ Бѣлицкій*, 1733 г., декабря 11, 1735 г. марта (?), 1759 года апрѣля 14, декабря 2, 1760 года ноября 3, 1765 года марта 16; *Евстафіевъ* [1]) 1740 г. ноября 15; *Василій Григорьевичъ Сычъ*, 1747 года мая 12; *Яковлевъ* (безъ имени), 1748 г. генварь—декабрь; *Якимъ Игнатовичъ* 1752 г. января 1, іюля 14; *Семенъ Тимошей*,

[1]) Должно быть, Степанъ Евстафіевичъ Гуманскій.

1753 г. 20 («бывшій»); *Данило Стефановъ*, 1753 г. октября 11 и декабря 14, 1754 г. іюля 25; *Павелъ Ивановъ*, 1752 г. октября 23, 1753 г. февраля 14; *Григорій Федоровичъ Лантухъ*, 1753 г. іюня 14, 1756 г. мая 7, іюня 9, 1758 г. ноября 9, 1763 г. апрѣля 5, іюня 14, августа 11; *Степанъ Рудь* 1762 г. августа 12 (названъ «бывшимъ запорожскимъ атаманомъ») и наконецъ *Петръ Ивановичъ Калнишевскій* 1771 г. апрѣля 10.

Съ помощію этого списка кошевыхъ атамановъ и разбросанныхъ въ указанныхъ дѣлахъ свѣдѣній объ нихъ и всемъ Запорожьѣ, можно возсоздать, до извѣстной степени, цѣльную картину исторической жизни Запорожья на пространствѣ почти трехъ столѣтій; по крайней мѣрѣ, можно вызвать на свѣтъ полузабытое и ложно понимаемое многими нашими историками запорожское козачество. Трудъ не легкій и, что самое главное, не бьющій въ глаза. Оно и понятно: самая жизнь запорожскихъ козаковъ вылилась далеко не въ широкія рамки. Но отъ малыхъ и требовать нужно мало.

Оканчивая настоящую замѣтку объ архивныхъ матеріалахъ для исторіи Запорожья, скажу нѣсколько словъ по поводу года смерти кошеваго атамана Ивана Дмитріевича Сѣрка и начала служебной дѣятельности кошеваго атамана Петра Ивановича Калнишевсваго.

Личность кошеваго Сѣрка на столько выдается въ исторіи запорожскихъ козаковъ, что давно уже просится въ особую монографію, въ настоящее же время для характеристики этого замѣчательнаго дѣятеля запорожскаго мы можемъ располагать и довольно значительнымъ матеріаломъ. Такъ, въ одномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится болѣе сорока дѣлъ, касающихся дѣятельности Сѣрка; кромѣ того, достаточно заглянуть въ акты южной и западной Россіи, въ лѣтописи самовидца Самуила Величка, чтобы предъ нами возсталъ полный и величественный образъ славнаго въ свое время кошеваго, непобѣдимаго рыцаря, идеальнаго запорожца. Авторъ «Исторіи о козакахъ запорожскихъ», князь Мышецкій, отзывается о Сѣркѣ такъ: «оный у нихъ изо всѣхъ славный былъ кошевой; уже и по смерти онаго по морю мертваго его пять лѣтъ, для славы и счастія, запорожцы важивали, понеже былъ славенъ

и турки весьма имени ево баивались. Когда на войну и съ мертвымъ ѣзживали, то всегда имъ счастье бывало»[1]). Имя кошеваго Сѣрка еще и въ настоящее время живетъ въ устахъ малороссійскаго народа. Старуха Зиновія Мазаёва, жительница деревни Капуловки, екатеринославской губерніи и уѣзда, гдѣ была у запорожцевъ такъ называемая Чортомлыцкая Сѣчь, два года тому назадъ разсказывала мнѣ, что кошевой Сѣрко и до сихъ поръ воюетъ гдѣ-то съ турками. «Его, говоритъ, и земля не бере: такій винъ вояка бувъ!»

— Якъ же це, бабусю, спрашиваю ее, ёго земля не бере, коли у васъ же, въ огороди, стоить и памятникъ Сиркови. Ажъ то одъ запорожцивъ?

— Одъ запорожцивъ, правда, отвѣчаетъ старуха, та тилько тутъ одна рука Сирка лежить, а винъ гуля десь по сьвиту. Винъ, бачите, якъ умеръ, такъ запорожци одризали у нёго праву руку, засушили іи, та годъ, може, двадцять возили іи за собою на війну. Та оце якъ не встойка яка, тамъ чи турки, чи ляхи побивають ихъ, то вони выставляють ту руку, та й кричать: «гей, хлопци, душа й рука Сирка зъ нами!» Такъ ти турки, або ляхи, якъ зайци, такъ у ростичъ и порозбигаютця».

Но на этотъ разъ насъ занимаетъ собственно годъ смерти Сѣрка. У разныхъ южно-русскихъ лѣтописцевъ годъ его смерти показывается различно, начиная съ 1680-го и кончая 1686 годомъ. Во время одной изъ поѣздокъ моихъ по урочищамъ бывшаго Запорожья, мнѣ удалось отыскать между другими вещественными памятниками запорожскихъ козаковъ и могилу Сѣрка съ надгробнымъ на ней камнемъ. Она находится въ упомянутой деревнѣ Капуловкѣ, въ огородѣ крестьянина Николая Мазая. Надгробный камень представляетъ изъ себя родъ небольшой песчаниковой плиты, длины безъ полутора вершка два аршина, поднятой вверхъ и поставленной такъ, какъ обыкновенно ставятъ намогильные кресты. Съ восточной стороны на этой плитѣ сдѣлано распятіе Спасителя и помѣщена козацкая арматура, а съ западной помѣщена слѣдующая надпись: **Р. Б. ҂ахп маꙗ д преставися рабъ Божій Сѣрько Дмитрови, атаманъ кошовий бо̃ска запорозкого Єго П. Ц. В. Федора Алеѯѣевича. Памѧть праведнаго со похвалами.**

[1]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852 г., стр. 11.

И такъ, изъ надписи, сдѣланной на могильномъ камнѣ, видно, что Иванъ Дмитріевичъ Сѣрко скончался въ 1680 году, 4 мая. Если въ лѣтописяхъ показаніе о годѣ смерти Сѣрка колеблется между 1680 и 1686 годами и если это колебаніе даетъ полный поводъ къ сомнѣнію на счетъ истиннаго года смерти Сѣрка, то свидѣтельство намогильной надписи должно, казалось бы, стоять выше всякихъ сомнѣній. А между тѣмъ и здѣсь оказывается нѣкоторая разница отъ того, что говоритъ актъ, найденный мной въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ этого акта видно, что Сѣрко скончался не четвертаго мая, а перваго августа, хотя и того-же 1680 года. Въ связкѣ дѣлъ № 55-й, подъ 1680 годомъ, августа 9, за № 20, помѣщено письмо кошеваго атамана Ивана Стягайла къ стрѣлецкому полковнику Василію Перхурову «о смерти кошеваго атамана Ивана Сѣрка, *перваго августа* воспослѣдовавшей». Показаніе акта имѣетъ за собою большую вѣроятность, чѣмъ показаніе памятника, уже потому, что съ нимъ совершенно согласуется и свидѣтельство такого достовѣрнаго лѣтописца, какъ Самуилъ Величко, а у него читаемъ: «того же лѣта (1680) Иванъ Сѣрко, славній отаманъ кошевій, въ Грушовцѣ, пасѣцѣ своей, чрезъ нѣколикое время поболѣвши, преставися отъ жизни сея, *августа перваго*, и припроваженный водою до Сѣчи запорожской, и погребенъ чесно всѣмъ войскомъ низовимъ запорожскимъ въ полѣ за Сѣчью, противъ московскаго скопу, гдѣ иншое товариство запорозское погребалося. Погребенъ тежъ знаменито, августа 2, зъ многою арматною и мушкетною стрелбою и со великою всего войска низоваго жалостію» [1]).

Относительно послѣдняго изъ запорожскихъ кошевыхъ, Петра Ивановича Калнишевскаго, мнѣ удалось получить новыя свѣдѣнія какъ о началѣ его службы на Запорожьѣ, такъ и о его погребеніи. Приведу то и другое.

Изъ акта, помѣченнаго *1756 годомъ*, февраля 7, № 91, видно, что Калнишевскій прежде, чѣмъ занять высокій постъ кошеваго, былъ войсковымъ запорожскимъ асауломъ. Вотъ этотъ актъ, буква въ букву, «Графъ Кириллъ Разумовскій, гетманъ и кавалеръ, нашей

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, стр. 20.
[2]) Лѣтопись С. Величка, Кіевъ, 1851 года, т. II, стр. 497

генеральной войсковой канцеляріи.—Изъ присланныхъ сюда отъ коша войска низоваго запорожского депутатовъ асаулъ Петро Калнишевскій для нѣкоторыхъ войсковыхъ нуждъ отправленъ въ Сѣчь запорожскую, которій егда прибудетъ въ Глуховъ, то ему на взиманіе, отъ Глухова до Кременчука и до запорожскихъ поселеній и обратно къ Глухову, двохъ подводъ обывателскихъ, за указаніе прогони, подорожную и на платежъ прогоновъ въ оба пути надлежащее число денегъ изъ сумми скарбу войскового выдать оной генералной канцеляріи, и какъ скоро прибудетъ обратно въ Глуховъ, то его отправить сюда чрезъ почту безъ задержки и на прогони выдать денги изъ скарбу-жъ войскового.—Гетманъ Графъ К. Разумовскій. 1756 года февраля 7 дня, Санктъпѣтѣнбургъ, № 91» [1]).

Въ 1760 году, 27 генваря, Петръ Ивановичъ Калнишевскій именуется уже бывшимъ войсковымъ судьей, что видно изъ слѣдующаго документа. «Божіею милостію мы Елизаветъ первая императрица и самодержица всероссійская и проч., и проч., и проч. высоко и благоурожденному графу Кирилу Григорьевичу Разумовскому и всему войску запорожскому наше імператорское милостивое слово. Въ нашемъ сенатѣ поданными доношеніями присланныи отъ войска запорожского зъ делами бывшіи войсковыи судьи Павелъ Кириловъ и Петръ Калнишевскій, да писарь Артемей Васильевъ, просили о выдачѣ имъ при отъѣздѣ ихъ нынѣ отсюда въ Сѣчь запорожскую отпускного жалованья, въ разсужденіи имѣющихся на нихъ долговъ, противъ прежней въ 1756 году дачи, съ прибавкою и о дачѣ имъ съ будущими при нихъ тремя козаками осми подводъ и прогонныхъ денегъ, такожъ чтобъ послана была съ ними изъ нашего сената къ войску запорожскому грамота о прибавкѣ тому войску жалованья и трехъ пушекъ, да о безпошлинномъ изъ Малой Россіи въ Сѣчь запорожскую и оттуда въ Малую Россию провозѣ припасовъ и товаровъ къ ихъ запорожцовъ промыслу рыбы и протчего, и по справкѣ объ оныхъ дѣлахъ опредѣленія въ нашемъ сенатѣ учинены апреля 20-го и декабря 22 чиселъ прошлого 1759

---

[1]) Изъ архива П. С. Ефименка. Въ „Исторіи Сѣчи“ А. Скальковскаго имя П. Калнишевскаго мы встрѣчаемъ около 1750 г. въ качествѣ войсковаго асаула, по случаю преслѣдованія гайдамаковъ бывшимъ въ то время кошевымъ атаманомъ Григоріемъ Лантухомъ.

года и по онымъ къ вамъ грамоты уже посланы; того ради въ нашемъ сенатѣ опредѣлено: онымъ бывшимъ войсковымъ судьямъ Павлу Кирилову и Петру Калнишевскому, да писарю Артемью Васильеву, при нынѣшнемъ ихъ изъ Санктъпетербурга отъѣздѣ, дать нашего отпускного жалованья каждому по пятидесятъ рублевъ, а всѣмъ прочимъ сто пятдесятъ рублевъ, да имже съ обретающимися при нихъ тремя козаками для проѣзду отъ Санктъпетербурга до Сѣчи запорожской дать восемъ ямскихъ подводъ и на нихъ прогонныя денги выдать изъ статсъ-конторы, а на подводы подорожную дать изъ ямской канцеляріи, а вамъ, нашему гетману, при ордерѣ своемъ послать къ войску запорожскому, для содержанія при ономъ вмѣсто привиллегіи объ означенныхъ дѣлахъ, а имянно о прибавкѣ жалованья, о трехъ пушкахъ и о безпошлинномъ пропускѣ припасовъ и товаровъ съ посланной изъ нашего сената къ вамъ грамоты копіи, и о вышеписанномъ въ статсъ-кантору и въ ямскую канцелярію указы изъ нашего сената посланы въ Санктъпетербургѣ генваря 27 дня 1760 года, по ея императорскаго величества указу. Сенаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ князь Іванъ Щербатовъ» [1]).

Съ 1762 года Петръ Ивановичъ Калнишевскій уже занимаетъ постъ кошеваго атамана и потомъ сохраняетъ эту должность, кромѣ 1763 и 1764 годовъ, до самаго паденія запорожской Сѣчи, т. е. до 1775 года. Съ этого времени онъ сосланъ былъ на заточеніе въ Соловецкій монастырь, гдѣ прожилъ цѣлыхъ 25 лѣтъ, окончивъ свое существованіе въ 1803 году, 23 октября, имѣя *сто двѣнадцать* лѣтъ отъ роду.

Въ запискѣ о содержащихся по вѣдомству Тайной Экспедиціи, безъ отнятія чиновъ и дворянскаго достоинства, разныхъ чиновникахъ, которые Всемилостивѣйше прощены и освобождены, съ показаніемъ, гдѣ они находились, показанъ, въ числѣ *подольскихъ шляхтичей*, подъ № 29: «Петръ Калнишевскій, бывшій запорожскій кошевой атаманъ. Въ Соловецкомъ монастирѣ».

Тяжка была жизнь заключенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ: «Въ прежнее время всѣ заключенные дѣлились на три разряда. Первые—тѣ, которые находились на покаяніи; они жили въ заключеніи и обязаны были ходить въ церковь ежедневно. Узники втораго

[1]) Изъ архива П. С. Ефименка, № 9, по описи № 747.

разряда сидѣли въ заключеніи въ отдѣльныхъ комнатахъ и подъ замкомъ. Имъ позволялось, съ разрѣшенія архимандрита, иногда выходить: зимой на прогулку, лѣтомъ на работу (косить и т. д.). Наконецъ узники третьяго разряда могли выходить только три раза въ годъ, а остальное время сидѣли безвыходно подъ замкомъ. Въ монастырѣ этихъ называли «великими грѣшниками». Къ числу ихъ, вѣроятно, причислялся и Калнишевскій. Изъ этихъ грѣшниковъ нѣкоторые сидѣли еще въ рогаткахъ. Рогатками назывался инструментъ, надѣвавшійся на голову. Онъ состоялъ изъ желѣзнаго обруча вокругъ головы, отъ лба къ затылку, замыкавшагося помощію двухъ цѣпей, которыя опускались внизъ отъ висковъ, на замокъ подъ подбородкомъ. Къ этому обручу было придѣлано перпендикулярно нѣсколько длинныхъ желѣзныхъ шиповъ. Такимъ образомъ, эти рогатки не позволяли человѣку лечь на бокъ, ни на спину, ни навзничь, такъ что онъ долженъ былъ спать сидя. Изъ послѣдняго разряда заключенные обыкновенно или вскорѣ умирали, или дѣлались «блаженными», т. е. сходили съ ума, и тогда жили долго... Всѣ тюрмы находились въ то время въ монастырской стѣнѣ, комнаты были очень малы, а окна такой величины, что можно только руку просунуть» [1]).

Съ Калнишевскимъ запрещено было говорить; его выпускали изъ одиночнаго заключенія только три раза въ годъ: на Пасху, Рождество и Преображеніе. Такъ и скончался Калнишевскій въ Соловкахъ. Тѣло его погребено въ оградѣ главной церкви монастыря съ восточной стороны, гдѣ, спустя 53 года, положена небольшая плита архимандритомъ Александромъ Павловичемъ, впослѣдствіи епископомъ полтавскимъ, съ слѣдующею надписью:

«Господь нашъ Іисусъ Христосъ, положивый душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ, не хочетъ смерти грѣшника.

Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго кошеваго бывшей нѣкогда запорожской грозной Сѣчи козаковъ атамана Петра Калнишевскаго, сосланнаго въ сію обитель по высочайшему повелѣнію въ 1776 году на смиреніе. Онъ въ 1801 году по высочайшему

[1]) Русская Старина, 1875 года, ноябрь, томъ XIV.

повелѣнію, снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренно познавшаго свои вины. Скончался 1803 года октября 23 дня, въ субботу, 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою доброю.

Блаженни мертвіи умирающіе о Господѣ! Аминь. А. А. 1856 г.»

Д. И. Эварницкій.

Библіографія.

Указатель къ изданіямъ Императорскаго русскаго географическаго общества и его отдѣловъ съ 1846 по 1875 г. Спб. 1886 г.

Въ 1871 году петербургское географическое общество, по случаю исполненія двадцатипятилѣтія своего существованія, издало историческій очеркъ своей дѣятельности за означенное время. Вышедшій нынѣ «Указатель» изданій общества представляетъ подробные итоги этой дѣятельности за періодъ нѣсколько болѣе продолжительный, и какъ справочная книжка, является необходимымъ пособіемъ для всѣхъ желающихъ пользоваться изданіями и трудами общества.

Извѣстно, что ни въ одной литературной области не трудно такъ ріентироваться, какъ въ изданіяхъ офиціальнаго характера. «Описи», «Труды», «Памятники», «Извѣстія», всѣ эти изданія ученыхъ корпорацій и обществъ также лишены внѣшней индивидуальности, какъ казенныя зданія, расположенныя и построенныя на одинъ образецъ. При рѣшительно одной и той-же сущности, наименованіе изданія иногда вдругъ перемѣняется. Такъ казенные дома, волею чародѣя-эконома, являются неожиданно выкрашенными въ новый цвѣтъ.

Перемѣны подобнаго рода происходили и въ повременныхъ изданіяхъ географическаго общества. При болѣе или менѣе общей программѣ, временники этого общества назывались то «Записками географическаго общества» (1846—1859 г.), то параллельно существовавшими «Географическими Извѣстіями» (1848—50 г.) и «Вѣстникомъ географическаго общества» (1851—60 г.), то вновь возникшими «Записками» (1861—64 г.) и наконецъ «Извѣстіями географическаго общества» (съ 1875 г.). Къ своду содержанія этихъ изданій, въ «Указателѣ» прибавлены описанія отдѣльныхъ изданій общества (1848—75 г.), изданій его секцій 1851—75 г.), Трудовъ экспедицій (1853—75 г.), изданій провинціальныхъ отдѣловъ: кавказскаго, сибирскаго,

оренбургскаго, сѣверо-западнаго и покойнаго юго-западнаго и списки изданныхъ обществомъ отдѣльныхъ картъ.

Перечисленныя повременныя изданія общества, съ прибавкой годовыхъ его отчетовъ, представляютъ солидную географическую библіотеку, томовъ въ двѣсти. Редакторами изданій въ разное время состояли гг. В. Григорьевъ, Д. А. и Н. А. Милютины, Неволинъ, Бекетовъ, Безобразовъ, Бестужевъ-Рюминъ и другіе. Изданія секцій и отдѣловъ, нося болѣе спеціальный характеръ, представляютъ нѣчто самостоятельное, значительно еще увеличивающее сумму общей издательской дѣятельности общества.

Перелистывая эту номенклатуру статей, изслѣдованій и замѣтокъ, перечень сухой, но внушительный (144 страницы мельчайшей печати), мы останавливались на работахъ, посвященныхъ южно-русскому краю. Среди этой массы трудовъ по географіи, физической и политической, статистикѣ, этнографіи, археологіи, исторіи, лингвистикѣ, статей касающихся южно-русскаго края находимъ меньше, чѣмъ можно было-бы ожидать. Кромѣ капитальнаго труда Чубинскаго, важнѣйшими являются изслѣдованіе Аксакова «О торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ» и статистическія работы проф. Янсона о хлѣбной торговлѣ по бассейнамъ южно-русскихъ рѣкъ на Волыни. По части этнографіи выдѣляются угро-русскіе сборники Дешка. Остальное представляется рядомъ спорадически появляющихся небольшихъ этюдовъ и замѣтокъ.

Кромѣ общеизвѣстной тенденціи ученыхъ географовъ къ предпочтительному изслѣдованію далекихъ и мало вѣдомыхъ уголковъ, это обстоятельство объясняется, кажется, и тѣмъ, что мѣстные изслѣдователи рѣдко становились участниками въ трудахъ общества и обращались мало къ его посредничеству для обнародованія своихъ работъ. Между тѣмъ положеніе провинціальныхъ тружениковъ науки нерѣдко таково, что въ такомъ посредничествѣ иногда было-бы ихъ спасеніе. Примыкая къ такому почтенному обществу, какъ географическое, изслѣдователь вступаетъ на почву безпристрастной науки, далекой отъ гнета котерій, отъ заподозриваній и другихъ прелестей, какими славна провинція. Правда, не всегда легко отрывать свой трудъ отъ той среды, которая имъ болѣе интересуется, и зарывать его въ массѣ разнообразнѣйшаго посторонняго матеріала. Всѣми этими причинами объясняется, вѣроятно, то сравнительно небольшое число работъ о южной Россіи, справки о которыхъ даетъ «Указатель».

Въ виду малораспространенности и обширности состава изданій общества, равно исчезновенія многихъ изъ нихъ изъ продажи, считаемъ не лишнимъ отмѣтить по «Указателю» весь заключающійся въ нихъ южно-

русскій матеріалъ. Отмѣтки наши располагаемъ по порядку и времени выхода изданій.

а) *„Записки русскаго географическаго общества“* (1846—59 г.).

Книга V. 1851 г. Нѣсколько климатическихъ данныхъ, относящихся къ гор. Харькову.—Проф. Лапшина.—Кн. XI. 1856 г. Рѣки полтавской губерніи статья Ник. Маркевича.

b) *„Географическія Извѣстія“* (1848—50 г.).

Кн. за 1848 г. Достопримѣчательныя урочища въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ черниговской губерніи: 1) Мертвица, 2) Юхновъ, 3) Огнедышущая гора въ Леньковѣ, 4) Водоворотъ въ Леньковѣ и ключъ Улруй.—Сообщеніе Н. Маркевича. Въ библіографіи—рецензія книги Фундуклея „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи“.

c) *„Вѣстникъ императорскаго русскаго географическаго общества“* (1851—60 г.).

1851 г. Часть I. Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка.—И. И. Срезневскаго.— Число жителей въ городахъ полтавской губерніи.

Часть II. Замѣчательные памятники православія въ Кременцѣ.—Самуила Новошицкаго.—Малорусскія и галицкія загадки, изд. А. Сементовскимъ (рецензія).

Часть III. Мѣстечко Животовъ, кіевской губерніи.

1852 г Часть IV. Русь Угорская (отрывокъ изъ опыта географіи русскаго языка). И. И. Срезневскаго.—Часть VI. Этнографическія и статистическія свѣдѣнія объ ольгопольскомъ уѣздѣ каменецъ-подольской губерніи. Статья отца Н. Михневича.

1853 г. Кн. VII. Слѣдуютъ-ли вѣтры въ Харьковѣ закону вращенія Дове.—Пр. Лапшина.—Населеніе новороссійскаго края и Бессарабіи въ 1851 г.—А. А. Скальковскаго.—Труды комиссіи, высочайше учрежденной для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа (рецензія С. Куторги).—Объ учрежденіи комиссіи при университетѣ св. Владиміра и о дѣятельности ея въ 1851 и 1852 г.—Н. Х. Бунге.—Часть VIII. Дѣятельность комиссіи для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа въ 1852 и первую треть 1853 г.—Часть IX. Историческая и статистическая записка о Екатеринославѣ.

1855 г. Часть XIII. Бытъ малорусскаго крестьянина. А. Афанасьева-Чужбинскаго. Часть XIV. О климатѣ харьковской губерніи.—В. Лапшина.—Часть XV. Нѣсколько замѣтокъ о климатѣ подольской губерніи.—В. Шевича. -О винокуреніи, бывшемъ въ мѣстахъ малороссійскихъ до введенія кубовъ обыкновенныхъ и паровыхъ, А. Дмитрюкова.—Движеніе православнаго народонаселенія въ харьковской губерніи за 1854 г.—А. Рославскаго.

1856 г. Часть XVII. Обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ, бывшихъ на Украйнѣ до смерти Богдана Хмельницкаго, М. А. Максимовича.—Часть XVIII. О нѣкоторыхъ мѣстностяхъ екатеринославской губерніи, гдѣ открыта желѣзная руда.—Географическія замѣтки: Степная рѣчка Сухая Волноваха.—Гротъ Капниста.—В. Лапшина.

1857 г. Часть XIX. Обозрѣніе украинскихъ ярмарокъ (по изслѣдованію Аксакова), В. Безобразова.—Нѣкоторыя особенности аккерманскихъ молдаванъ, св. Енакіевича. Часть XXI. Записки въ пути по херсонской губерніи, Зеленецкаго.

1859 г. Часть XXV. Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ, И. Аксакова.—Статья В. Вешнякова. Часть XXVI. Этнографическій очеркъ восточной Галиціи.—Циммермана.

d) *„Записки императорскаго русскаго географическаго общества“* (1861—64 г.). 1863 г. Кн. 2. Очеркъ пространства между Кубанью и Бѣлой, М. Венюкова.—1864 г. Кн. 4. Записка о торговыхъ и промышленныхъ силахъ Одессы въ 1859 г.—Скальковскаго.

e) *Извѣстія императорскаго русскаго географическаго общества“* (1865—74 г.). Томъ II (1866 г.). Записки черниговскаго губ. статистич. комитета (замѣтка). Томъ V (1869 г.). О цѣнахъ въ хлѣбной торговлѣ съ пристаней средняго теченія Днѣпра, Ю. Янсона. Томъ VIII (1869 г.). О результатахъ этно а фическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край, П. П. Чубинскаго и Краткое извлеченіе изъ доклада, читанное имъ же въ отдѣленіи этнографіи Томъ X (1874 г.). О раскопкахъ кургана „Черная Могила“ въ Черниговѣ.

Такова скудная жатва южно-русскаго матеріала во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ общества за 30 лѣтъ.

Въ годовыхъ отчетахъ общества за 1870, 1872, 1873 и 1874 года помѣщены свѣдѣнія о трудахъ экспедиціи П. П. Чубинскаго и докладъ о нихъ-же комиссіи отдѣленія этнографіи.

Въ рубрикѣ «Отдѣльныхъ изданій общества», въ «Обзорѣ главнѣйшихъ путешествій и географическихъ открытій съ 1848 по 1853 г.» упоминаются: Поѣздка гр. А. С. Уварова въ южную Россію, Описаніе губерній кіевскаго учебнаго округа, губерніи екатеринославской и харьковской епархіи. Одно время нѣкоторые изъ издаваемыхъ обществомъ трудовъ переводились на французскій языкъ для международнаго обращенія; это изданіе носило имя: «Extraits des publications de la s - ciete Iмperiale Geographique de Russie». Здѣсь помѣщены въ переводѣ указанныя выше статьи Максимовича, Безобразова (Les foires de l'Ukraine) и Маркевича (Les rivieres du gouvernement de Poltava).

Въ изданіяхъ отдѣленій находимъ слѣдующія работы:

„Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи“, Кн. II. 1854 г. „О торговлѣ на харьковскихъ ярмаркахъ въ теченіи пятилѣтія, съ 1842 по 1846 г.“—Рославскаго-Петровскаго.

„Этнографическій Сборникъ“ 1853 г. Село Кобылья, волынской губерніи новоградъ-волынскаго уѣзда, протоіерея Морачевича.—Мѣстечко Александровка черниговской губерніи, сосницкаго уѣзда, свящ. Г. Базилевича.—Домашній бытъ малоросса полтавской губерніи, хорольскаго уѣзда, свящ. А. Иваницы.

Тотъ-же „Сборникъ“, выпускъ III. 1858 г. Бытъ малорусскаго крестьянина, преимущественно полтавской губерніи. Выпусхъ VI. 1864 г.—Суевѣрные обряды при постройкѣ дома въ каменецъ-подольской губерніи, замѣтка Дыминьскаго.

„Записки по отдѣленію этнографіи“ 1867 г. Т. I. Народныя пѣсни, пословицы и поговорки Угорской Руси, собраніе А. П. Дешко.—Свадьба на Угорской Руси, его-же. Т. II. 1869 г.—Пословицы и поговорки Галицкой и Уг р-

ской Руси.—Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій въ Малороссіи.—П. Чубинскаго.

Самыя обширныя и самыя цѣнныя изслѣдованія, касающіяся русскаго юга, встрѣчаемъ въ такъ называемыхъ «Трудахъ экспедицій». Первымъ по времени вышло изслѣдованіе И. Аксакова «О торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ». Самъ авторъ переработалъ впослѣдствіи свой трудъ въ журнальную статью; весь-же тяжелый арсеналъ труда помѣстился въ огромномъ томѣ in 4°, изданномъ обществомъ и теперь очень рѣдкомъ. Онъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о ярмаркахъ Харькова, Полтавы, Ромна, Сумъ, Кролевца и Елисаветграда. Тутъ много данныхъ о естественныхъ произведеніяхъ края, о крестьянскихъ промыслахъ и пр., свѣдѣній въ настоящее время, конечно, значительно устарѣвшихъ, такъ какъ книга относится ко временамъ крѣпостнаго права. Въ первомъ томѣ «Трудовъ экспедиціи для изслѣдованія хлѣбной торговли и промышленности въ Россіи» помѣщены обширныя изслѣдованія проф. Янсона: О хлѣбной торговлѣ по среднему теченію Днѣпра, о такой-же торговлѣ на Волыни и на самовозныхъ рынкахъ (Нѣжинъ, Ичня, Лохвица, Конотопъ, Бѣлополье, Глуховъ) и о хлѣбной торговлѣ въ одесскомъ районѣ. Рядомъ съ этими трудами стоятъ работы Чубинскаго о хлѣбной торговлѣ и льняномъ производствѣ на сѣверѣ. Петербургскій профессоръ избралъ для изученія югъ, а кіевскій ученый, помимо выбора, сталъ изслѣдователемъ далекаго сѣвера, котораго былъ невольнымъ обитателемъ.

О «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западнорусскій край» говорить много нечего. Громадное значеніе этого изданія для южно-русской этнографіи давно оцѣнено всѣми. Самая исторія этого изданія ждетъ еще своего лѣтописца. Необыкновенная энергія и талантъ, проявленные покойнымъ П. П. Чубинскимъ въ обнародованіи этого памятника, гдѣ запечатлѣлась душа народа, доставятъ ему навсегда неувядаемую память и славу.

Въ «Указатель», въ перечнѣ содержанія томовъ этого изданія, не вошли выпуски, вышедшіе послѣ 1875 г. (пословицы, загадки, колдовство, обряды и малорусское населеніе края). Не можемъ не выразить, кстати, не относящагося впрочемъ къ географическому обществу, сожалѣнія объ отсутствіи предметныхъ и мѣстныхъ указателей къ отдѣльнымъ томамъ изданія. Въ такомъ томѣ, какъ напр. пятый, съ его безчисленнымъ матеріаломъ бытовыхъ пѣсенъ, такой указатель является вопіющей необходимостью. Всѣмъ, кому не чужда малорусская этно-

графія, мы дали-бы благой совѣтъ запасаться этимъ драгоцѣннымъ изданіемъ, выписывая оставшіеся экземпляры изъ петербургскаго географическаго общества. Все изданіе стоитъ 18 р. 60 коп. По своей обширности и дороговизнѣ оно едва-ли скоро повторится.

Отмѣтки наши слѣдуетъ закончить упоминаніемъ о двухъ томахъ «Записокъ юго-западнаго отдѣла географическаго общества» и объ изданной тѣмъ-же отдѣломъ книгѣ «Кіевъ по переписи 1874 года».

Эти три книги составляютъ весь урожай на кіевской почвѣ географической науки. Дни отдѣла вскорѣ пресѣклись. Не утѣшиться-ли мыслью, что все хорошее на свѣтѣ не долговѣчно?

W.

Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Панаса Мирного. Кіевъ. 1886 г.

«Кіевская Старина», какъ показываетъ пятилѣтнее почти ея существованіе, не смотря на спеціализирующее ее названіе, не чужда наблюденій надъ проявленіями и современной мѣстной жизни, по скольку эта послѣдняя служитъ продолженіемъ или отраженіемъ жизни минувшей. Названная книга представляетъ собою именно одно изъ такихъ проявленій. Это два художественные очерка изъ народной нашей жизни, которые и временемъ своего составленія, и особенностями содержанія, и самымъ языкомъ своимъ переносятъ насъ къ прошлому. Вотъ почему я хочу говорить въ журналѣ историческомъ о книгѣ не исторической, а чисто беллетристической.

Среди интеллигентныхъ малороссіянъ, не смотря на многолѣтнія горячія усилія покойнаго де-Пуле и К°, не переводятся чудаки, которые продолжаютъ любить свою родную рѣчь и даже писать и издавать на ней книжки содержанія и названія дозволеннаго. Но не объ нихъ рѣчь.

Появленіе въ печати новой книжки на малорусскомъ языкѣ меня всегда радовало, какъ признакъ неизсякаемости запаса духовныхъ силъ народа. Появленіе книжки г. Мирного, какъ наиболѣе талантливаго въ настоящее время малорусскаго беллетриста, порадовало меня въ особенности.

Вспомнились мнѣ хорошіе 60-е годы, мои молодые годы. Тогда явились Кобзарь, Повѣсти Квитки-Основьянепка, Марка-Вовчка, издавалась «Основа». Помню я то время и отчетливо могу возстановить въ моей памяти тѣ сладостные для меня моменты, когда я, воспитанный на панской традиціи среди находившейся подъ игомъ крѣпостничества Украйны, и изъ-за призмы панскихъ воззрѣній на мужика, снизойти къ которому строго воспрещалось семейно-панскою моралью, впервые взглянулъ иными глазами на эту хлопскую жизнь, сталъ уразумѣвать смыслъ и содержаніе оной и когда я, вмѣстѣ съ другими, по мѣрѣ прозрѣванія, влюблялся въ село, въ селянъ, и пока наконецъ не кинулся къ мужику съ распростертыми объятіями, готовый всей силой молодой души любить его, служить ему.

Если во всемъ этомъ нравственномъ моемъ и многихъ иныхъ перерожденіи и сказалось общее вѣяніе, охватившее всю тогдашнюю Россію, если эта метаморфоза, происшедшая въ насъ, и была знаменіемъ той эпохи, то все таки совершившемуся съ нами много помогли вышепомянутыя книги, въ свою очередь вполнѣ отвѣчавшія назрѣвшей потребности момента нашего развитія. Это были истолкователи хлопской жизни во всѣхъ проявленіяхъ оной, жизни закрытой по ту пору темной завѣсой крѣпостничества.

Прошло это время! Экстазъ молодости, бурные порывы улеглись и подъ внѣшнимъ давленіемъ, и подъ холодною критикою фактовъ. Многое изъ прежняго перестало быть яркимъ въ нашихъ глазахъ, установился иной взглядъ на событія, явились новые запросы въ душѣ. Малорусская рѣчь перестала быть новооткрытою Америкой; годы убѣдили насъ въ пригодности малорусскаго языка для произведеній литературныхъ, но вмѣстѣ привели къ заключенію о негодности старыхъ мотивовъ и необходимости иныхъ сюжетовъ, кромѣ крестьянскаго быта. Сантиментальное нытье надъ *долею* покинутой ловеласомъ и обманутой имъ дѣвушки (послѣ Шевченка никто ничего сильнѣе не сказалъ на эту тему) стало казаться намъ приторно-слащавымъ и драматизмъ положенія ослабѣлъ въ нашихъ глазахъ. Почувствовалось, что многаго не достаетъ въ малорусской литературѣ со стороны ея содержанія, что такія важныя явленія въ современной народной жизни южнаго края Россіи, какъ эмансипація, польское возстаніе, желѣзно-дорожное и сахаро-заводское дѣло, штунда и шалопутство, война 1877—78 гг. съ добровольцами и погонцами, выселеніе на Амуръ, чиншевой вопросъ, жидотрепаніе и обрусѣніе представляющіе собою богатые сюжеты для мѣстной беллетристики, остаются не затронутыми.

Книжка г. Мирного не производитъ большаго перелома въ направленіи крохотной малорусской литературы, но ближе другихъ подходитъ къ назрѣвшимъ вопросамъ современной малорусской беллетристики.

Въ книгѣ этой, очевидно первой изъ предположенныхъ къ напечатанію нѣсколькихъ книгъ, имѣются двѣ повѣсти: «Лыхый попутавъ» и «Пьяныця» и вмѣсто предисловія воззваніе къ музѣ. Первая повѣсть помѣчена 1872, а вторая 1874 годомъ, что даетъ право предполагать намѣреніе автора при изданіи своихъ сочиненій держаться хронологическаго порядка. Помѣта воззванія къ музѣ 1885 годомъ, по его смыслу, даетъ намъ возможность видѣть душевный настрой автора въ настоящее время, отчасти прозрѣвать его литературное *credo*.

Книжечка издана чистенько и продается очень недорого (50 коп.), если принять во вниманіе то обстоятельство, что вознагражденіе за трудъ автора будетъ зависѣть отъ расхода изданія.

Первая изъ находящихся въ книжкѣ повѣстей есть разсказъ нѣкоей Варки Луценковой про ея горькую жизнь. Онъ переноситъ читателя прямо въ село, въ его милую и наивную жизнь. Разсказчица Варка, оглядываясь назадъ, вспоминаетъ ту пору своей жизни, въ которой она достигла было высшаго развитія силъ своего дѣвичьяго духовнаго естества. «Мини тоди восимнадцятый рикъ пишовъ». Это была лучшая пора ея жизни, беззаботнаго существованія. Просто, безъискуственно передаетъ Варка о своемъ горькомъ сиротствѣ, о притѣсненіяхъ со стороны «дядины», заставившихъ ее искать болѣе подходящаго способа жизни. Она переходитъ въ городъ и тамъ нанимается въ работницы къ мѣщанкѣ, по профессіи цекаркѣ. Жизнь на этомъ новомъ мѣстѣ, наивныя мечты Варки о томъ, что она по сю пору никогда ничего своего не имѣвшая и въ первые работающая за деньги, пріобрѣтетъ для себя, чѣмъ, разумѣется, досадитъ не мало нелюбимой дядинѣ—все это живо и естественно изображено въ разсказѣ. «Когда вы мнѣ читаете, то я, вслушиваясь, забываю и васъ и вашъ голосъ: мнѣ такъ и слышится сама Варка; закрою глаза и она, какъ живая, предстаетъ предо мною», говорилъ мнѣ одинъ мой пріятель, съ которымъ мы прочитывали вмѣстѣ эту книгу.

Ознакомливается Варка скоро съ городомъ, лучше сказать, съ тою его частію, гдѣ обыкновенно живутъ разныя *перепечайки*, т. е. съ пригородней слободкой. Здѣсь тоже самое село, но уже подъ вліяніемъ городской цивилизаціи въ саморазличнѣйшихъ ея проявленіяхъ, о которыхъ здѣсь въ

замѣткѣ, разумѣется, не мѣсто распространяться. «Городяне», или жители подгородней слободки, показалнсь Варкѣ лучшими, нежели люди ея деревни. «И парубки у мисти кращи, нижъ у сели». Въ такой порѣ жизни «парубки» найболѣе обращаютъ вниманіе «дивчины», и Варка въ своемъ разсказѣ отводитъ имъ особое, хотя не большое, но тѣмъ не менѣе яркое опредѣленіе. Всѣ эти парубки франтовато одѣты, обуты въ пригнанныхъ по ногѣ сапогахъ, ловкіе, красивые. «Иде улицею якій, якъ картина; такъ-бы на ёго все дивилася, никуды очей не зводила». Еще бы!

Росла, росла дивчинонька
Тай на пори стала...

Стала и Варка *на пори*. Послѣ зимы пришла плѣняющая весна и упоенная ею Варка среди обычной сутолоки жизни мѣщанской улицы находитъ то, къ чему безсознательно рвалось все ея естество: находитъ кого полюбить и любитъ. Первая встрѣча, первое знакомство прекрасно изображены въ разсказѣ. Полюбила Варка всей душей, а онъ «высокій, статный, якъ вьязъ, бравый, якъ сокилъ». И затѣмъ идетъ горькая исторія любви, обманъ, послѣдствія всего этого, а въ концѣ концевъ бѣдная Варка очутилась въ тюрьмѣ, какъ обвиняемая въ утопленіи ребенка. Все это до малѣйшихъ деталей разсказано мастерски. Авторъ не пропустилъ ни одной характерной черточки: естественно, самъ собою выплываетъ въ разсказѣ антагонизмъ между работницею Варкою и ея хозяйкою; ея нелюбовь къ хозяйкѣ, подсказанная ея милымъ, тоже работникомъ изъ сосѣдняго двора; живо очерчены отношенія къ Варкѣ семьи дяди, попытки погибающей дѣвушки найти защиту и удовлетвореніе въ волости и наконецъ самый моментъ безсознательнаго утопленія ребенка. Все это живо, реально, толково и вполнѣ обдуманно. Больше ничего и сказать нельзя.

Другая повѣсть, «Пьяныця» есть уже объективный разсказъ про жизнь одного «панича», затѣвавшаго канцелярскою службою проложить себѣ дорогу въ жизни и покончившаго очень печально. По рѣшенію своего отца, мелкопомѣстнаго панка, «що тилько одинъ и живъ на циле козаче село Недогарки», паничъ отправляется на службу, составляющую излюбленный идеалъ его отца. Идетъ онъ въ службу противъ своего желанія, вопреки природному влеченію къ тихой семейной жизни. Болѣзненный, небольшаго роста, Ивась, опредѣлившись въ какую-то канцелярію, мало по мало входитъ въ колею, хотя и до конца не сживается съ окружающимъ его міромъ. Канцелярщина не удовлетворяла его; пробужденный школьною наукою умъ его искалъ лучшаго, пищи духовной. Ивась предается мечтательности, путается въ цѣломъ сплетеніи

неразрѣшимыхъ вопросовъ и случайно натыкается на то, что впослѣдствіи хоть отчасти утоляло его больную душу,—весь отдается музыкѣ, игрѣ на скрипкѣ.

Все окружающее Ивася пошло и мерзко, и вотъ онъ, отдаваясь своей излюбленной музыкѣ, натыкается на живую, пылкую, страстную дочь квартирной хозяйки, которую и полюбилъ всею силою своей цѣломудренной души. Онъ проводитъ съ нею свой досугъ, хочетъ учить ее грамотѣ и, разъясняя буквы—значки, останавливается на *еры* «ы», или яры, какъ понимаетъ игривая, страстная Наталка, боящаяся упасть въ нихъ. Но вотъ является въ томъ-же дворѣ братецъ Ивася, пошлый паничъ Петро, ни въ чемъ не похожій на Ивася—ни по внѣшности, ни по нравственнымъ качествамъ и направленію. Это исчадіе канцелярщины, этотъ недавній альфонсъ какой-то помѣщицы, цинически безнравственный субъектъ, соотвѣтствовалъ назрѣвшей у Наталки потребности любви и, въ продолженіи недѣли своего пребыванія у брата, увлекъ ее и нарушилъ мирное блаженство Ивася. Скоро все выяснилось. Авторъ съумѣлъ артистически передать сцену объясненія всего случившагося.

Все негодованіе, все, что накипѣло на душѣ, Ивась выражаетъ въ письмѣ къ брату и, изнывая въ негодованіи, опять терзаетъ свою душу распросами у Наталки о случившемся. Суть дѣла еще болѣе точно выясняется въ этихъ надрывающихъ душу сценахъ распросовъ, и тутъ-то этотъ горькій Ивась дѣлаетъ Наталкѣ предложеніе выйти за него замужъ. Честная душа Наталки высказывается въ отказѣ на это предложеніе. Часъ отъ часу не легче: наскакиваетъ мать, злая пьяная «перекупка» и, заподозривъ объясняющихся, вымещаетъ свою злобу на Наталкѣ побоями, отъ которыхъ слабохарактерный, утлый Ивась не въ силахъ защитить любимую имъ дѣвушку. Натянутыя струны души не выдерживаютъ и лопаются: Иванъ Микитовичъ заливаетъ горе водкою—этимъ панацейнымъ лекарствомъ всякихъ скорбей на Руси и... дѣлается *пьяницею*.

Горькая повѣсть разбитой и неудавшейся жизни съ большимъ талантомъ разсказана авторомъ; въ повѣсти все выдержано и ярко очерчено со свойственною г. Мирному умѣлостію и художественностію. Остается ожидать дальнѣйшихъ выпусковъ разсказовъ и повѣстей г. Мирного, обнаружившаго несомнѣнный талантъ.

Книжка не свободна и отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, относящихся впрочемъ къ внѣшней сторонѣ. Начну съ заглавія. Меня поразила его вычурность «Збираныця зъ ридного поля»... и затѣмъ... *творы*. Къ чему эта аллегорія? Гдѣ выкованы и кѣмъ узаконены и неуклюжая

«Збираныця», и опротивѣвшіе до смерти «творы»? Въ свое время достаточно было заглавіе «Повисти Квитки, Повисти Марка Вовчка». Коротко и ясно. А теперь возвращаются къ заглавіямъ XVII в., къ куръёзамъ Барановича, Галятовскаго, Гизеля. Не хорошо.

Перейду къ языку книжки вообще. Въ немъ много мѣстнаго говора, не мало руссицизмовъ, есть нѣкоторое «варняканье», даже просто недостатокъ отдѣлки и прямыя неправильности въ построеніи рѣчи. У беллетриста патентованнаго, какъ г. Мирный, желательно было-бы видѣть языкъ очищенный отъ мѣстныхъ особенностей и отдѣланный по правиламъ грамматики, съ возможнымъ устраненіемъ искусственности. Тѣмъ болѣе не простительны погрѣшности въ начертаніи словъ, прямое какъ-бы уродованіе ихъ. Ограничусь лишь весьма немногими указаніями. Авторъ всюду пишетъ: *мини*, а нужно писать *мени* (я, мене, мени и т. д.), перепычайка, а не перепечайка, хотя говорится: пекти, а не пыкты, перевылося, а не перевелося, засунимося, а не засунемося, въ грудихъ, а не въ грудяхъ, побрыла, а не побрела, хочытьця, а не хочетьця, трапетьця, а не трапитьця, и т. д.

Часть этихъ ошибокъ произошла, можетъ быть, и не по винѣ автора, а пожалуй корректора: у всякаго вѣдь свое правописаніе, и нѣтъ болѣе не установившагося правописанія, какъ малорусское. Самая фамилія автора, точнѣе его псевдонимъ, пишется не одинаково; въ настоящей книжкѣ написано Мирный, въ альманахѣ «Рада» 1883 года и въ *Покажчикѣ* Комарова Мирний, въ «Радѣ»-же за 1884 годъ Мырный.

Борисъ Познанскій.

Отчетъ холмскаго православнаго свято-Богородицкаго Братства за 1884—5 (шестой) годъ.

Намъ давно сообщенъ этотъ любопытный и поучительный отчетъ и мы давно собирались говорить объ немъ. Мы даже обѣщали сдѣлать это, заговоривъ о Холмѣ въ одномъ изъ предъидущихъ библіографическихъ обзоровъ, по поводу втораго выпуска „Памятниковъ холмской старины", изд. П. Н. Батюшковымъ. Чувствуемъ, что мы значительно опоздали и охотно винимся въ томъ, не столько впрочемъ предъ читателями, сколько предъ самимъ почтеннымъ Братствомъ. Но если, по пословицѣ, на доброе дѣло не поздо никогда, то и говорить о добромъ дѣлѣ не поздо также никогда.

Годъ дѣятельности Холмскаго Братства и вмѣстѣ отчетный его годъ считается съ 8-го сентября, дня открытія братства и престольнаго праздника въ холмскомъ каѳедральномъ соборѣ. Настоящій отчетный годъ есть уже шестой годъ существованія холмскаго Братства, и составитель отчета счелъ умѣстнымъ предпослать ему краткій обзоръ дѣятельности Братства со времени его учрежденія.—Вотъ чѣмъ занималось Братство въ этотъ промежутокъ времени: издавало само, пріобрѣтало и распространяло въ народѣ соотвѣтствующія его цѣлямъ книги и брошюры, заботилось о воспитаніи и образованіи крестьянскихъ дѣтей, о пособіи неимущимъ, о благолѣпіи храмовъ Божіихъ въ Холмщинѣ и Подлясьѣ, о развитіи въ народѣ любви къ православію и наконецъ о привлеченіи въ свой кружекъ найбольшаго числа русскихъ православныхъ дѣятелей, точнѣе жертвователей. Что-же сдѣлало, какъ много успѣло Братство въ теченіи 6-ти лѣтъ?

Однихъ книгъ и брошюръ издало оно 45,000 экз., безъ малаго на $4^1/_2$ т. р. с., а пріобрѣло тѣхъ и другихъ, покупкою и пожертвованіемъ, съ лишнимъ 36,000 экз., безъ малаго на $6^1/_2$ т. р. с. Изъ числа послѣднихъ цѣлую половину составляютъ Молитвенники (15 т. экз.), въ которыхъ, конечно, найбольшая потребность въ тамошнемъ возсоединенномъ населеніи, а въ ряду изданій Братства первое мѣсто занимаютъ „Богогласникъ“, или сборникъ набожныхъ пѣсень, особенно любимыхъ народомъ и издавна въ немъ распространенныхъ, и Холмскій Народный Календарь, представляющій собою, сверхъ календарныхъ свѣдѣній, сборникъ статей, направленныхъ къ уясненію минувшей судьбы забужнаго русскаго населенія, едва не утратившаго своей вѣры и народности подъ гнетомъ польщизны и католичества. Послѣднее изданіе мѣняется въ своемъ содержаніи ежегодно и выходитъ въ числѣ 10 т. экземпляровъ. Какъ удачно придумано первое изданіе и какъ велика въ немъ потребность для возсоединенныхъ, видно изъ того, что въ отчетномъ году Братство, уступая многочисленнымъ требованіямъ, должно было повторить это изданіе въ числѣ 6,000 экз., такъ какъ первое изданіе предшествовавшаго года, въ 3 т. экз., разошлось въ самое короткое время. Изданіемъ „Богогласника“ Братство удовлетворило одной изъ самыхъ существенныхъ нуждъ возсоединенныхъ, которые безъ того продолжали-бы по прежнему пѣть польско-католическіе *рожанцы* и *шкаплержи*. Если для успѣховъ православія необходимо пробужденіе въ тамошнемъ народѣ сознанія его русской народности, то что лучше можно придумать для этой цѣли, какъ не распространеніе въ немъ такихъ пѣсень, какъ „Пречистая Дѣво, Мати *рускаго* краю“, или пѣснь къ Пресвятой Богородицѣ Холмской? Самый

способъ распространенія „Богогласника“ чрезъ продажу по дешевой цѣнѣ при посредствѣ священниковъ нельзя не назвать найболѣе пригоднымъ; но нельзя того-же сказать о распространеніи Народнаго Календаря чрезъ начальниковъ учебныхъ дирекцій и уѣздныхъ начальниковъ всѣхъ десяти губерній привислянскаго края. Мы помнимъ, какую бурю вызвала въ 1866 г. безплатная разсылка покойнымъ княземъ В. А. Черкасскимъ галицко-русскихъ проповѣдей св. Добрянскаго по церквамъ холмской епархіи чрезъ военно-уѣздныхъ начальниковъ. Нѣчто подобное, не въ томъ, такъ въ другомъ мѣстѣ, можетъ случиться и теперь: порядокъ и пріемы распространенія офиціальнымъ путемъ книгъ, какъ равно билетовъ на концерты, спектакли и проч. съ благотворительною цѣлью, слишкомъ извѣстны, чтобы говорить о нихъ что либо здѣсь. Для распространенія изданій Братства внѣ района его дѣятельности у него есть свои естественные пути, какъ постоянные—въ лицѣ церквей и школъ, такъ и особые—въ дни большихъ праздниковъ и торжествъ, особливо въ Холмѣ, Радочницѣ, Лешнѣ и т. п., куда стекаются тысячи народа. Конечно, кромѣ Холмщины и Подлясья, во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ привислянскаго края найдется много православныхъ, которымъ было-бы желательно и полезно ознакомиться съ изданіями Братства; но тутъ для людей образованныхъ обыкновенный путь—покупка или выписка по публикаціи въ газетахъ, а для людей простыхъ, бѣдныхъ—приходскія попечительства, которыя есть во всякой почти губерніи. Мы не сомнѣваемся, что Братству, при его обширныхъ сношеніяхъ, извѣстны лучше насъ не только названные, но и многіе другіе пути для распространенія его изданій, и если заговорили объ этомъ, то лишь потому, что по опыту знаемъ, какъ не всегда удобенъ въ подобныхъ дѣлахъ проторенный путь офиціальный, пользованіе которымъ можетъ давать врагамъ православія поводъ къ разнымъ нелѣпымъ толкамъ и инсинуаціямъ.

Пересматривая названія какъ изданныхъ самимъ Братствомъ, такъ и пріобрѣтенныхъ имъ книгъ и брошюръ, нельзя не отдать ему справедливости въ томъ, что выборъ его становится все болѣе тщательнымъ и цѣлесообразнымъ. На будущее время Братство обѣщаетъ приступить, да вѣроятно уже и приступило, къ изданію статьи свящ. Будиловича: „Памятники русской старины въ Замостьѣ“ и брошюры Е. М. Крыжановскаго: „Забужная Русь“. уступленной авторомъ въ собственность Братства. Послѣдняя, по спеціальности изслѣдуемаго ею вопроса и научнымъ пріемамъ изложенія, при всемъ важномъ практическомъ ея значеніи, можетъ найти доступъ лишь въ кругъ образованныхъ читателей, вторая-же, какъ намъ кажется, можетъ быть вполнѣ популярнымъ и общедоступнымъ изданіемъ Братства.

Кромѣ книгъ и брошюръ холмское Братство въ теченіи 6-ти лѣтъ пріобрѣло и распространило въ народѣ до 80 тысячъ иконъ, медальоновъ, крестиковъ и разныхъ священныхъ и историческаго содержанія картинъ. Все это пріобрѣталось и на наличныя средства Братства, и путемъ пожертвованій, а распространялось исключительно почти безплатно. Раздача производилась большею частію при торжественной обстановкѣ, при многолюдныхъ собраніяхъ народа, послѣ архіерейскаго богослуженія и крестныхъ ходовъ, въ дни храмовыхъ праздниковъ въ городахъ и селахъ. По свидѣтельству очевидцевъ такая раздача представляла всегда умиляющую картину и производила умилительное дѣйствіе на народъ, связывая его съ своими пастырями и со всѣмъ православно-церковнымъ и русскимъ міромъ. Еще недавно этотъ народъ тысячами валилъ въ католическіе костелы на отпусты и пышныя процессіи, а теперь онъ-же устремляется тысячами на процессіи православныя и раздача крестиковъ и иконокъ служитъ однимъ изъ привлекающихъ средствъ. Велико потому значеніе этой простой повидимому мѣры...

Пріобрѣтено также братствомъ, путемъ пожертвованій, разной церковной утвари на сумму до 19 т. р. и снабжено ею 156 церквей, т. е. большая часть б. уніатскихъ церквей. Кто видѣлъ эти убогія, вѣками обнищанныя церкви, въ которыхъ встрѣчались оловяныя и даже деревянныя чаши, полотняные подризники и панковыя ризы, тому понятно будетъ значеніе и этого дѣла Братства, плода его попеченій и заботливыхъ сношеній.

Денежныя средства свои Братство расходовало съ большою осмотрительностію и экономіею, роздавъ за 6-ть лѣтъ вспомоществованій: церквамъ 1,519 р., частнымъ бѣднымъ лицамъ 1,030 р., учащимся 136 р. и стипендіатамъ холмскаго духовнаго училища 1,386 р., но за то оно обезпечило свою дѣятельность въ будущемъ капиталомъ, превышающимъ 15 т. р.

„Независимо отъ сего, читаемъ далѣе въ отчетѣ, заботами Братства и при его содѣйствіи: 1) возстановлены почти по всѣмъ приходамъ церковно-приходскія братства; 2) учрежденъ при холмскомъ Братствѣ музей, въ которомъ хранится значительное количество печатныхъ и рукописныхъ памятниковъ холмской старины; 3) исходатайствовано Братству Высочайшее покровительство и учрежденъ внѣшній знакъ принадлежности къ Братству 3-хъ степеней; 4) приняты на попеченіе Братства школы, вновь открывающіяся въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ школъ министерскихъ и 5) устроены въ нѣкоторыхъ приходахъ склады для распространенія въ народѣ духовно-нравственныхъ книгъ, заведена при братскомъ музеѣ особая библіотека, устроены и организованы

надлежащимъ образомъ центральный при Братствѣ складъ книгъ и церковныхъ вещей, а также братская лавка съ принадлежностями церковнаго богослуженія, иконами, крестиками" и пр.

Въ этихъ краткихъ и скромныхъ словахъ, въ связи съ сказаннымъ выше, охвачена вся широкая дѣятельность холмскаго Братства, подобной которой не представляетъ ни одно изъ существующихъ братствъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ указанныхъ сейчасъ сторонъ дѣятельности Братства.

Возстановленіе церковныхъ братствъ во всѣхъ почти приходахъ люблинской, сѣдлецкой и августовской губерніи должно считать величайшею заслугою холмскаго Братства. Къ сожалѣнію, отчетъ ничего не говоритъ о самомъ возстановленіи, т. е. когда и какъ оно совершилось, какія братства были прежде и какими они стали теперь и въ чемъ проявляется ихъ дѣятельность; онъ только ссылается на недоступные публикѣ отчеты по холмско-варшавской епархіи. Между тѣмъ намъ извѣстно, что братства существовали до 1875 г. во всѣхъ почти уніатскихъ приходахъ въ той самой формѣ, въ какой они существовали еще до введенія уніи, и что это наслѣдіе древней южно-русской жизни, уничтожившееся на всемъ почти пространствѣ южной Россіи, какъ окаменѣлость, уцѣлѣло только здѣсь подъ скорлупою уніи. Куда-же дѣвались эти братства, когда и отъ чего они уничтожились, если теперь пришлось вновь возстановлять ихъ? Не отвѣтитъ-ли холмское Братство на эти вопросы въ слѣдующемъ отчетѣ или въ особой статьѣ въ Народномъ Календарѣ? Предметъ стоющій вниманія, а параллель хежду тѣми и другими братствами была-бы не только любопытна, но, быть можетъ, и поучительна.

О значеніи музея древностей при Братствѣ мы говорили раньше, по поводу его учрежденія; теперь съ истиннымъ удовольствіемъ читаемъ въ отчетѣ о постоянно увеличивающихся его пріобрѣтеніяхъ, описаніи ихъ и приведеніи въ порядокъ. Музей существуетъ всего три года и какое множество драгоцѣнныхъ православно-русскихъ древностей успѣлъ онъ собрать въ этомъ заброшенномъ и не початомъ уголкѣ земли русской. Тутъ древніе, начиная съ XIV и XV ст., иконы, кресты, медальоны, рукописныя евангелія, числомъ 18, разныя церковно-богослужебныя книги, Поученія на весь годъ на западно-русскомъ языкѣ XV—XVII ст., нѣсколько помянниковъ, отдѣльныхъ актовъ до 700, Апостолъ первопечати Ивана Ѳедорова, много уніатскихъ изданій и въ числѣ ихъ Акаѳистъ и молебенъ Божіей Матери на польскомъ языкѣ, какъ памятникъ покушенія замѣнить въ уніатскомъ богослуженіи церковно-славянскій языкъ польскимъ. Совершенно соглашаемся съ отчетомъ, что» со-

бираемые Братствомъ вещественные и письменные памятники мѣстной старины, по приведеніи ихъ въ извѣстность, докажутъ ту историческую правду, что тамошній край искони русскій и православный и что унія навязана была въ немъ насильно послѣ продолжительной борьбы народа за свое древнее „благочестіе“.

Церковно-приходскія школы, по новости ихъ появленія, озабочивали Братство лишь въ истекшемъ отчетномъ его году. Всѣхъ такихъ школъ въ районѣ Братства явилось 16; изъ нихъ 5 переходятъ уже въ разрядъ министерскихъ, а 11 остаются на попеченіи Братства. Намъ кажется, что и эти 11 школъ Братство безъ ущерба для дѣла могло-бы передать въ вѣдѣніе министерства. Учебное дѣло въ Холмщинѣ и Подлясьѣ давно устроено надлежащимъ образомъ, школъ тамъ столько, какъ ни въ одной мѣстности Россіи, пособіе отъ казны на устройство и содержаніе ихъ дается въ большомъ и даже неограниченномъ размѣрѣ, да и народъ здѣсь, какъ и во всемъ привислинскомъ краѣ, гораздо менѣе, чѣмъ въ коренной Россіи, обремененъ налогами и податями и матеріальное его благосостояніе значительно улучшилось за послѣднія двадцать лѣтъ. Вообще вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ, вызванный совершенно противуположными условіями народнаго образованія въ Имперіи, на нашъ взглядъ, не примѣнимъ къ тамошней мѣстности и возникъ здѣсь лишь благодаря нашей привычкѣ къ всеобобщающимъ пріемамъ. Если чѣмъ Братство могло-бы содѣйствовать дѣлу народнаго образованія въ районѣ своей дѣятельности, то во 1-хъ расположеніемъ жителей къ учрежденію школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ почему либо нѣтъ, хотя и такихъ мѣстъ тамъ уже весьма немного, а во 2-хъ заботою объ улучшеніи церковнаго пѣнія въ сельскихъ церквахъ и устройствомъ хоровъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это недостижимо почему либо средствами школы.

Этимъ мы и закончимъ наше сообщеніе о дѣятельности холмскаго Братства по его отчету. Съ истиннымъ сердечнымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ эту широкую, благородную и многоплодную дѣятельность. Составъ Братства великъ, всѣхъ членовъ его 813; средства его увеличиваются съ каждымъ годомъ, пожертвованія идутъ со всѣхъ концевъ Россіи, дѣятельность Братства разростается и оживляется. Словомъ Братству предстоитъ почетная и прочная будущность, а его дѣламъ широкія и долговѣчныя послѣдствія.—Челомъ бьетъ вамъ старая Кіевская Русь, безкорыстные труженики Холмской Руси, зане храните вы завѣты отцевъ и воскрешаете на вашей нивѣ сѣмена, посѣянныя Владиміромъ святымъ!

К. Цыбульскій.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

ЕЩЕ КОЕ-ЧТО О КАРМЕЛЮКѢ.

Мнѣ какъ-то недавно пришлось встрѣтиться съ однимъ моимъ близкимъ родственникомъ, о. А. В., который очень долго былъ благочиннымъ въ летичевскомъ уѣздѣ, чуть ли не съ тридцатыхъ годовъ. Умный, наблюдательный, съ замѣчательной памятью, хорошій разсказчикъ, онъ разсказывалъ мнѣ много интереснаго изъ жизни Подоліи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Въ этотъ разъ случайно мы заговорили о «Кармелюкѣ»,—разсказѣ доктора Antonia I., напечатанномъ въ 3-й книжкѣ «Кіев. Старины» за настоящій годъ, и онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько извѣстныхъ ему случаевъ изъ жизни Кармелюка. Насколько помню ихъ, постараюсь передать.

Я, говорилъ разсказчикъ, никогда самъ лично не встрѣчался съ Кармелюкомъ; помню только, что когда я еще учился въ Каменцѣ, то мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ наказанія его кнутами на Подзамчѣ, предмѣстьѣ г. Каменца. Это былъ здоровый, коренастый блондинъ, съ умнымъ лицемъ, но нѣсколько суровымъ выраженіемъ. Разсказывали тогда, что онъ съ величайшей легкостью разламывалъ цѣпи и кандалы, которыми былъ скованъ; но скептики, покачивая головами, упрекали начальниковъ, что они очень невнимательно слѣдили за оковкой цѣпей и кандаловъ, и сильно подозрѣвали, что кузнецы, ковавшіе Кармелюка, были или товарищи его, или подкуплены его друзьями, и потому дѣлали звенья въ цѣпяхъ и кандалахъ такимъ образомъ, что при малѣйшемъ усиліи они ломались. Это дѣлалось не только въ виду побѣга его,

сколько для того, чтобы показать его могучую силу, о которой и тогда ходили слухи, какъ о сверхъестественной. На сколько были правы скептики, я судить не берусь.

Кармелюкъ не былъ разбойникомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Онъ старался быть честнымъ и справедливымъ даже тогда, когда его травили, какъ волка. Я не слышалъ ни отъ кого, чтобы онъ обагрилъ свои руки въ человѣческой крови, но многіе разсказывали, что онъ щедро помогалъ бѣднякамъ, когда имѣлъ возможность. Должно быть, онъ еще изъ семьи вынесъ хорошее направленіе, такъ какъ, по разсказамъ, весь родъ Кармелюковъ былъ честный. Я помню своего сосѣда помѣщика, у котораго камердинеромъ былъ родной племянникъ Кармелюка, и то въ то время, когда его дядя наводилъ панику во всей околицѣ. Разъ я не выдержалъ и спросилъ помѣщика: «какъ вы не боитесь держать у себя родственника Кармелюка? Да онъ когда нибудь приведетъ къ вамъ всю шайку дяди». Но помѣщикъ отвѣтилъ мнѣ, что такого честнаго и преданнаго человѣка онъ еще не имѣлъ, и что, наоборотъ, при немъ онъ сидитъ, какъ «у Бога за пазухой».

Это неправда, что Кармелюкъ обижалъ бѣдныхъ людей!

Онъ нападалъ на помѣщиковъ, жидовъ и поповъ, и то только большею частію тогда, когда до него доносились стоны обиженныхъ бѣдняковъ, требовавшихъ возмездія. Вина его была больше въ томъ, что онъ не былъ разборчивъ въ товарищахъ, и тѣ уже, грубые и развращенные, не всегда руководствуясь правилами справедливости, грабили все, что попадалось подъ руку.

Помню, одинъ разъ поѣхалъ я по дѣлу къ священнику о. Кременскому. Тамъ я встрѣтилъ много гостей. Насъ отлично угостили. Но что меня больше всего удивило за обѣдомъ, это изобиліе серебра со всевозможными монограммами. Я и высказалъ свое удивленіе одному изъ гостей, хорошему моему знакомому. Онъ мнѣ на это далъ вотъ какое объясненіе:

— Видите ли, у нашего хозяина былъ какой-то родственникъ, молодой человѣкъ, совсѣмъ свихнувшійся: и воръ, и пьяница, и лѣнтяй, все, что хотите; родственники хотѣли пристроить его дьячкомъ или пономаремъ хоть гдѣ-нибудь, но онъ, бестія, укралъ въ какой-то церкви антиминсъ и сшилъ себѣ «камизельку» (жилетку); его уличили и хотѣли судить, но онъ далъ «стричка» и очутился

въ шайкѣ Кармелюка. Такъ вотъ оттуда-то нашъ почтенный хозяинъ и пріобрѣлъ свое серебро, а потому и не удивляйтесь, что на ложкахъ вензеля разныхъ хозяевъ.

Вина, за которую Кармелюкъ попалъ въ солдаты, какъ мнѣ разсказывали, была такая. Въ Головчинцахъ, въ помѣщичьемъ дворѣ, гдѣ служилъ Кармелюкъ, была капличка, на чердакѣ которой складывали воскъ, собиравшійся съ помѣщичьихъ пасѣкъ. Однажды Кармелюкъ забрался туда и унесъ нѣсколько пудовъ воску. Сдѣлали обыскъ, нашли поличное, и виновникъ угодилъ подъ красную шапку.

Одѣвался Кармелюкъ, какъ одѣвались панскіе козаки или паны «балагулы»; и теперь не рѣдкость встрѣтить такъ одѣтаго козачка у богатаго пана. На немъ, обыкновенно, былъ куцый «гранатовый» (синій) козакинъ и широкіе штаны, болтавшіеся, какъ юбка.

Такъ, по крайней мѣрѣ, описывалъ мнѣ его священникъ изъ Деражни, Створжинскій, разсказывая о своей встрѣчѣ съ нимъ въ корчмѣ въ лѣсу.

— Ѣду я, говоритъ онъ, черезъ лѣсъ. Духота и жара страшная. Мнѣ очень захотѣлось пить. Возлѣ корчмы я и думаю: дай—зайду, да выпью пива. Вижу, стоитъ красивый на привязи конь; на немъ сѣдло дорогое. Вхожу въ корчму; въ корчмѣ, кромѣ молодой жидовки, сидѣлъ на столѣ не то панокъ балагульщикъ, не то панскій козакъ, одѣтый по козацки, въ гранатовой курткѣ и въ такихъ же штанахъ. Я приказалъ жидовкѣ подать мнѣ пива. Незнакомецъ въ свою очередь поворотился къ ней и прибавилъ отъ себя:

— Та ты визьми стильки, щобъ и мени стало, бо и я зъ батюшкою напьюся.

За стаканомъ пива мы разговорились. Онъ разспросилъ меня подробно, откуда я, куда ѣду, какъ называюсь... Когда я поднялся, чтобы разсчитаться съ еврейкой, онъ тоже поднялся и, выходя во дворъ навѣдаться къ своей лошади, сказалъ мнѣ по дорогѣ:

— Прощайте, батюшка, колись и я до васъ навидаюсь!

Когда онъ вышелъ, я и спрашиваю еврейку:

— Що це за панокъ?

— Та це-жъ Кармелюкъ! прошептала жидовка.

Само собою разумѣется, я заплатилъ за все пиво, да и драла изъ хаты. На дворѣ учтиво раскланялся съ незнакомцемъ и по-

спѣшно, садясь въ свою таратайку, шепнулъ своему погоничу.

— Рушай, сыну, живо!

Всегда послѣ такого разсказа Створжинскій прибавлялъ:

— Не сдержалъ своего слова Кармелюкъ, не посѣтилъ меня, какъ обѣщалъ, но за то становой съ своимъ помощникомъ, которые не разъ гонялись за Кармелюкомъ, какъ за разбойникомъ, влѣзли въ мой домъ черезъ окно и ограбили меня до нитки. И слѣдъ я нашелъ, куда они везли мое добро, и перчатки оставилъ становой у меня во время грабежа, а все таки мнѣ не удалось уличить и доказать грабежъ; самъ же я и до сихъ поръ отъ побоевъ полицейскихъ грабителей недомогаю.

А вотъ что разсказывалъ мнѣ другой священникъ; сколько мнѣ помнится, онъ былъ заштатный и наблюдалъ приходъ въ Нетечинцахъ, гдѣ были сироты.

— Ѣду я, говорилъ онъ, лѣсомъ, на «проводы», на своей буланой кобылѣ въ уѣздный городъ, въ духовное правленіе съ исповѣдными росписями. Туда съ пустыми руками являться было нельзя; поэтому я и взялъ изъ дому три рубля денегъ, нѣсколько паляницъ, нѣсколько колбасъ, нѣсколько жареныхъ куръ, чтобъ было чѣмъ заткнуть голодный ротъ правленскихъ. Какъ вдругъ шасть изъ лѣсу здоровый козачиско въ козацкой курткѣ и штанахъ, съ пистолетомъ за поясомъ.

— Стій, попе, куды ûдешь и що везешь? закричалъ онь.

Я ему такъ и такъ: везу молъ исповѣдныя росписи въ правленіе, захватилъ кое-что и изъ съѣстнаго.

— Добре, що маешъ, що ûсты; сёгодня я ще ничого не ûвъ. А це що въ тебе?

И онъ вынулъ изъ моей повозки узенькую и длинную деревянную коробку, въ которой обыкновенно тогда возили бумаги, свернутыя въ трубку, чтобы они не мялись и не пачкались.

— Та цежъ тіи росписи, що я везу въ правленіе, отвѣчаю я ему.

— Ну, а гроши маешь? спросилъ онъ меня.

Я вынулъ три рубля, которые имѣлъ съ собой, и отдалъ ему. Онъ распросилъ меня, откуда и кто я, забралъ съѣстное и деньги, и, отходя отъ повозки, сказалъ:

— Рушай съ Богомъ!

Потомъ, постоявъ и подумавъ нѣсколько секундъ, онъ закричалъ:

— Стій, на тоби три карбованци твоихъ, а отъ тоби ще три моихъ, а паляныць и ковбасъ не отдамъ, бо дуже їсти хочу. Най не кажуть, що Кармелюкъ грабить бидныхъ людей. Йдь соби, куды хочешь!

Когда Кармелюкъ достигъ популярности, передъ нимъ нигдѣ не закрывались двери въ домахъ священниковъ, бѣдной шляхты и крестьянъ. Онъ любилъ попировать у нихъ на вечеринкахъ, праздникахъ и крестинахъ, даже часто бывалъ кумомъ. Я знавалъ бѣднаго священника съ многочисленной семьей, которой онъ и не прокормилъ бы безъ помощи кума Кармелюка. Впрочемъ тутъ была обоюдная выгода, потому что въ экстренныхъ случаяхъ Кармелюкъ имѣлъ вѣрное убѣжище у отца кума.

Иногда онъ дѣлалъ визиты нечаянно. Разсказывалъ мнѣ однажды священникъ Стрѣльбицкій, не помню, гдѣ онъ жилъ на приходѣ—не то въ Татарискахъ, не то въ Чемерисахъ подъ Баромъ.

— Какъ-то разъ, говоритъ онъ, на святой вечеръ мы съ своей старушкой поужинали, и даже она успѣла лечь спать, какъ вдругъ слышу, кто-то въ окно: стукъ, стукъ!

Я вышелъ и отворилъ двери въ сѣняхъ запоздалому путнику. Вошелъ въ хату здоровый мужчина и обратился ко мнѣ съ такою рѣчью:

— Добрый вечиръ, батьку! Спишивъ я до тебе на святу вечерю, та боюсь, чи не запизнывся. Тилько не лякайся, що будешъ прыймати Кармелюка, та ще й голодного.

Я отворилъ дверь въ другую комнату, гдѣ спала моя жена и говорю ей:

— Имосцюню, чи не лышилося у васъ шо небудь повечеряти? Давъ намъ Богъ на святый вечиръ гостя.

Жена встала, приготовила ему ужинъ; я сходилъ въ погребъ, принесъ водки, наливки, и мы долго съ нимъ за чаркой бесѣдовали. Наконецъ Кармелюкъ, поднявшись, чтобы уйти, сказалъ мнѣ:

— Переночувавъ бы я въ тебе, добродію, бо дуже втомився, та боюсь, що продаси мене.

Я не упрашивалъ, не извинялся, потому что, правду сказать, боялся; боялся не Кармелюка—я зналъ, что онъ ничего злого мнѣ не сдѣлаетъ, боялся дурной славы.

Кармелюкъ любилъ посѣщать и большихъ пановъ, но боялся ихъ, а потому никогда не являлся къ намъ подъ своимъ именемъ и всегда прибѣгалъ къ переодѣваніямъ.

Помню одинъ случай, разсказанный мнѣ сосѣдомъ помѣщикомъ, очень наивнымъ, простымъ и своеобразнымъ; такой типъ можно было встрѣтить тогда развѣ только въ Подоліи. Разъ я служилъ обѣдню, и во время чтенія апостола стоялъ у престола лицемъ къ народу. Въ это время входитъ мой сосѣдъ помѣщикъ съ своимъ управляющимъ и, завидя меня, кланяется и кричитъ на всю церковь:

— Добрыдень, ксенджуню!

Я легкимъ наклоненіемъ головы отвѣтилъ на привѣтствіе и вижу, что управляющій держитъ помѣщика за рукавъ и что-то шепчетъ ему, но тотъ не унимается и продолжаетъ:

— Дощику нема, ксенджуню, буде погано!

Я, понятно, молчу, а управляющій еще усерднѣе зашепталъ на ухо своему принципалу; но тотъ съ досадой отвернулся отъ него и въ послѣдній разъ прокричалъ мнѣ:

— Ксенджуню, на обидъ прошу! и вышелъ изъ церкви.

Послѣ онъ очень наивно и добродушно извинялся за свое, какъ онъ называлъ, «брутальское» поведеніе въ церкви; онъ думалъ, видите ли, что когда дьякъ читаетъ, то въ церкви разговаривать можно. Такъ вотъ онъ мнѣ и разсказывалъ о посѣщеніи Кармелюкомъ богатыхъ пановъ.

— Ты знаешь, ксендже добродію, какую штуку продѣлалъ «гунствотъ» Кармелюкъ съ панами X. и Z. (признаться, я забылъ ихъ фамиліи). Переодѣвшись русскимъ полковникомъ, онъ заѣхалъ въ деревню пана X. и посылаетъ къ нему своего товарища, переодѣтаго деньщикомъ, съ просьбой пустить ихъ ночевать. X. любезно принялъ импровизированнаго полковника, и за ужиномъ они до такой степени подружились, что X. посвятилъ гостя во всѣ свои домашнія дѣла и разсказалъ, между прочимъ, что сосѣдъ его Z. занялъ у него нѣсколько тысячъ злотыхъ и теперь не хочетъ отдать.

— Знаете что? сказалъ гость хозяину: напишите къ нему письмо, и я ручаюсь, что онъ заплотитъ вамъ деньги; черезъ день, два я вамъ привезу деньги и отвѣтъ.

Утромъ гость, снабженный письмомъ и добрыми пожеланіями, уѣхалъ. Къ вечеру онъ уже былъ въ деревнѣ Z. и попросился къ

нему тоже на ночь. Его приняли, и послѣ ужина, когда уже всѣ разошлись, онъ обратился къ оставшемуся съ нимъ хозяину съ такими словами:

— Добродію, ты скривдивъ сосида и пріятеля: позычивъ въ нёго гроши, а виддати не хочешъ. Я тебе прошу: виддай ёму, бо зо мною справа коротка—я Кармелюкъ!

Понятно, что Z. не упрямился: онъ не только выплатилъ всю сумму долга по письму, но даже отвѣтилъ сосѣду письмомъ-же.

Кармелюкъ не остался ночевать у Z., но за то сдержалъ слово, и на слѣдующую ночь пріѣхалъ къ X.

Послѣ радостной встрѣчи и сытнаго ужина, гость и хозяинъ остались одни. Тогда гость обратился къ хозяину съ такою рѣчью:

— Прывизъ я тоби, добродію, и письмо, и гроши видъ твого пріятеля. Письмо на тоби, а гроши я лышу у себе, бо бачу, хочъ ты добрый, але дурный; зновъ сунешъ кому-небудь, якъ у тебе попросять. Нехай лучше зостаютця у мене. Памятай, що вони въ добрыхъ рукахъ—я Кармелюкъ!

Съ этими словами онъ раскланялся и ушелъ. Понятно, что при этомъ страшномъ имени никто не смѣлъ остановить его, и онъ спокойно уѣхалъ.

Видѣлъ я и послѣднюю его возлюбленную Ульяну, въ хатѣ которой онъ былъ убитъ. Она приходила ко мнѣ хлопотать о разводѣ съ своимъ мужемъ, который былъ сосланъ въ Сибирь. Некрасивая и непріятная была женщина: блондинка, неуклюжая, съ грубыми чертами лица, съ свирѣпымъ и злымъ выраженіемъ въ глазахъ. Ужъ право, не знаю, почему въ разсказѣ доктора Антонія она названа красавицей. А впрочемъ, можетъ быть, недоля и лѣта сдѣлали ее такой. О Рудковскомъ, который убилъ Кармелюка, я слыхалъ, будто онъ за свой подвигъ получилъ перстень съ брильянтомъ изъ императорскаго кабинета и хвасталъ въ летичевскомъ клубѣ, что будетъ что поставить два раза на карту.

Потомъ говорили мнѣ о немъ, что онъ уѣхалъ въ Америку, такъ какъ наслѣдовалъ тамъ послѣ дяди своего Тадеуша Костюшки громадное имѣніе. Тамъ поселился и больше къ намъ не возвращался.

Скажите, не судьба-ли? Племянникъ послѣдняго защитника вольности польской убиваетъ послѣдняго гайдамаку?

С. Венгрженовскій.

ИЗЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ПОИСКОВЪ НА ЛѢВОЙ СТОРОНѢ ДНѢПРА.

Въ пирятинскомъ уѣздѣ полтавской губерніи, на границѣ уѣзда прилуцкаго лежитъ село Линовица, помѣстье графа де-Бальмена; среди земель, принадлежащихъ къ этому селу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него находится урочище, называемое Росошъ; оно состоитъ изъ небольшой продолговатой возвышенности, окруженной съ одной стороны болотомъ, называемымъ также Росошъ, которое нѣсколько ниже образуетъ безъименную рѣчку, впадающую въ Удай, съ другой довольно глубокою сухою балкою. Незначительный бугоръ, называемый *Росошъ*, возвышается надъ уровнемъ болота едва на 4—5 сажень. Бугоръ этотъ до недавняго времени былъ покрытъ многочисленною группою «могилъ»; но вслѣдствіе постоянно усиливающейся распашки многіе изъ кургановъ изгладились и постепенно исчезли. Въ настоящее время ихъ осталось не болѣе 40; многіе изъ нихъ представляютъ едва замѣтные волнообразные изгибы на поверхности поля, другіе, болѣе крупные, достигаютъ высотою до $1^1/_2$ сажень; у двухъ, самыхъ крупныхъ замѣтны явственно слѣды рвовъ, окружавшихъ курганы у ихъ подошвы.

Въ апрѣлѣ текущаго года мѣстность эту осмотрѣлъ Алексѣй Федоровичъ Сабанѣевъ и, замѣтивъ постепенное разрушеніе одного изъ памятниковъ мѣстной старины, рѣшился изслѣдовать этотъ памятникъ съ научною цѣлью, въ надеждѣ спасти по возможности уцѣлѣвшіе еще въ оставшихся курганахъ научныя данныя. Благодаря просвѣщенному разрѣшенію и содѣйствію графа де-Бальмена, г. Сабанѣевъ успѣлъ вскрыть 8 кургановъ и весьма тщательно отмѣтилъ подробности похороннаго обряда. По обязательно сообщеннымъ имъ замѣткамъ мы приведемъ главныя характеристическія черты изслѣдованнаго имъ могильника.

Въ каждомъ курганѣ находилось по одному покойнику: они лежали всѣ нѣсколько ниже (около 1 аршина) уровня поля на границѣ черноземнаго слоя и лёса, составляющаго подпочву; около скелетовъ замѣтны были слѣды досчатыхъ дубовыхъ гробовъ. Всѣ скелеты расположены были горизонтально на спинѣ, головою къ сѣверо-западу (правдоподобно, похороны происходили въ данныхъ курганахъ зимою); ноги были протянуты, руки лежали вдоль тѣла

или были скрещены на лобковыхъ костяхъ. У скелетовъ не найдено было ни оружія, ни снудовъ, но за то ихъ сопровождали различныя украшенія: серьги, кольца, перстни и бусы. Серьги представляли извѣстный типъ «кіевскихъ серегъ», состоящихъ изъ толстой серебряной проволоки, съ надѣтыми на нее тремя серебряными бусами; бусы эти представляли характеристическую ткань, составленную изъ тонкихъ серебряныхъ проволокъ, унизанныхъ мелкимъ серебрянымъ-же бисеромъ. Всѣ серебряные предметы были сдѣланы безъ спаекъ: концы проволокъ или оставлены свободными, или спирально согнуты, либо закручены узлами; единственный только найденный бронзовый перстень представляетъ сплошной кругъ, но онъ не спаянъ, а отлитъ въ формѣ. Около одного изъ покойниковъ найдена крупная буса изъ зеленаго стекла.

Очевидно, могильникъ составлялъ кладбище какого-то поселенія, имя котораго не дошло до насъ среди немногихъ, упоминаемыхъ лѣтописью, поселеній древняго Переяславскаго княженія. Находка г. Сабанѣева представляетъ, на сколько намъ извѣстно, первый случай раскопки, произведенной съ научными пріемами на территоріи этого княжества и потому послужитъ впослѣдствіи однимъ изъ научныхъ данныхъ для опредѣленія погребальнаго типа славянъ переяславской области въ до-христіанскую эпоху. Если сличимъ предметы, найденные въ Росошскомъ могильникѣ и подробности погребенія, констатированныя въ нихъ г. Сабанѣевымъ, съ раскопками, произведенными въ областяхъ черниговской, кіевской и древлянской, то можемъ указать, какъ на отличительную черту, на уровень самаго погребенія: въ черниговскихъ и древлянскихъ могильникахъ, на сколько намъ извѣстно, мѣсто похоронъ въ курганахъ находится всегда выше горизонта данной мѣстности, въ кіевской-же, по большей части, значительно ниже, въ глубокой ямѣ, вырытой въ подпочвѣ; между тѣмъ въ Росошскомъ могильникѣ оно оказалось въ незначительномъ углубленіи, на поверхности подпочвы. Погребеніе отличается отъ ближайшаго, сѣверскаго, похороннаго типа отсутствіемъ всякаго признака сожиганія мертвыхъ, тогда какъ въ сѣверской землѣ обрядъ сожиганія господствовалъ безъ исключенія. Серебрянные предметы, найденные въ Росошскихъ могилахъ, по формѣ, отдѣлкѣ и отсутствію спаекъ или тождественны, или весьма близки къ такимъ-же предметамъ, найденнымъ

въ могильникѣ у Житомира (1878 г.) и въ гробницахъ кіевскихъ, обнаруженныхъ въ усадьбѣ г. Марра (1876 г.). Особенно намъ кажется характернымъ сходство предметовъ Росошскаго могильника съ предметами кіевскими, такъ какъ въ числѣ послѣднихъ находилась серебрянная абасидская диргемма VIII столѣтія, дозволяющая, хотя приблизительно, догадываться о времени, когда въ южной Руси употреблялись въ изобиліи серебрянныя украшенія, дѣланныя еще при отсутствіи умѣнья паять проволоки и пластинки этого металла.

В. А.

СЛУЖЕБНАЯ ОТПИСКА ПО ПОВОДУ РОЖДЕНІЯ УРОДА.

Въ наше время рожденіе урода врядъ-ли привлечетъ чье-либо вниманіе, кромѣ лицъ, ближайшимъ образомъ соприкосновенныхъ съ этимъ явленіемъ, какъ-то: родителей и родственниковъ, мѣстнаго врача и урядника. Въ старину, помимо суевѣрнаго взгляда на такое дѣло, оно производило переполохъ и по другой еще причиннѣ. Дѣло въ томъ, что указомъ Петра I требовалось всякаго урода, гдѣ бы онъ ни родился, отправлять въ Петербургъ, что при тогдашнихъ сообщеніяхъ и перевозочныхъ средствахъ сопряжено было съ не малыми расходами и большими затрудненіями.

1719 г. въ лубенскомъ полку родился одинъ изъ уродовъ, и полковой врачъ взялся доставить его изъ Роменъ въ Нѣжинъ русскому генералу Вейсбаху. Произошло это, полагать надо, не безъ желанія лубенскаго полковника Маркевича; но послѣдній, боясь отвѣтственности за неисполненіе монаршаго указу, счелъ нужнымъ сдѣлать отписку о семъ произшествіи гетману Скоропадскому. Интересенъ здѣсь не столько самый фактъ, сколько оригинальная форма донесенія, которое и приводится цѣликомъ.

Ясне велможний мосцѣ пане гетмане, премилостывѣйшій мой добродѣю!

На сихъ дняхъ въ сотнѣ Глинской, въ селѣ Хоминцяхъ отъ певной мужатой невѣсти козачки родилося дитя (або лучше сказать близнята), двѣ головѣ, чотири руцѣ и четверо ногъ мѣючое, а тѣломъ до

купи зросшееся въ единъ составъ, такимъ власне подобіемъ, якое тутже на особливомъ папѣру отрисованное прилагается [1]). Тилко же тое дитя безвременно родилося неживое, навет ще и шкури на себѣ не мѣючое, кромѣ мяса, а еще подъ часъ родива надписовано зостало, ижъ безъ приправъ аптекарскихъ и допровадить его за килко миль невозможно; а якого полу: мужеского, або женского? познати трудно; теды лекарь полковый отъ лейбъ-рейменту, тутъ, въ Ромнѣ, квартѣру мѣючий, до себе оное одобралъ и не вѣдаю якимъ способомъ маетъ посылать до его превосходительства, господина генерала лейтнанта фонъ-Вэйсбаха въ Нѣжинъ. Чого ему, же отъ насъ въ Глуховъ допровадить, для вышвыраженныхъ причинъ, невозможно, и не боронилемъ. Жебы однакъ сіе не было безъ вѣдома вашей панской велможности, поневажъ указомъ монаршимъ такые дива до Санктъпитербурху отсылать повелено, покорне объявляю, и за тимъ самого мя при доземномъ поклоненіи рейментарскому полѣцаю респектовѣ, будучи вашой панской велможности, премилостивѣйшого моего добродѣя, всезичливой швакгеръ и нижайшій слуга.—Его царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковникъ лубенскій Андрей Марковичъ. Зъ Ромна. Марта 13 дня 1719 року.

Подлинникъ хранится въ архивѣ г. Марковича.

Сообщ. **П. Дорошенко.**

СТАРИННЫЙ ЮЖНО-РУСОКІЙ ДВОРЯНСКІЙ РОДЪ СЛУПИЦЪ И ИХЪ ПОМѢСТЬЕ КУНА.

Въ подольской губерніи, въ гайсинскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу рѣки Соба, въ трехъ верстахъ отъ Гайсина, внизъ по теченію той рѣки, находится маленькое, ничтожное, можно сказать, мѣстечко Новая Куна. Но, кромѣ этой Куны, была Старяя Куна, еще ближе къ Гайсину, и занимала оба берега рѣки. О судьбахъ этой-то Старой Куны и ея первоначальныхъ владѣльцахъ я и хочу сообщить нѣсколько свѣдѣній, извлеченныхъ изъ документовъ, обязательно сообщенныхъ мнѣ нынѣшнимъ ея владѣльцемъ г. Ярошинскимъ.

Основателемъ этого несуществующаго уже нынѣ поселенія былъ родоначальникъ не существующаго также стариннаго шляхет-

---

[1]) Рисунка при письмѣ не сохранилось.

скаго рода, нѣкто Семенъ Слупица. Когда и какъ основана Старая Куна и на какихъ условіяхъ селились ея первые обитатели, объ этомъ свидѣтельствуетъ имѣющійся у меня въ рукахъ патентъ того же Слупицы, который и помѣщаю здѣсь цѣликомъ:

«Я Семенъ Слупица всимъ вобецъ ознаймуе тымъ листомъ моимъ тымъ всимъ людемъ, которые-бы мели въ тимъ мепію моемъ Кунѣ осядати, ижъ далемъ слободы на тридцать летъ и пьять, со вшелякими волностями, то естъ съ корчмами медовыми, пивными и горилчаными и зъ иными вшелякими волностми. Если жъ зъ поданныхъ моихъ кунскихъ хто умретъ, аболи зъ допущенія Божіего отъ татаръ въ неволю будетъ заведенъ и зостала бы по нимъ якая маетность теды маетъ спасти (перейти) на жону и на диты его. А не будетъ ли мети жоны и дитый, теды маетность на кревныхъ близкихъ его спасти маетъ. Со стороны тежъ вола, ижъ гдыбы зъ допущенія Божіего человѣкъ умеръ, а панъ у него головщину вола беретъ, зъ того я ихъ волными чиню и брать его не хощу. Што ся тежъ дотычетъ реки Собъ, въ той волности даю вшелякимъ промысломъ рыбу ловити тамъ езами, яко тежъ и сѣтьми вшелякими, а подданыи мои повинность мнѣ маютъ чинити: по высединю слободы (по прожитіи льготнаго срока) по шести грошей зъ дыму дати, и со стороны ставу, на которомъ млынъ детъ, тыжъ по выседеню слободы по шести грошей дати, и повинни будутъ того ставу отъ квалту (разоренія) водяного боронты и прорву засоваты, такъ тежъ зъ гноемъ на греблю ехати. А ежѣли бы тежъ которому якою колвекъ причиною на слободи моей не подобало седити, давши мнѣ доходъ мой дванадцать грошей и будоване свое все продавши, волно ему будетъ пойти, где хочетъ, а я нѣчимъ не мѣю гамовати, а ни потомокъ мой. И на томъ даю имъ сей мой листъ съ моею печатію и съ подписомъ руки моей. Писанъ въ Кунѣ року Божіего нарожденія тысяча пятьсотъ девять десятого мѣсяца маіа перваго дня. Семенъ Слупица».

Подъ документомъ помѣщена восковая печать съ гербомъ Слупицы. На гербѣ столъ, на столѣ крестъ и рядомъ съ нимъ рука съ мечемъ, согнутая въ локтѣ.

Уже по ходатайству сына Семена Слупицы, Тихона, Сигизмундъ III, подтверждая права, данныя владѣльцемъ жителямъ Куны, своимъ привилеемъ даетъ право на учрежденіе тамъ ярмарокъ и расширяетъ права жителей. Копія съ этой привиллегіи приведена въ грамотѣ послѣдняго польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго. Приводимъ послѣднюю въ переводѣ съ польскаго, а первую въ русскомъ текстѣ того времени.

Божіею милостію Станиславъ Августъ, король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жмудскій, кіевскій, волынскій, подольскій, подляскій, инфлянскій, смоленскій, сѣверскій и черниговскій.

Нынѣшнимъ листомъ нашимъ дѣлаемъ извѣстнымъ всѣмъ вообще и каждому въ частности, кому это знать надлежитъ, что находятся въ актахъ метрики коронной акты коронные, относящіеся къ воеводствамъ кіевскому, волынскому, брацлавскому и черниговскому, по русски писанные, а между ними въ книгѣ подъ буквой О, на страницѣ 92, привилегія такого содержанія:

«Жикгимонтъ Третій, Божіею милостію король польскій et ca t. Ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ всѣмъ вобецъ и каждому зособна, кому то вѣдати належитъ, нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ. Билъ намъ чоломъ урожоный Тихонъ Слупица, обыватель воеводства брацлавскаго, и просилъ насъ черезъ певныхъ пановъ Радъ и урядниковъ нашихъ, абыхмо ему на властномъ кгрунтѣ его дѣдичномъ, въ воеводствѣ брацлавскомъ лежачомъ, названномъ Кунѣ, твержу (крѣпость) ку оборонѣ одъ непріятелей панствъ нашихъ, замочекъ заложити и мѣстечко садити водле волности и права посполитого, зъ ласки нашой господарской, дозволили, такожъ оному мѣстечку его ярмарки, торги и корчмы волные и подданнымъ его, въ томъ мѣню его Кунѣ теперь мѣшкаючимъ и которые волные потомъ приходити и тамъ осидати будутъ, волность мѣсту Кунѣ надати. А такъ мы, господарь хорошій, абы ся добра и пожитки подданныхъ нашихъ розмножали, звлаща, гды то на перешкодѣ жадной ярмаркомъ и торгомъ иннихъ мѣстъ и пожиткомъ ихъ не будетъ, зъ владзы и ласки нашои господарскои, за прычыною (ходатайствомъ) ихъ милости пановъ Радъ и урядниковъ нашихъ, на прозбу преченного Тихона Слупицы то чинячи, дозволилисмо и симъ листомъ нашимъ дозволяемъ въ помененомъ дѣдичномъ мѣню, яко власномъ, Кунѣ, твержу для обороны заложити и мѣстечко людми волными и ремесными осадити, въ которомъ мѣстечку его два ярмарки на каждый годъ, то есть одинъ на (*пропускъ*) и другой на (*тоже*) по двѣ недѣли стояти; а торгъ въ каждый тыдень быти маетъ. Такожъ волность мѣскимъ подданимъ его тамошнимъ надаемъ, яко въ иншыхъ нашихъ мѣстечкахъ, мѣщане маютъ корчмы волныя, медовыя, пивныя и горилчаныя, и иныя питья и речи вшелякіи, ку жывности и обыходови посполитымъ належачіи, и тежъ товары звыклые купецкіе, тамъ меваючіи, торговати, мѣняти, продавати, куповати и шинкувати дозволяемъ. И вже на ярмарки и торги тамошніе волно будетъ до того мѣстечка, мѣня его всимъ обывателямъ панствъ нашихъ и купціомъ

чужоземскимъ зъ вшелякими звыклыми товарами ездити, платечи одъ нихъ пречоному Тыхонови Слупицѣ и потомкомъ его цло, або мыто (пошлину) звыклое торговое, которыхъ то всихъ волностей мѣскихъ пречоный Слупица, жона, диты и потомки его, зъ подданными своими куньянскими, маютъ уживати, вшелякіе пожитки соби тамъ розмножаючи во всимъ потому, яко иншіи обыватели земли панствъ нашихъ волынскои стану духовного и свѣтского таковыхъ волностей въ имѣніяхъ своихъ уживаютъ вѣчными часы, и тое тымъ нынешнимъ листомъ нашимъ упевняемъ, который, для лепшой вѣры и твердости тое речи, рукою нашою подписавши, печать коронну притиснути есмо росказали. Писанъ въ Варшавѣ на соймѣ валномъ коронномъ лета одъ нароженя сына Божого тысяча шестьсотъ пятого, мѣсяца февраля осьмого на десять дня, а панованя королевствъ нашихъ польского седмого на десять, шведского первого на десять року. *Sigismundus Rex.* Захаріушъ Еловицкій, секретарь и писарь».

Эту привилегію, какъ находящуюся въ вышеозначенной книгѣ и написанную по русски, мы приказали выписать польскими буквами и желающей сторонѣ выдать точную съ нея копію. Для лучшей же вѣры притиснута коронная печать. Данъ въ Варшавѣ 1789 года 24 октября, царствованія нашего двадцать шестого. (М. П.)

Была-ли Куна основана раньше выдачи приведеннаго выше патента Семена Слупицы, т. е. 1590 г., мы не знаемъ; но что родъ Слупицъ болѣе древній и что предки Семена жили давно въ Брацлавщинѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ протестація одного изъ нихъ, Григорія Слупицы, въ которой онъ, доказывая свои права на Куну и другія имѣнія Слупицъ, говоритъ, что въ коронной метрикѣ варшавской записана привилегія Свидригайла или Витовта, данная Ивану Слупицѣ на Деренково, Ролинцы, Каличинцы, Заславье, Губникъ по обоимъ берегамъ рѣки Буга. Должно быть, Иванъ Слупица былъ соратникомъ одного изъ вышеозначенныхъ князей, получилъ землю здѣсь на ленномъ правѣ и поселился навсегда.

Много заботъ и стараній потратили Слупицы на устройство Куны, но, очевидно, обстоятельства неблагопріятно сложились для нихъ, потому что въ картѣ, приложенной къ «Описанію Украйны» Боплана и перепечатанной Бантышемъ-Каменскимъ, Куна обозначена селомъ; слѣдовательно, ни льготы Слупицъ, ни привилегія Сигизмунда III-го не могли поднять ее до значенія мѣстечка.

Причину этого мы видимъ въ соперничествѣ сосѣдняго Гайсина. Гайсинъ былъ староствомъ и по привилегіи Сигизмунда III-го былъ данъ въ пожизненное владѣніе урожоному Петру Свирскому, человѣку крайне безпокойному, женатому на Ядвигѣ, княжнѣ Ружинской изъ Карапчіева, изъ семьи, еще больше безпокойной, извѣстной своими ссорами съ сосѣдями въ волынскомъ и кіевскомъ воеводствахъ.

Это то достойное супружество, желая расширить и увеличить свое достояніе въ Рѣчи Посполитой, избрало для того своеобразные пріемы, впрочемъ, очень обычные въ то время—наѣзды на сосѣдей. Ближайшимъ сосѣдомъ Свирскаго былъ владѣлецъ Куны Семенъ Слупица, но онъ между 1595 и 1604 г. умеръ. По смерти его остались жена, малолѣтній сынъ Тихонъ и мать Евдокія Красносельская, бабушка и опекунша Тихона. Слабость и беззащитность опекавшей и опекаемаго были достаточнымъ ручательствомъ удачи наѣздовъ. Въ одинъ прекрасный день, по словамъ потерпѣвшихъ, Петръ Свирскій сдѣлалъ наѣздъ на Кунянское имѣніе въ урочищѣ, называемомъ «Кладовыя могилки», надъ рѣкою Собомъ, близъ Витовтоваго моста. Напалъ онъ на крестьянъ, пахавшихъ на своихъ поляхъ, пятерыхъ убилъ, многихъ ранилъ, забралъ у нихъ лошадей, воловъ, плуги и на томъ мѣстѣ построилъ крѣпость, которую укрѣпилъ палисадомъ, посадивъ въ ней людей для защиты и снабдивши ихъ оружіемъ: ружьями, гаковницами и пушками.

На такое насиліе женою и матерью умершаго Семена Слупицы занесены были жалобы 30-го іюля 1604 г.; но удовлетвореніе въ тѣ поры могло послѣдовать не скоро. Черезъ два года у Тихона Слупицы оказался опекунъ Иванъ Мелешко; онъ снова жалуется на Свирскаго, что тотъ сдѣлалъ много грабежей и насилій и сло-

---

[1]) На поляхъ села Маріяновки, на лѣвомъ берегу Соба, въ четверти версты отъ него, на возвышеніи и теперь видна „могила“, извѣстная въ народѣ подъ именемъ „Кладовыхъ могилокъ“; была, говорятъ, вблизи ея другая, но, по разсказамъ, „запалась“. Въ оставшейся могилѣ, разсказываютъ, производилъ раскопки сосѣдній помѣщикъ, но о результатахъ раскопки мнѣ ничего не извѣстно. Отъ Витовтова моста не осталось не только слѣда, но даже и имени. Впрочемъ, крестьяне указываютъ мѣсто, гдѣ въ старину былъ мостъ на Собѣ и говорятъ, что во время мелководья видны даже остатки столбовъ моста; вѣроятно, это и былъ Витовтовъ мостъ, потому что это мѣсто лежитъ какъ разъ противъ „Кладовыхъ могилокъ“.

малъ дорого стоющій мостъ на рѣкѣ Собѣ. Очевидно, ломкою моста Свирскій хотѣлъ затереть пограничный знакъ, какъ это впослѣдствіи мы увидимъ.

Долго тянулся процессъ между воюющими сторонами и только 1611 года 27-го іюня люблинскій трибуналъ, по ходатайству Ивана Мелешка, присудилъ въ пользу Тихона Слупицы съ княгини Ядвиги Ружинской, жены Петра Свирскаго, 10,000 злотыхъ за отторженіе урочища «Кладовыя могилки» отъ Кунянскаго имѣнія и за другіе убытки и обиды.

Послѣ этаго процесса умираетъ какой-то ужасной смертію Тихонъ Слупица; прямыхъ наслѣдниковъ въ мужескомъ родѣ не остается, а потому имѣніе переходитъ къ Марушѣ Богдановнѣ изъ Слупицъ Лысогорской (кажется, сестрѣ Семена Слупицы), которая четвертую часть Куны записываетъ въ пользу племянницы своей Гальшки Семеновны изъ Слупицъ Рогозинской. Но опять новая бѣда стряслась надъ родомъ Слупицъ: какой-то Александръ Песочинскій, воспользовавшись тѣмъ, что Тихонъ Слупица умеръ безъ прямыхъ наслѣдниковъ, выхлопоталъ себѣ у короля Сигизмунда III-го (1624 г. 28-го февраля) привилегію на Куну и Кунку, которыя, по заявленію того же Песочинскаго, на основаніи права «кадука» [1]), должны были перейти во владѣніе короля. Но люблинскій прибуналъ возвратилъ имѣнія Рогозинскимъ, а съ Песочинскаго присудилъ штрафъ за неправильное примѣненіе права «кадука» и взятіе привилегіи. Послѣ этого Кунянскія имѣнія дробятся между потомками Гальшки Рогозинской. Послѣ смерти Гальшки владѣютъ ея сыновья: Матвѣй, Андрей, Николай, Александръ, Симеонъ, Лаврентій и Константинъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Василіемъ; они заключаютъ между собою мировую сдѣлку (транзакцію), по которой обязываются не отчуждать Кунянскихъ имѣній въ чужой родъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 50.000 литовскихъ грошей. Часть этого имѣнія по женской линіи перешла къ Борейкамъ, Нарбутамъ, Терлецкимъ, Свидзинскимъ и Мнишкамъ.

Въ 1744 году Куна, по купчей крѣпости, перешла въ чужой родъ, именно къ Захарію Ярошинскому, но продажа, кажется, бы-

[1]) Выморочныя имѣнія переходили въ пользу короля на основаніи такъ называемаго права *кадука*, если черезъ годъ и шесть недѣль никто не представилъ доказательствъ на права наслѣдства.

ла фиктивная: продали Куну Иванъ и Маріанна изъ Борейковыхъ Пашковскіе, а Маріанна Пашковская была дочь Петронели Ярошинской, первый мужъ которой былъ Фелиціанъ Борейко, обезпечившій приданое своей жены имѣніемъ Куной. Можно думать, что, боясь штрафа въ 50,000 копъ грошей литовскихъ или притязаній другихъ родственниковъ, онъ и устроилъ фиктивную продажу.

Дальнѣйшую судьбу Старой Куны я не буду описывать, такъ какъ пришлось бы писать исторію семейства Ярошинскихъ, очень стариннаго русскаго рода въ Подоліи. Впослѣдствіи, можетъ быть, когда нибудь займусь этимъ, а теперь окончу мою замѣтку нѣсколькими словами объ изчезновеніи этого стараго поселенія. Старая Куна уже въ половинѣ XVII вѣка была переименована въ Маріановку, и ея владѣльцы, воспользовавшись гайдамачиной и безъурядицей въ краѣ, завладѣли «Кладовыми могилками», отнятыми у Слупицъ Свирскимъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ Балинскій и Липинскій въ своей «Starozytney Polskie», приводя жалобу Гайсинскихъ жителей. Суть жалобы такая: гайсинское староство много потерпѣло отъ козацкихъ войнъ и отъ раздѣленія его на два староства Гайсинское и Кисляцкое; когда же запорожскіе козаки, владѣльцы его на ленномъ правѣ, должны были послѣ козацкихъ войнъ возвратить его королю; тогда окрестные сосѣди стали дѣлать наѣзды на староство, какъ на непріятельскую землю, вслѣдствіе чего возникло нѣсколько процессовъ, между прочимъ и съ владѣльцемъ Старой Куны или села Маріановки.

Теперь на мѣстѣ старой Куны, или Маріановки, и слѣда не осталось; тамъ теперь крестьянскіе «пидметы» (огороды и конопляники), а Маріановка перенесена на лѣвую сторону рѣчки Кублича. Разсказываютъ старожилы, что причиной перенесенія села послужила ссора владѣльца съ откупомъ. Въ одну ночь онъ собралъ крестьянъ изъ своихъ многочисленныхъ селъ и совершилъ это перенесеніе.

Въ лѣтописи Самовидца на 62 стр. упомнается «мѣсто Куничное». Нѣкоторые хотятъ видѣть въ немъ Куну, но, вѣроятнѣе, здѣсь говорится о Куницѣ, маленькомъ сельцѣ въ брацлавскомъ уѣздѣ, такъ какъ оно, дѣйствительно, лежитъ на дорогѣ между Днѣстромъ и Бугомъ или, лучше говоря, между прибрежными мѣстеч-

ками этихъ рѣкъ—Великой Кошницей и Ладыжиномъ, о которыхъ въ томъ же мѣстѣ упоминаетъ Самовидецъ.

Подолянинъ.

ДВѢ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ О ПАНЩИНѢ И ПОВСТАНЬѢ.

Существуетъ мнѣніе, будто съ измѣненіемъ условій жизни малорусскаго народа духовное его творчество оскудѣваетъ, будто многія событія послѣднихъ десятилѣтій ничѣмъ не отмѣчены или слабо отмѣчены въ народной поэзіи и будто даже такое величайшей важности дѣло, какъ освобожденіе крестьянъ, слабо отразилось въ народной пѣснѣ и самая эта пѣсня явилась подражаніемъ и даже просто заимствованіемъ. Намъ приходилось слышать отъ людей, серьезно занятыхъ собираніемъ и изученіемъ памятниковъ устной народной письменности, что пѣсня объ отмѣнѣ панщины не идетъ далѣе Днѣпра, что въ Подоліи и на Волыни она не имѣетъ самостоятельныхъ чертъ, что занесена она сюда изъ русской Галичины и что прототипомъ ея послужила пѣсня, напечатанная въ галицкой «Зорѣ» 40-хъ годовъ, передѣланная въ свою очередь съ пѣсни, раньше написанной польскими народниками для поднятія народныхъ массъ противъ панства въ западной Галиціи. И дѣйствительно сличеніе съ первоначальнымъ оригиналомъ нѣкоторыхъ пѣсенъ, записанныхъ въ Подоліи и на Волыни, приводитъ, повидимому, къ такому заключенію.

Не отрицая случайнаго происхожденія нѣкоторыхъ изъ пѣсенъ объ отмѣнѣ панщины, мы думаемъ, что вообще пѣсенъ этого рода записано очень мало, что наши этнографы отчасти игнорируютъ ихъ, гоняясь за пѣснями болѣе давняго времени, что прежде, чѣмъ дѣлать въ этомъ отношеніи какіе либо выводы и заключенія, необходимо озаботиться собраніемъ пѣсеннаго матеріала. Имѣющійся въ нашихъ рукахъ пѣсенный матеріалъ этого рода даетъ намъ основаніе думать, что пѣсня объ отмѣнѣ панщины явилась въ нашемъ народѣ самостоятельно и непосредственно подъ вліяніемъ произшедшей перемѣны. Приводимъ на этотъ разъ двѣ пѣсни, изъ которыхъ одна смѣшаннаго содержанія и говоритъ сначала о польскомъ возстаніи, а потомъ объ освобожденіи крестьянъ. Объ онѣ волын-

скія, что видно отчасти и по языку. Онѣ не обшлифовались еще въ народномъ обращеніи, не имѣютъ ни гладкости старыхъ народныхъ пѣсенъ, ни яркости ихъ красокъ, но и отнюдь не являются продуктомъ досужаго сочинительства.

I.

Несчастніи часы зійшли
Якъ зъ неволи хлопы выйшли...
Паны били, забивали,
До сорочки обдирали.
Хочъ-бы мужикъ на викъ згинувъ,
Мусивъ дати десятину.
Та ще й мало десятину,
Давай жинку и дитину,
Бо то воля ляха-пана,
Душу-бъ выйнявъ винъ зъ Ивана!
Въ кого жинка була брава,
Мужъ до неи не мавъ права:
То обмазуе господу,
То на купиль носить воду,
То у пана мете хату...
Правда, добру бере плату.
Прыйде въ вечери видъ пана,
Ходе, чмише, бо вже пьяна,
Мужъ сваритись не посьміе,
Бо винъ знае, хто се діе.
Бижять дити изъ-за хаты
Бидну матиръ выглядати;
Выглядали, не дождались,
Де стояли, тамъ поспались.
Изъ роботы прыйшла мати,
Та й забула ихъ забрати,
Бо завдавъ панъ таку штуку,
Що й до вику не забуде ту науку...
Нема-жъ теперъ теи доли,
Що бувало борщъ безъ соли
Хапай ûсти та ще й швидко,

Заки сонця ще не видко;
Бо якъ зійде сонце, зрана
Мусишъ бигти впередъ пана.
Тоди тоби не до ûжи,
Якъ нагайка плечи риже.
Панъ економъ бье изъ гукомъ
Тонкимъ гнучкимъ кнутомъ,
А помошникъ скаче та лютуе,
Ажъ кровь свище, такъ катуе!
Сиче сына, мліе мати,
Любо треба пропадати...
Плачъ, крикъ, слёзы льютьця,
Вси боятьця, вси трясутьця.
Теперь, слава Богу, всюды тихо;
Минулося й не вернеця тее лихо.

II.

Тамъ въ Цвитосци [1]) межъ лисами,
Межъ гнилыми болотами
Та зибрались мосци-паны
Воювати зъ москалями.
Вони рано повставали
Пить гарбату посидали.
Коли, смилости набравшись,
Це якъ крикне ихъ найстаршій:
«Въ реньки брони, еще прендко!
Бо москали вже близенько».
Заразъ вси тутъ сполохались
И чимъ дужъ у лисъ помчались,
А котори и зостались,
То и зъ свитомъ вже прощались.
Зовсимъ ляшки опьянили
И видъ страху одурили,
Едни другихъ одпихають,

[1]) Деревня, волынской губерніи, заславскаго уѣзда.

Що робити, не вгадають—
Чи фузію набивати,
Чи гарбату допивати.
Посидали вже на кони,
Еденъ каже: давай брони!
Другій добувае палашъ
И пиднявся крикъ та галасъ.
Потимъ трохи схаменулись
И до купы вси згорнулись.
Ксендзъ инфулу надивавъ,
Въ гору руки пидіймавъ;
Благословивъ ляхивъ панивъ,
Щобъ побили усихъ москаливъ.
Москаль коли зъ ружжа двинувъ,
Ксендзъ на землю—а ни дригнувъ.
Нема ксендза и казаня,
Чортъ ма й панивъ и повстаня!
Царь нашъ русскій змилувався,
За те дуже добре взявся,
Щобъ мужикамъ волю дати,
Изъ рукъ лядськихъ одибрати.
Александеръ теперъ царь,
Винъ те дило розибравъ,
Що Иванъ та Степанъ
Зъ тен-жъ шони, що и панъ.
Винъ те дило розибравъ,
Та и волю людямъ давъ!
Нехай теперъ кожный знае,
Нехай кожный споминае,
Чи то въ хати, чи на поли,
Чи то въ праци, чи у воли,
Що винъ батька-царя мае.

М. В.

КЪ ИСТОРІИ ЧЕРНИГОВСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

Письмо черниговскаго архіепископа Антонія Стаховскаго къ гетману Скоропадскому, 1720 г.

Ясневелможный мосцѣ пане гетмане, мнѣ велце мосцѣвый пане, патроне и великій добродѣю.

Всечестный отецъ архимандритъ святотроецкій чернѣговскій, мимошедшихъ дный, въ певныхъ монастырскихъ інтересахъ, посилалъ законника своего въ Кіевъ, которій, возвратившися оттуду, извѣстилъ, что голосно носится въ Кіевѣ о взятіи типографіи чернѣговской въ Санктъпитербурхъ, для того, же въ Невской обители заводитимется якобы типографія образцемъ лѣтеръ печерскихъ и чернѣговскихъ и уже гисару Сазанскому, котораго небожчикъ отецъ типографіи чернѣговской въ гисарскомъ майстерствѣ былъ исправитель и немалымъ коштомъ монастирскимъ матрицесы и пунсоны дѣлалъ, велено въ Санктпитербурхъ ихати, въ якомъ майстерствѣ сынъ покойного чуючись, подобно, еще не совершенъ, залѣцаетъ отческое рукодѣліе и хвалится побудкою до того бути, чтобъ зъ обители святотроецкой такъ иніи типографскіи припасы, яко и отцемъ его дѣланніи, взято въ Санктпитербурхъ, которіи чрезъ колкодесять лѣтъ заледзо великимъ иждивеніемъ и съ трудностю поробленны и зовсѣмъ, якъ надлежитъ, отчасти исправленны.

Хотя убо въ грамотахъ царского пресвѣтлого величества, при поставленіи въ архіереи, данныхъ предессоромъ моимъ и мнѣ, типографія свято-троецкая чернѣговская милостиво воспоминается и есть крѣпка по милости царского пресвѣтлого величества, яко не оттеперъ уже заведенна, но еще за живота блаженной памяти великого государя нашего царя Алексія Михайловича, всероссійскаго самодержца, еднакъ чтобъ обители святой за предстателствомъ не зичливыхъ людей не собулося, якъ носится: ясневелможность ваша, яко отецъ отечества и особливый, по Бозѣ и Богородицы, тому мѣстцу святому патронъ и протекторъ, совѣтомъ своимъ, Богомъ умудреннымъ, если бы о томъ зъ свѣтлѣйшимъ княземъ до разглаголства или до листовного одозваняся пришло, можетъ все подробну предложити и желаемую отраду всемощнимъ своимъ защищеніемъ печалной обители подати.

О якую консоляцію и я, зъ печалнымъ отцемъ архимандритомъ, припадая до стопъ рейментарскихъ, всесмиреннѣ ясневелможность вашу молю, въ протчіихъ же пребываю ясневелможности вашой, моего велцемосцѣвого пана, патрона и великого добродѣя, всеусердній богомолецъ, рабъ и подножіе, недостойный архіепископъ чернѣговскій Антоній. Зъ катедры архіепископской чернѣговской. Року 1720 го, іюня 1 дня.

Сообщ. **А. М. Лазаревскій.**

ПЕРЕОБМУНДИРОВАНІЕ ВОРОНЕЖСКИХЪ ЧИНОВНИКОВЪ КОНЦА XVIII СТ.

Въ Малороссіи, въ періодъ гетманства, существовало военно-козачее управленіе и всѣ служащіе въ полковыхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ носили общую козачую форму, мало отличавшуюся по чинамъ и отъ господствовавшаго въ польскомъ обществѣ костюма. Мы слышали, что въ архивѣ академіи художествъ есть рисунки костюмовъ полковыхъ и сотенныхъ чиновъ. Нѣкоторые образцы можно видѣть въ Исторіи Бантышъ-Каменскаго. Съ упраздненіемъ гетманства и войсковаго управленія отошли въ вѣчность и самые костюмы. Въ кіевской милиціи и у чиновъ кіевскаго магистрата они удерживались до 1834 г.: въ гетманщинѣ такая перемѣна совершилась въ 1783 г., а въ Слободской Украйнѣ и воронежскомъ намѣстничествѣ въ это время шло уже новое переобмундированіе.

Въ наше время не принято при перемѣнѣ формы въ одеждѣ служащихъ мотивировать эти измѣненія, такъ что обыкновенно остается неизвѣстнымъ, вслѣдствіе какихъ побужденій произведена та или другая перемѣна: подъ вліяніемъ-ли измѣненій вкуса или-же по требованіямъ какихъ либо практическихъ соображеній. Въ прежнее время это дѣлалось иначе, и мотивы такихъ перемѣнъ излагались въ распоряженіяхъ о нихъ, что не лишне для исторіи самой формы.

Къ числу подобныхъ распоряженій относится нижеслѣдующее, сдѣланное въ прошломъ столѣтіи воронежскимъ и харьковскимъ генералъ-губернаторомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Чертковымъ. Распоряженіе это изложено въ формѣ письма къ правителю воронежскаго намѣстничества Ивану Алексѣевичу Потапову [1]).

[1]) Архивъ харьковскаго губернскаго статистическаго комитета.

Милостивый государь мой Иванъ Алесѣевичъ!

Разсудилось мнѣ на мундирахъ, для нижнихъ статскихъ чиновъ воронежскаго намѣстничества опредѣленныхъ, дозволить нашить по сторонамъ пуговицы въ два ряда, такъ-же, какъ назначено имѣть и состоящимъ въ достоинствахъ штабъ-офицерскихъ, съ тою только для различія отмѣною, что-бъ пуговицы, вмѣсто кавтанныхъ, были камзольныя. Сіе, придавая особливую мундиру красу, послужитъ еще къ выгодѣ недостаточныхъ людей при выворотѣ платья ихъ; ибо наметанные на обоихъ сторонахъ петли могутъ сдѣлать перелицованіе онаго совсемъ непримѣтнымъ. О чемъ Ваше Превосходительство и прошу учинить надлежащія предписанія, повелѣвъ при семъ самомъ случаѣ устроить мундиры и чинамъ медицинскимъ съ круглыми неразрѣзными обшлагами и съ пуговицами на нихъ—для занимающихъ докторскія мѣста кавтанными, для лѣкарей камзольными, подлѣкарямъ и ученикамъ безъ пуговицъ. Есмь впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ.

Вашего превосходительства покорный слуга *Василій Чертковъ*.

Сообщ. **П. Е—ко.**

ственскій владимерскій Платонъ Петрушкевичъ просилъ къ себѣ на обѣдъ въ день прійдучій Благовѣщенія Пресв. Богородицы.

23. Ездилъ рано на Василевскій Островъ до іноземцовъ купцовъ Кренпина и Елленбаха, которіи имѣютъ своего корреспондента купца въ Килѣ, Калуса Албрехта Віка, чтобъ чрезъ нихъ къ сину перевести денги.

24. Куплено сукна тонкого 4 аршины, дано 9 руб., полусукна 10 аршинъ, дано 3 рубли 30 коп.; за лотъ и четверть золотника шолку дано 23 коп. Швагеръ Александръ Корецкій переносился на квартеру, для себя нанятую, въ домъ Ѳедора Ивановича Коченевского.

25. Были рано у князя П. Юр. Трубецкого, у канцлера графа Бестужева-Рюмина, потомъ въ дворцѣ обѣдни слушали, а кушали обѣдъ и даже до вечера пробавили на пѣтербурскомъ острову у архимандрита рождественского Платона Петрушкевича.

26. Отпущены писма, писанные подъ числомъ 24 сего мѣсяца до жены и до племѣнника Іосифа, съ приложеннов выпискою съ челобитной явочной, на Березовского [224]) въ полковую стародубовскую канцелярію поданный о обидѣ отъ него въ Лотокахъ затѣянной, да до Скоропадского подъ симъ числомъ писалъ о томъ-же Березовскомъ и о сѣнѣ у Куровцевъ на 200 возъ забранномъ Суворовцями чрезъ пана Околковского. Вечеромъ былъ у купца Кренпина, который до сина Василя денги перевести обѣщалъ.

27. Въ 7 часу по полднѣ былъ вынос тѣла въ Невскій монастирь умершого сего марта 26, на 77 году отъ рожденія своего, генералъ-аншефа, сенатора и обохъ россійскихъ ординовъ кавалера, гвардіи семеновского полку подполковника и императорского генералъ-адъютанта, графа Андрея Ивановича Ушакова.

Дана шить черкеска изъ полсукенка и сукно ступовать передъ симъ купленное. За ручку до молочника, изъ гебапу здѣланную, дано 20 коп. При дворѣ надѣтъ трауръ по отци и дидѣ ея імператорского высочества, государини, великія княжны, въ недавныхъ числехъ преставившихся.

---

224) Тогдашній стародубскій полковой сотникъ, которому принадлежало со сѣднее съ Лотоками село Медвѣди. И Ханенко, и Березовскій усиленно скупали земли въ с. Лотокахъ и, мѣшая этимъ другъ другу, часто ссорились.

28. Было погребеніе въ монастирѣ Невскомъ помянутому генералу Ушакову, где и отъ полковъ пѣхотныхъ производилась палба бѣглымъ огнемъ.—За нѣкоторіе лѣкарства въ аптецѣ дано 6 руб. У духовника были въ вечеру.

29. Въ придворной церквѣ имѣлъ казанье діаконъ Савіцкій. Въ вечеру были у насъ архимандритъ рождественскій володимерскій Платонъ Петрункевичъ, да намѣстникъ свінскій Лука и долго просидѣли въ ночь.

30. Шваґерь Александръ Корецкій подалъ свою челобитную въ сенатъ о удостоенныхъ деревняхъ, у котораго на квартерѣ и мы были зъ Гудовичемъ.

31. Подьячіе Яковъ Тимофѣевъ и Іванъ Воронецкій были у насъ и обѣдали. За матерію подъ карваши [225]) до черкески 25 коп., за письмо принесенное изъ почти 3 коп. Два сенатора были въ дворцѣ съ нѣкоторими докладами.—Писаны письма въ домъ до жены и до шваґра Ѳедора Корецкого, съ приложеннымъ письмомъ отъ шваґра Александра Корецкого до жены его, да въ Глуховъ до Скоропадского, до племѣнника Іосифа и до Якубовича, о пересилки въ домъ моихъ писемъ, и вручены протопопу глуховскому Алексію Галяховскому. Писали мы обще до членовъ малороссійской генералной канцеляріи по требованю отца духовника, чтобъ отправлено бунчукового товарища Івана Андріевича Гамалію для обмежованія селъ Клишокъ и Чаплѣевки [226]).

---

[225]) Нарукавники, обшлага.

[226]) Села Клишки и Чаплѣевка, кролевецкаго уѣзда, незадолго передъ тѣмъ императрица пожаловала своему духовнику Ѳ. Я. Дубянскому, по ходатайству котораго тогда-же сдѣлано было распоряженіе о снятіи пожалованныхъ земель на планъ. Межеваніе этихъ селъ сдѣлано уже было въ 1746 г. и здѣсь идетъ рѣчь, кажется, только о формальномъ отводѣ Клишекъ и Чаплѣевки Дубянскому. Въ нашей библіотекѣ имѣется „планъ ея императорскаго величества высокопреподобнѣйшаго іерея Федора Яковлевича Дубянского малороссійскимъ его высокопреподобія вотчинамъ, села Клишекъ и Чаплѣевки, 1746 году", съ надписью: „сей планъ описывалъ и сочинялъ, іюля отъ 1 числа августа по 14-е число окончано, Геодезистъ Федоръ Хрицковъ". Планъ этотъ замѣчателенъ, какъ памятникъ едва ли не перваго съ хозяйскими цѣлями межеванія въ Малороссіи XVIII в. Раньше въ Малороссіи межевалъ Меншиковъ свою Почепщину, но тамъ снята была лишь окружная межа.

Апрель.

1. Послѣ полдня первей у духовника, потомъ въ дворцѣ съ обознымъ генеральнымъ Лизогубомъ былъ, а у насъ полковникъ Василій Танскій съ Гроховскимъ до позна сидѣли.

2. Израну былъ войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ у обозного генералного, и чрезъ нѣсколко часовъ съ нимъ самъ на самъ розговори имѣлъ довольные, а потомъ прислалъ ему и три бутилки вина волоского.—Куплено полотна бѣлого на нуждныя потребности 20 аршинъ, дано 80 коп.

3. Секретарю Михайлу Новоторжцову дочъ родилась и наречена Любовія, въ 11-мъ часу предъ полуднемъ. Служителю его, съ тою вѣдомостію приходившему, дано 10 коп.—Взялъ изъ общыхъ денегъ, на содержаніе насъ опредѣленныхъ, 40 рублей, а прежде за мною было 60 руб., и такъ уже было 100 р.

4. Изволила отъѣхать государиня въ Царское село.—Полковница молодая Галаганша умерла въ Прилуцѣ [227].—Покойного Василя Мировича сынъ Стефанъ, изъ Сибѣру пріѣхавшый, сталъ у насъ на квартерѣ. Подъячій регентмейстерской конторы Ѳедоръ Ивановичъ Гординъ и Григорій Андреевичъ Сорокинъ были у мене.

5. Получилъ писмо зъ Киля отъ отца Іова. Вечеромъ былъ у шваґра Корецкого, отъ котораго ездилъ Яскевичъ на Смольный дворъ къ Іліи Журману, зъ женою своею Агафіею Давидовною въ С. П. Бурхъ пріехавшому.

6. Простился съ нами отецъ протоіерей глуховскій Алексій Галяховскій, которому и писма, подъ 31 марта врученные, впечатаны въ конвертку, подъ именемъ Бачинского и Дергуна канцеляристовъ подписанную, и врученыжъ.

7. Рано былъ у Носка, потомъ въ сенатѣ, где и писмо мое отдано для пересилки въ Глуховъ, писанное до Скоропадского о присилки удостоеній, тестю въ 1736, а шваґрамъ въ 1741 годахъ на деревнѣ данныхъ, или колій съ оныхъ.

8. Книгъ взялъ печатныхъ изъ академіи чрезъ Григорія Политику разныхъ за 9 р. 91 к., въ томъ числѣ для себе за 4 р.

---

227) Жена Гр. Ив. Галагана, дочь бунчукового товарища Андрея Дунина-Борковскаго. См. „Кіев. Стар.", 1883 г., ноябрь, стр. 469.

31 к., и совѣтовался о должныхъ мнѣ деньгахъ съ Политикою, Вечеромъ былъ Гудовичъ у князя Івана Васильевича Адоевского, сенатора.

9. Писалъ писма въ домъ къ женѣ противъ писма ея, чрезъ Журмана полученного, да до Скоропадского съ сообщеніемъ меморіала войскового и челобитной копій, где къ женѣ и писмо отъ шваґра Александра Корецкого до его жены включено, а сообщены оные писма до значкового товарища, Іосифа Дмитріевича Рославця въ Макарячи, или Дмитрово для пересилки оттоль въ Івантеики до панеи Гудовичевой, къ Рославцю-жъ имѣли быть сосланы отъ шурина, купца брянского, Тихона Григоріева Чамова изъ Брянска.—Принималъ лѣкарство Sal anglicum laxans.

Былъ у насъ въ квартерѣ Ілія Журманъ мимоездомъ изъ дворця.

10. Гудовичъ въ дворцѣ видѣлся съ Юріемъ Храповѣцкимъ и у него обѣдалъ.—Писмо отослалъ къ протопопу мглинскому, отъ сотника тамошнего Лисаневича писанное.

11. Званыи отъ Журмана, обѣдали въ Смольномъ дворцѣ мы трое и шваґеръ Александръ Корецкий, а потомъ до него заехали, а Журманъ отъехалъ въ болной дворецъ съ женою.—Рано былъ у графа Алексія Григорьевича Розумовского Гудовичъ и объявлялъ намъ, что вскорѣ состоится указъ именный о гетманѣ.

Писаны писма подъ вчерашнимъ числомъ до профессора математики въ академіи киевской Козіуса и до Івана Политяки, тамъ учащогося, чтобъ то писмо оному профессору вручивъ, просилъ отвѣту и отвѣтъ переслалъ-бы брату своему Григорію Политикѣ, академіи с. п. бурхской переводчику, а для отсилки въ Киль тихъ писемъ отдалъ оные тому-жъ Григорію Политикѣ.—Переплѣтчику при дачѣ книгъ въ оправу дано 50 коп.

12. По службѣ Божой были въ дворцѣ у графа, а вчера у графа-жъ былъ Гудовичъ одинъ для розговору о общыхъ дѣлахъ.—Грицку данъ кунтушъ мой зеленый. Кравцю, которій шилъ кунтушъ изъ сукна и черкеску изъ полсукенка, за роботу дано 2 р. 20 к.

13 и 14 wacant. 15. Расплатка учинена за разные дробные покупки и рощоть изъ Грицкомъ 2 р. 59 к.

16. Слушалъ обѣдни въ Невскомъ монастирѣ и тамъ-же, по благости Божыей, удостоился, одправя исповѣдь предъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ, святого причащенія Евхаристіи.—Розышлось 23 к.

17. Набоженство нощное о Страстехъ Христовыхъ и царскіе часы въ своей квартерѣ отправляли.—Началъ переводить Малярдовы до покойного преосвященного Ѳеофана Прокоповича отвѣты о вѣрѣ нашей и о римской и протестантскихъ религіяхъ.

18. Послѣ полдня захоровалъ жестоко на поперекъ (поясница), что якъ легъ на кроватѣ, то и повернутись не могъ.—Доплачено переплётчику за книги 29 коп.

19. Въ сей Свѣтлого Воскресенія Господня день, ради показанной болѣзни, ни въ церкви не былъ, и изъ ложка ни на малый часъ встать не могъ, а наши на набоженствѣ къ дворцовой церкви у ручки государини и въ великихъ князей были.

20. Вечеромъ былъ у насъ архимандритъ іерусалимский Агапій и на благословеніе отъ святѣйшого патріарха іерусалимского Парѳенія поднесъ крестикъ и разрѣшительную грамоту.

21. Пущалъ мнѣ кровь изъ медіанки лейбъ-медикусъ его імператорского высочества Гутенъ, которому даны 2 р.

22. Писано писмо въ домъ до жены чрезъ служителя графа Мойсѣя Владиславича, по почтѣ отправленного, въ которомъ писмѣ включилъ и помянутіе крестикъ и грамоту.

23. Были у мене камеръ-юнкеръ Милорадовичъ и адъютантъ сербского полку, которій принесъ ко мнѣ и пакетъ отъ брегадира Вітковича.

24. Писано писмо къ брегадиру Вітковичу въ отвѣтъ на его двѣ писми, да до Скоропадского съ посилкою его брегадира Вітковича пакету.

25. Въ сей день празднованія коронаціи ея імператорского величества былъ и я послѣ болѣзни первый разъ въ дворцѣ, и были у ручки государини, потомъ у графа Алексія Григорьевича Розумовского, где съ многими персонами видѣлись, и поздравляли съ праздникомъ и нынѣшнимъ торжествомъ.—Нева прошла.

26. Послѣ полдни съ 6-го часа была опера въ комедіалномъ домѣ изъ гисторіи Митридата, на которой и ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества присутствовать изволили. Получены писма изъ Глухова отъ разныхъ, въ томъ числѣ и отъ Ѳедора Чуйкевича. Данъ 1 р. маіору Воеводскому чрезъ слугу его.

27. Рано былъ Гудовичъ у графа Алексія Григорьевича Розумовского и возвратясь обнадежилъ обозного генералного Лизогуба

и мене скорымъ отпускомъ съ милостію ея императорского величества, а ему до времени здесь оставаться по собственному государини приказу.

Обозный генералный и Гудовичь ездили на обѣдъ въ Смолный дворецъ съ Журманомъ, а у мене были пѣвчій Лозовскій и гайдукъ івантенскій, которій сказалъ, что Іванъ Ломака, пріехавшый сюда челобитствовать, умеръ сего числа въ Ямской.

28. Писалъ писмо до сина въ Киль подъ № 8-мъ, тако-жъ и до ассесора Шпидендорфа по латинѣ, и отъ сина требовалъ обстоятелного отвѣту на писмо мое, отъ 3 марта писанное, и отослано къ Винклеру.

29. Послѣ полдня была въ оперномъ домѣ комедія французская, на которой и мы были.—Писмо до Скоропадского съ пакетомъ отъ Вітковича включено въ пакетъ между писма обозного генералного, въ Глуховъ писанные.

30. За цвѣтки китайскіе дано 1 р.—Рано были съ Гудовичемъ въ дворцѣ у графа Алексія Григоріевича Розумовского, которій велѣлъ еще дожидаться отправки съ терпеніемъ. Послѣ обѣда былъ у насъ Осдоръ Коченевскій и долго просидѣлъ. Полку миргородского сотникъ уптявицкій Ламанъ у насъ обѣдалъ.

Май.

1. Нарочно званный отъ Ілін Журмана на Смолный дворецъ обѣдалъ у него и въ банѣ мылься.—На направу колиски для покупки ножи и гвоздиковъ дано 30 коп.

2. За румяны китайскіе пять штучокъ дано 20 коп.—De vespere exprobabam aliqua inconvenientia A. Korecclo, post quod ille cum ira abiit.

3. Были въ дворцѣ и у графа, потомъ обѣдали на Смолномъ дворцѣ у Журмана, где видѣлись и съ преосвященнымъ переяславскимъ Арсеніемъ Могилеанскимъ и отцемъ Никаноромъ.

4. Переплетчику еще дано 20 коп. за оправу переводу Апологіи о вѣрѣ и придворного календара. Обѣдалъ у насъ Журманъ, а изъ ранку отправовалась публічная панахида въ крѣпости, въ церкві Петра и Павла, по цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ. Послѣ вечерень былъ съ Гудовичемъ у графа Мойсѣя Владиславича.

5. Писалъ писма въ Киль: 1-е до отца Іова Чарнуцкого, чтобъ увѣдомилъ мене о сину моемъ, о его наукахъ, о поступкахъ, о квартерѣ и о денгахъ, 2-е до Алексія Долинского на его писмо, ко мнѣ отъ 30 марта писанное, и отосланы до отца Никанора, соборного монастира троецкого сергіевского, для отправленія при его писмахъ въ Киль.

Въ 7-мъ часу по полдни изъ нового зимного дворця изволила ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, со всѣмъ придворнымъ штатомъ, имѣть свой публічный въ пребогатыхъ каретахъ переездъ до лѣтнаго дворця при пушечной изъ крѣпости и адмиралітейства палбѣ, въ препровожденіи гвардіи многихъ ездовихъ сержантовъ и нѣкоторого корпуса конной гвардіи.

Подписанъ указъ о гетманѣ.

6. За портретъ, тушевалною работою дѣланный на александрійской бумаги, государя великого князя Павла Петровича дано 1 р. 20 к.

7. Государиня изволила отъехать въ Царское Село.

8. За розцвѣченіе генералной россійской картины дано 20 коп.

9. Послѣ обѣда былъ у насъ Журманъ съ женою своею и доволно позабавились, тако-жъ сотникъ Ламанъ и Яскевичь.

10. Обѣдали у Журмана на Смолномъ дворѣ, куда при насъ пріехали войтъ нѣжинскій зъ капитаномъ Бараномъ и синъ войтовъ Ѳедоръ съ шваграмъ моимъ Александромъ Корецкимъ.—Государиня ночью изволила прибыть.

11. Былъ у насъ графъ Мойсѣй Владиславичь и сказовалъ, что пошлетъ своего человѣка въ Стародубъ съ писмами.

12. Дано поруччицѣ на шолкъ до шляпъ лѣтныхъ, кои велѣлъ ей для жены и дѣтей шить, 20 коп., за сѣрую бумагу до тихъ-же шляпъ 6 коп., за подошвы до сапоговъ 10 коп., за ганишъ и яловець 10 к.

13. Были на службѣ въ лѣтнемъ дворцѣ въ болшой церквѣ, потомъ въ салю болшую и къ графу заездили. За принесенный пакетъ отъ отца духовника, надписанный на мое имя, съ писмами ко мнѣ однимъ, а къ Александру Корецкому болшимъ пакетомъ отъ Якубовича, асаула генералного, заплатилъ 20 коп.

14. За шесть локотъ ленты алой до предномянутыхъ шляпъ 36 коп.—Рано былъ Гудовичь въ сенатѣ и освѣдомился, что указъ именной, сего мая 5-го числа подписанный, о избраніи гетмана нового въ сенатъ присланъ. Предъ обѣдомъ учителю Еміху по листу Скоропадского даны 20 рублей. Вечеромъ были у преосвященного псковского Симона Тодорского, а потомъ и у Ѳедора Ивановича Кочепевского.

Сего числа Александръ Корецкій отъехалъ до Кронштату.—Писалъ письмо въ домъ до жены и отдано графу Мойсѣю Владиславичу для отсилки въ Стародубъ при его писмахъ.

15. За набалдашникъ костяный дано 25 к., за нефть 11 к. Послѣ полудня былъ у насъ пріехавшій изъ Китаи Герасимъ Кириловичь Любартовскій и признался ко мнѣ съ свойствомъ. Шваперъ Александръ Корецкій возвратился изъ Кронштату.

16. Писаны письма, одни подъ вчерашнымъ, другіе подъ нынѣшнимъ числомъ, въ Глуховъ до Скоропадского, до Василевича и до Івана Гамалія, да до Іосифа, въ отвѣтъ противъ ихъ писемъ, и включены въ одинъ пакетъ до Скоропадского.—Шляпы для жены и для дочери здѣланные прислала поруччиця.

17. За четири книжки латинскіе дано Політикѣ 1 р. 15 к.—Государиня отъѣхала.—Послѣ полудня были гости мушиенкъ Іванъ Андріановичь Вожжинскій и переводчикъ іностранной коллегіи Данилевскій съ женами, тако-жъ совѣтникъ Постелниковъ и маіоръ (*пропускъ*) поліцейскій.

18. Писма, подъ 16 числомъ писанные, включены въ пакетъ обозного генералного къ асаулу артилеріи обозной Карпѣки. Послѣ полдня проездили къ Ямской, а поворотясь заездили къ шваґру Александру Корецкому.—Іхъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, отъѣхать изволили въ Царское Село.

19. Послѣ полудня проѣжджались за Невскій монастиръ.

20. Писалъ письмо до отца Іоанна брата и до сина его Іосифа и въ кооперть, на Іосифово имя подписанномъ, включены писма отъ Гудовича и отъ мене до Скоропадского съ копіею, которые вручены Грошевскому, значковому полку кіевского, да чрезъ него-жъ и требованіе съ сената о коліахъ удостоеній Корецкимъ, и писма до полковника Ізволского и до подполковника Яблонского отпущены.

21. Оный Грошевскій отъехалъ.—Рано былъ у насъ секретарь Новоторжцовъ и нѣкоторый Потемкинъ, архимандритъ вятской епархіи, къ совѣтнику Демидову ради именинъ жены его Елены званный.—Я обѣдалъ у Журмана въ Смольномъ дворцѣ, а также въ банѣ мылся.

22. Ради рожденія великого канцлера Бестужева-Рюмина многіе гости знатніе обоего пола у его кушали, въ томъ числѣ и Журманъ съ своею женою, а послѣ оны-жъ и у насъ на квартерѣ были.—Великій князь и великая княгиня прибыли въ С. П. Бурхъ и государыня ночью.

23. Рано были въ дворцѣ, гдѣ имѣлась авдіенція присланному отъ римского цесаря и цесаревой посланнику. У насъ обѣдалъ Журманъ, а по полдни зновъ отъехалъ весь дворъ імператорскій до Царского Села.

24. Передъ обѣднями ездили до князя П. Ю. Трубецкого, который на два мѣсяци въ приморскій домъ уволенъ, да до князя Алексія Дмитрієвича Голицина, а по полдни были у А. І. Головина, генерала інтенданта адмиралтейского.

25. Писалъ писмо къ сину въ Киль, подъ № 8-мъ, увѣщеваючи его, чтобъ часто къ намъ относился и для чего чрезъ корабль кильскій тамошнего обывателя Клауса Албрехта Віка, при шкиперѣ Гансе сюда прибывшій, не писалъ. Послѣ полдня былъ у насъ камеръ-лакей Милорадовичъ и ужиналъ съ нами.

26. Оное писмо къ сину отдано секретарю Вінклеру для отправленія по почтѣ въ Киль. Отставному прапорщику Жидкову дано 10 коп.

27. Послѣ полудня ездили на Смольный дворецъ, а отоль водою чрезъ Неву рѣчкою Черняткою и Малою Охтою для гуляня на дачу умершого генерала Ушакова съ Журманомъ и женою его ездили-жъ. Канцеляристу рекетмейстерскому Сорокину даны 20 коп.

28. Прошлои ночи и сегодня жестоко боленъ былъ на поносъ. Обѣдали у насъ переводчикъ Полѣтика и канцеляристъ Висоцкій.

29. Надъ вечери прибыли ихъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, въ лѣтный дворецъ.

30. Куплена Івану Рудому лакейская свита за 1 р. 30 к., да хлопцю Ефиму рубашки за—, штаны суконные за 30 к.

31. Поруччицѣ за роботу двохъ шляпъ для домашныхъ нашихъ далъ 1 р.

Юнь.

1. Рано былъ у полковника Тапского и взялъ у него книжку полскую Братковского. За книгу печатную въ академіи наукъ «Совершенное наставленіе дѣтей» дано 40 коп. Послѣ обѣда были у капитана преображенского полку гранадерского, князя Александра Александровича Меншикова, да у мунщенка дворцового Іоана Андріановича Вожжинского и у переводчика іностранной коллегіи Івана Андріевича Данилевского.

2. Послѣ полдня, за пріездомъ къ намъ Іліи Журмана, ездили въ академію наукъ для смотрѣнія электрическихъ экспериментовъ, которые намъ показивалъ профессоръ, а рано видѣли въ дворцѣ подлинный дипліомъ отъ покойного цесаря римского Карла VII, данный на достоинство графское Алексію Григоріевичу Розумовскому въ 1744 году.

3. За оправу книжки «Совершенного наставленія дѣтей»— 12 коп.

4. Государиня изволила прибыть въ С.П.Бурхъ изъ Гостилицъ въ 4-мъ часу по полночи.—Куплено колпакъ баволняный за 30 коп.

5. Были въ дворцѣ даже за полдень, а Гудовичъ рано у графа одинъ былъ и подалъ потребный меморіалъ. Пожалованъ дворяниномъ нѣвчій Яковъ Алексіевичъ Шубскій.—Куплена дюжина чашокъ фарфоровыхъ съ синѣми цвѣтами за 2 р. 90 к., за наконечникъ 5 коп.

6. Были также въ дворцѣ и благодарили графу за исходатайствованіе именного указа о гетманѣ. Григорій Политика получилъ писмо отъ своего брата изъ Киля и мнѣ оное обявилъ.

7. Послѣ службы Божои и вечерни въ церквѣ Симеоновской были въ дворцѣ и у графа Алексія Григоріевича Розумовского съ поздравленіемъ нынѣшнего Пентекостіи праздника. За «Примѣчаній» 1733 году книжку далъ 1 р. 20 к.

8. Рано были всѣ трое у графа Кирила Григоріевича, потомъ на службѣ Божой въ дворцѣ. Государиня изволила слушать обѣдни въ церквѣ на Охтѣ и кушать въ Смольномъ своемъ дворцѣ, а у насъ обѣдали графскіе люди, въ томъ числѣ Иванъ Барановскій, камординеръ, и мунщенкъ Дмитрій Воиновичъ.

9. Писалъ въ домъ къ женѣ, а въ Глуховъ къ Іосифу съ посилкою женѣ и дочерѣ Настусѣ шлянъ дамскихъ и 10 лимоній

свѣжихъ, за которые дано 35 коп., да до Скоропадского о отсилки тѣхъ писемъ и посилки. Такожъ писано къ сотнику милинскому въ отвѣтъ на его письмо. Послѣ обѣда видѣлься съ секретаремъ Виклеромъ и былъ у преосвященного псковского.—Г. Скоропадскій женился на Марьѣ Ширяевичѣ Чернышевой.

10. Писалъ къ Іосифу съ посилкою писма изъ Киля до архимандрита новгородского Аѳанасія. Обѣдалъ у насъ Журманъ, а потомъ мы у него были до вечера на Смольномъ дворѣ.

11. Писма подъ числами 9 и 10 писанные, такожъ посилка шляпъ дамскихъ и лимоній вручены атаману задѣпрского городка Архангелского Давиду Дзвипогородскому, который сего-жъ числа и отъѣхалъ почтою до Малороссіи.

12. Изволила государыня съ своимъ придворнымъ штатомъ отъѣздъ свой возьимѣть къ 12-мъ по полудни часу до Петергофа при пушечной палбѣ изъ крѣпости и адмиралтейства болѣе ста выстрѣлокъ.—Далъ шапку передѣловать шапочнику.—Ихъ імператорскіе высочества отъѣхали туда же 13 числа.

13. Рано былъ у его свѣтлости принца Августа, коадъютора высокаго штеота Любского и штатгалтера Голштинского и просилъ о призрѣніе на сина моего. Обѣдали и весь день пробавили у Журмана на Смольномъ дворцѣ. Писалъ до сина къ Киль подъ № 9 по почтѣ.

14. Обѣдали у насъ Ілія Журманъ и Якокъ Дмитріевичъ Рожевскій съ женами, да два студента изъ академіи и Григорій Политика, а потомъ были съ тими-жъ гостми, кромѣ студентовъ, у шватра Александра Корецкого и у Петра Ивановича Розумовского.

Украдено у мене въ избѣ часы серебряные старые.

15. Ночю противъ 16 числа немалый пожаръ былъ. казармы партикулярной верфи погорѣли.

16. Писаны писма въ Киль, одно до сина Василя, подъ № 10, о посадѣ принца Августа, о обхожденіи его тамъ честномъ, чтобъ онъ по окончаніи яко ни есть науки браль у профессоровъ аттестаты, о принятіи служителя помѣсячно или на четверть года, о посилки къ нему денегъ 60 червоныхъ чрезъ секретаря Крова, о присилки вѣдомости о расходѣ прежныхъ денегъ, о отвѣтахъ отъ Вестфалена и Шлидендорфа и чтобъ отписовался ко мнѣ и къ матерѣ почаще, о посилки къ нему-жъ 3 слоиковъ закусокъ, молитвъ и вы-

писки о перегринаціи и феерверка Гостилицкого.—другое до отца Іова, чтобъ деньги, посылаемые къ сину, принялъ въ свое содержаніе.

За золотникъ конциннели 10 к., за слоикъ нефти 9 к.

17. Писмо къ сину, вчера писанное, и 60 червонныхъ, и закуски вручены секретарю его свѣтлости принца Августа Андрею Крозе. Сего-жъ числа въ 6 часу по полуночи графиня Евдокія Ивановна Чернышева по 14 дневной болѣзни преставилась. Были вечеромъ у совѣтника Постельникова, а оттуду пріехавши, занемогъ я на колку. Швагеръ Корецкій отъехалъ въ Пітергофъ.

18. Весь день лежалъ боленъ. За два пузирки еліксиру даны 12 коп. Въ 8 часу по полдни былъ выносъ тѣла графини Чернышевой до монастиря Невского.

19. Оной же графинѣ погребеніе было въ Невскомъ монастирѣ. Послѣ полудня посѣщалъ мене секретарь его свѣтлости принца Августа Іоанъ Андрей Кроузъ, завтра отселѣ съ камординеромъ Андреемъ Гагертомъ и протчею его свѣтлости свитою имѣющый отъсжджать до Кронштата, а оттуда купно съ принцомъ въ Голстинію. Возвратился швагеръ Корецкій изъ Пітергофа.

20. Писано писмо къ сину въ Киль, подъ № 11, чрезъ іеромонаха Невского монастиря Іосифа, отправляючогося на фрегатѣ, называемомъ Москва, на которомъ и принцъ Августъ отъедетъ, да чрезъ него-жъ и до отца Іова писмо, подъ 16 числомъ писанное, сообщено при меморіалѣ, о чемъ имѣетъ онъ сину и словесно отъ мене сказать.—Принцъ Августъ отъехалъ въ Пітергофъ.

21. Послѣ обѣда отправилъся въ Пітергофъ Гудовичь за общымъ дѣломъ и вкупѣ поехалъ туда съ Журманомъ, которій съ женою, туда сдучи, заездилъ и до насъ.

22. Надъ вечеры былъ у графа Мойсѣя Владиславича, где видѣлъся и съ княземъ волоскимъ Сергіемъ Дмитріевичемъ и съ докторомъ Кандоны.

23. Послѣ полдня возвратился Гудовичь изъ Пітергофа, а мы изъ обознымъ были у генерала лейтенанта Радіона Михайловича Кошелёва.

24. Сержанту астраханского пѣхотного полку Іогану Рейсу позичилъ 4 р., а его застава—табакерка ясписовая и 8 камушковъ у мене осталось.

Предъ вечернями были у гвардіи измайловского полку маіора и генерала маіора Іосифа Ивановича Гамфа и такъ о дѣлахъ нѣкоторихъ общихъ, до военной коллегіи касающихся, яко и о отпуску сержанта Горленка и о кантенармусу сибѣрского гварнізону Іоану Василіевичу сыну Мировичу представляли.

25. Послѣ полудня ездили на Василевскій Островъ и тамъ были у секретаря Новоторжцова, которого я просилъ и о дѣлѣ шваговъ моихъ Корецкихъ, взглядомъ удостоенія ихъ на дворы посполитіе.

26. Писаны писмы въ домъ до жены о томъ, что къ сину въ Киль посланы еще 60 червоныхъ чрезъ секретаря Кроза, да въ Глуховъ до Скоропадского о дѣлѣ графовъ Владиславичовъ и графини Борозновны и отданы для отсилки въ Стародубъ графу Мойсѣю Ивановичу.—За передѣлку шапки дано шапочнику 50 к.

27. По полдни въ 7 часу вѣхавъ изъ С.П.Бурха, прибыли въ мизу Головинскую графа А. Г. Розумовского и тамъ у Журмана ужинали и почевали.

28. Рано прибыли въ Пітергофъ и по службѣ были у ручки великого князя и великой княгини, потомъ были въ Мемплезирѣ и клапялись государинѣ, и съ графомъ и протчими господами видѣлись. Обѣдали у преосвященного Симона Тодорского, епископа псковского.

29. Передъ службою поздравляли великого князя съ тезоименитствомъ и у обоихъ были съ протчими у ручки. По обѣднѣ и молебствіи у отца духовника обѣдали, потомъ были въ салѣ большой, где балъ отправляѣся, а ужинали у стола государева въ Мемплезирѣ.

30. Рано были у графа и отклонились. Отьобѣдавъ же въ квартерѣ, отъехали изъ Пітергофа и прибывъ въ графскую Головинскую мизу, тутъ застали архіерея с.п.бурского, по которого отъездѣ мы тутъ и ночовали.

Юлъ.

1. Въ 10-мъ часу изъ мизы поехали, а въ С.П.Бурхъ прибыли по полдни въ 3-мъ часу.

2. Vacat. 3. Пріехалъ швагеръ Александръ Корецкій изъ Пітергофа.

4. Писмо къ сину въ Киль подъ № 12, а подъ числомъ іюня 30-мъ на его въ отвѣтъ писанное, отдано секретарю Вынклеру для отсилки по почтѣ въ Голстинію. За оправу въ срѣбро трости съ набалдашникомъ бѣлымъ дано золотарю 40 коп.

5. Рано былъ у мене секретарь Вынклеръ съ объявленіемъ письма, отъ ассесора Шлидендорфа къ нему о состояніи сина моего въ Килѣ писанного. По полдни былъ я съ Гудовичемъ у кофишенка Савлукова, где и священника церкви, что на Большомъ Конюшенномъ дворѣ застали.

6. Рано ездилъ до сенатора, князя Алексія Дмитріевича Голицина и о дѣлѣ напастномъ, отъ Соколовскаго затѣянномъ, розговоръ имѣлъ.

За сѣтку срѣбную до дитячой шапочки дано 1 р. 20 к., да еще розышлось на нѣкоторые потребности 28 коп. Грицку на его нужды дано 44 коп. Івану Рудому да хлопцю Ефиму на чоботи и другіе потребности 69 коп.

7. Обѣдали у насъ Журманъ и Рожевскій, бывшій управитель Смолного дворца.

8. Были на Василевскомъ Острову на биржѣ и на кораблях и тамъ купилъ двѣ gernali за 2 р. 50 к. Прибылъ въ С.П.Бурхъ Георгій Белецкій-Носенко и сталъ у насъ квартерою.

9. Vacat. 10. Писаны писма въ Глуховъ до племѣнника Іосифа, въ Грузкую до Чуйкевича, въ домъ до жены и приложены въ домъ же отъ шваґра Александра Корецкого и одъ Гудовича къ сожительницамъ ихъ. Войтъ нѣжинскій былъ у обозного генералного Лизогуба, а у мене канцеляристъ рекетмейстерскихъ дѣлъ Николай Ивановъ, у которого дѣло наше, по апелляціи писанное, и ему-жъ данъ отъ мене 1 р.

11. За ленту до часовъ, да до шапокъ женной и дитячой— 24 коп. Писмо до сина писанное обширно, противъ донесенія Іоана Колѣтники и професора Козіуса, отослано до секретаря Вынклера для отправки по почтѣ въ Киль, подъ № 13.

Великій князь и великая княгиня передъ вечеромъ, а государиня ночью изволили прибыть въ С.П.Бурхъ.

12. Были въ дворцѣ и по службѣ допущены къ ручкѣ государини и великого князя великой княгини, потомъ купно съ архіереями синодалними и съ протчими были у гр. А. К. Розумовского.

13. Рано были въ дворцѣ и просили графа о исходатайствованіи отпуску, токмо велѣлъ еще потерпѣть. Государиня изволила опять отъехать изъ С. П. Бурха.

14. Государь великій князь съ государинею великою княгинею отъехали въ Петергофъ. Господинъ обозный съ Гудовичемъ были у генерала аншефа, семеновского полку подполковника и кавалера Стефана Ѳедоровича Апраксина за Іваномъ Василіевымъ синомъ Мировичемъ[228]) съ прошеніемъ о опредѣленіи его въ гварнізонъ глуховскій.

15. Обѣдни слушали въ Невскомъ монастирѣ, а потомъ обѣдали у архіерея и архимандрита тамошнего, преосвященного Ѳеодосія Яновского, купно съ преосвященнымъ великопермскимъ Варлаамомъ, а оттоль возвратясь, занемогъ я на колку въ правомъ боку.

16 и 17 числа жестоко не домагалъ на колку-жъ. За книжку «Зерцало юности» дано перепліотчику 20 к. Взялъ у Якова Дмитріевича Рожевского 150 рублей и на оные денги далъ ему писмо, такожъ о пріемѣ тихъ денегъ и до судіи енералного Якима Горленка писалъ. Сотникъ Андрей Горленко отъехалъ.

18. Изъ оныхъ денегъ далъ въ позыку швагру моему Александру Корецкому сто рублей, а 42 р. и 40 к. вручилъ ему на покупку въ Москвѣ карети или берлина, да шоръ пари со всѣмъ и двохъ паръ скоржовыхъ пасовъ. Да у него швагра за червоные 45 взятые даны ему 101 р. 50 к. Гудовичъ отъехалъ въ Петергофъ, которому вручилъ я и унѣверсалъ подлинный на Чаусы, и челобитную, и меморіалъ о жалованной грамотѣ.

19. Писма до жены въ домъ о посилки, чрезъ швагра Александра посилаючейся, до швагра Ѳедора Корецкого объ отъездѣ брата его отселя въ Москву, до управителя дому Толстыхъ Іосифа Яковлевича Красінского объ отдачи моихъ, у него имѣючихъся за 72 ведра вина, денегъ 57 р. 60 к. швагру Александру на помянутіе покупки, изъ меморіаломъ тому-жъ швагру оного Красінского

---

[228]) Повидимому, сынъ Вас. Ив. Мировича, отъ перваго его брака съ Анной Конст. Мокіевскою, Василій Мировичъ былъ сосланъ въ Сибирь около 1716 г. и тамъ женился въ другой разъ, оставивъ отъ этого брака сына Степана, о выѣздѣ котораго изъ Сибири говорится въ дневникѣ *19 августа*. Объ этихъ Мировичахъ см. Мазепа и Мазепинцы, стр. 690—695.

токмо о моихъ у него имѣвшихся запасахъ, приложены и вручены Александру Корецкому, купно съ посилаючимися вещами и книгами въ домъ, которій, купно съ канцелярістомъ Максимовичемъ, и при немъ Степанъ Васильевъ синъ Мировичъ, изъ Сибіра свобожденный, до Малороссіи послѣ полудня отъехали на наіомныхъ подводахъ, 3-хъ парахъ, пара по 12 р. 50 к.

20. Были съ г. обознымъ генералнимъ въ дворцѣ на службѣ Божой. Послѣ полдня былъ у насъ кофишенкъ Саблуковъ, а надъ вечеры возвратился зъ нѣчимъ Гудовичъ зъ Петергофа.

21. За Библію полскую, въ академіи купленную, дано 1 р. 50 к. Въ прошедшихъ числехъ на разные экспенси розышлось 76 к. За бумажный платокъ 38 к., за оправу книжки полской 10 к., за оправу зажигателного стекла въ дерево 25 к.

22. Яковъ Дмитріевичъ Возжинскій у насъ обѣдалъ.

23. На писмахъ о нѣкоторомъ спорномъ гаю, сочиненныхъ отъ бунчукового товарища Василія Гудовича и Іліи Журмана, по прошенію ихъ обоихъ, я и обозный генералный Лизогубъ во свѣдительство подписались и печати приложили.

24. Писалъ къ женѣ о занятыхъ здесь денгахъ 150 р., чтобъ оные велѣла отдать въ Глуховѣ судіи енералному Горленку, и тамъ включить двѣ росписки за рукою шватра Александра Корецкого, которому даны въ займы 100 рублей, да 42 р. 40 к. на покупки въ Москвѣ, и то мое писмо отослалъ къ Журману для отсилки по почтѣ въ Стародубъ.

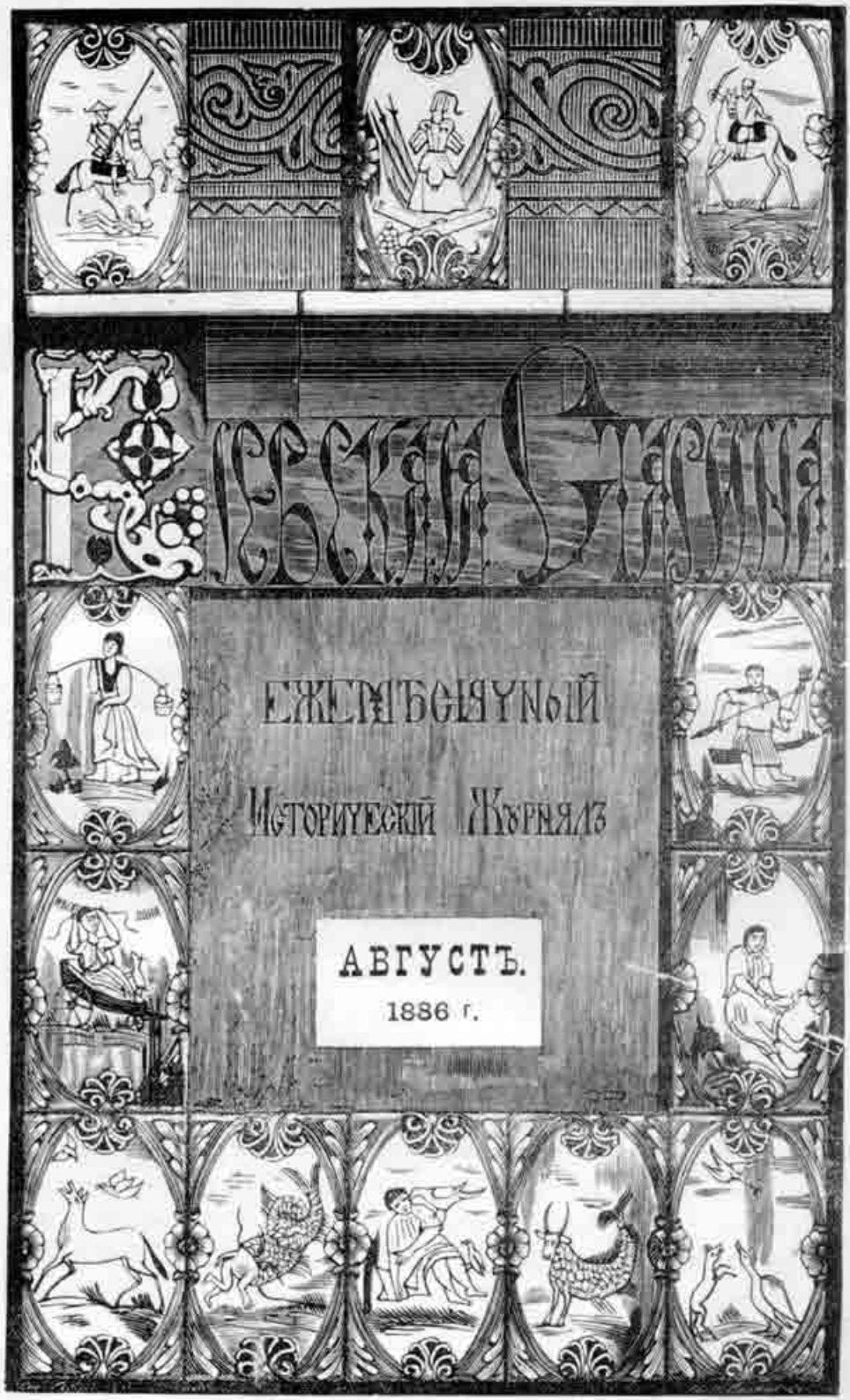
Данъ отъ насъ пашпортъ жителю Стародуба Дмитру Зозулченку о свободномъ пропускѣ его до Глухова и о немъ-же писали до старшины енералной.

Писано отъ мене писмо въ Киль до отца Якова Чурпуцкого въ отвѣтъ на его писмо, якое получено мною чрезъ отца Никанора. Івану Кухтику куплены двѣ сорочки за 73 к.

25. Обѣдали у Журмана на Смолномъ государини дворѣ и тамъ-же стрѣляніемъ зъ лука забавлялись.

26. Vacat. 27. Тоже. 28. Купленъ столикъ круглій на одномъ столпику, дано за оный 36 коп. Секретарь Новоторжцевъ рано былъ у насъ.

29. Писано писмо въ Киль до Івана Політики на его писмо ко мнѣ о состоянін и всякихъ прогрессахъ сина моего писанное,



Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.